

Сергей Черемнов

ТВОРЧЕСКИЕ ЛЮДИ

очерки

зарисовки

статьи

эссе

Книга шестая

Сергей Черемнов

ТВОРЧЕСКИЕ ЛЮДИ

очерки

зарисовки

статьи

эссе

Книга шестая

г. Кемерово

2025 ©

«Творческие люди. Книга шестая» – содержит более двадцати новых очерков, зарисовок, статей и эссе о журналистах, издателях, поэтах, художниках, режиссёрах, инженерно-технических работниках телевидения и радио. Большой раздел посвящён работникам средств массовой информации – участникам Великой Отечественной войны, что особенно важно в год 80-летия Победы над фашизмом.

В шестой том вошли материалы о таких незаурядных журналистах Кемеровской области, как Николай Самошонков и Виктор Кунгурцев, о редакторах газет Иване Бабанакове и Иване Васильеве, радиорепортёрах Виталии Галдаеве и Михаиле Ялине, художнике-постановщике Рудольфе Желеховском и фотохудожнике Юрии Лобачёве и многих других. У каждого из них своя судьба, но всех их объединяет талантливость, работоспособность, творческий подход к любимому делу.

12 +

© С. Черемнов.

Творческие люди. Очерки, зарисовки, статьи, эссе. Книга шестая.
– Кемерово, 2025. – 166 с., илл.

Часть 1.
Да не сотрётся
память

Мы не один пуд соли вместе съели. (Заметки о жизни и совместной работе с Николаем Самошонковым)

Кабинет на пятом этаже Кемеровского обкома партии, окна которого выходили на здание областного комитета госбезопасности, я ещё не успел толком «обсидеть»: только что в июне – из кресла редактора газеты «Шахтёрская правда» в Прокопьевске – был назначен завсектором печати, теле- и радиовещания отдела пропаганды и агитации обкома. Сменил на этом посту Александра Васильевича Семёнова. Всего же в моём «громдном» секторе было две единицы – заведующего и инструктора. Ставка инструктора была свободна.

– Погоди, – сказал мне после назначения заместитель заведующего отделом пропаганды Владислав Прокопьевич Бехтер, – мы тебе настоящего «штыка» подберём. Знаю я одного хорошего парня. Он тоже в газете работал...

И вот спустя недели две-три к нам пришёл Самошонков. Выше среднего роста, поджарый, жилистый, чуть сутуловатый, импульсивный. Он даже походку имел необычную: быструю, будто танцующую.

– Привет! Меня зовут Николаем, – представился он. – Назначен к тебе инструктором.

И так крепко пожал руку, что сразу почувствовалось – спортсмен! С тех пор, кстати, в нашем секторе «завелась» двухпудовая гиря, которую Коля под одобрительные возгласы сослуживцев каждый день выжимал по несколько десятков раз по очереди каждой рукой. И вообще, он был как ртуть – стремительный не только в

движениях, мог быстро перелопатить несколько годовых подшивок городских или районных газет и написать аналитическую записку по их публикациям.

И общаться любил некоей своеобразной скороговоркой, не всегда понятной собеседнику, но, видя, что человек его не понимает, Николай смеялся и повторял слова уже помедленнее. Первое время я тоже плохо разгадывал, что тот хочет сказать, постоянно переспрашивал. Николай не обижался, знал свой недостаток, усмехаясь, терпеливо повторялся. Вскоре я привык к пулемётному стилю его разговора и к тому, что без улыбки Самошонкова не бывает, что бы ни случилось. Главное, у него всегда было хорошее настроение, которым он, не скупясь, делился с окружающими.

В конечном счёте, мы с ним, как говорится, не один пуд соли вместе съели. И когда его весной 2016-го не стало (а случилось это внезапно, по крайней мере, для меня), я так загоревал, что очень захотелось сказать о нём доброе слово. Тогда родилась небольшая повесть под названием «Сибиряки на Варварке» – это про нас с ним, про наши общие дела, про нашу жизнь и работу. Хотя, больше, конечно, про него – про Кольку Самошонкова.

Если честно, там многое – ни убавить, ни прибавить. Публикация вышла в 2021 году в сборнике рассказов с одноимённым названием («Сибиряки на Варварке»: Повести и рассказы. – Владимир, 2021; http://f.kemrsl.ru:8081/iap/DFDL/licenzion/Sibiryki_na_varvarke_Chermnov%20S..pdf).

Так что в этом очерке нет-нет да буду ссылаться на выдержки из этих «Сибиряков». (Пусть простит такой подход въедливый читатель...).

Николай родился 4 февраля 1955 года в городе Таштаголе, что на самом юге Кемеровской области. В школе учился хорошо. С раннего возраста серьёзно увлёкся боксом. Секцию бокса вёл известный мастер этого вида спорта Юрий Айларов. Коля обожал тренера, мог про него часами рассказывать. И тренировался очень обстоятельно, упорно, ведь тренер не без основания имел на прилежного ученика хорошие виды.

Таштагольская школа бокса до сих пор в чести среди профессионалов, экспертов, просто знатоков и болельщиков. Достаточно вспомнить имя таштагольца Юрия Арбачакова – советского боксёра наилегчайшего веса, чемпиона СССР, Европы и мира среди боксёров-любителей конца 1980-х. Он же с 1992-го по 1997-й становился чемпионом мира среди профессионалов по версии Всемирного боксёрского совета (WBC). Заслуженный мастер спорта СССР, ему присвоено особое звание «Выдающийся боксёр СССР».

Ю. Я. Арбачаков тоже начинал у тренера Юрия Семёновича Айларова. Многие «птенцы» гнезда этого наставника настойчиво тренировались, желая взлететь высоко. Среди них был и юный Николай. Настырные тренировки привели к тому, что он вместе с другими таштагольскими боксёрами становился победителем областных соревнований, результативно участвовал в первенствах не только Кузбасса, но и Сибири, Дальнего Востока... За победу в сложных поединках Самошонкову, который по мнению не только тренера, но и коллег-спортсменов всегда отличался на ринге лидерскими качествами и силой характера, присвоили звание «Кандидат в мастера спорта СССР».

Семья Самошонковых в Таштаголе была хорошо известна. Отец Николая Василий Егорович Самошонков возглавлял передовую бригаду проходчиков Таштагольского рудника, где и сегодня добывают железную руду для металлургов Новокузнецка. В 1966 году он был удостоен высшей степени отличия за труд в СССР – звания Героя Социалистического Труда. Кроме золотой медали «Серп и Молот» также имел

самую высокую государственную награду – орден Ленина и грамоту Президиума Верховного Совета СССР. Избирался делегатом на XXIV съезд КПСС.

Сын очень любил и уважал отца. Николай Васильевич всегда, как мог, поддерживал его и помогал...

После окончания в 1972 году школы-десятилетки Коля работал в мехцехе Таштагольского рудоуправления. Потом его призвали на срочную службу в Советскую армию. Там же его приняли в члены КПСС. Два года – с 1973-го по 1975-й – тянул он солдатскую лямку в одной из московских частей, мечтая, кстати, об учёбе в вузе, ведь его со старших классов всерьёз привлекали темы информационной и общественной политики. Поэтому после демобилизации направился в Казань, где поступил на факультет журналистики местного государственного университета.

Учился на «отлично». Ветреный с виду студент Самошонков, в свободное от занятий время мог позволить себе самый бесшабашный поступок. Например, на спор мог влезть на Спасскую башню Казанского кремля, чтобы потрогать стрелки огромных часов с «малиновым» звоном, установленных в верхнем ярусе, за что получал соответствующий нагоняй. Но в постижении учебных дисциплин был прилежен, как никто. Потому его диплом об окончании университета в 1980 году получился красного цвета – диплом круглого отличника.

После этого дипломированный специалист вернулся в Таштагол, устроился литературным сотрудником – на репортёрском сленге «литрабом», а по-простому корреспондентом – в городскую газету «Красная Шория». Издание в то время возглавлял заслуженный работник культуры РСФСР редактор Вениамин Иванович Лебедев, которого все почему-то называли Геннадием Ивановичем. Редактором он был опытейшим – до этого прошёл хорошую школу в главной областной газете «Кузбасс». Хоть «Красная Шория» и находится на периферии нашего региона, она всегда была на хорошем счету.

Здесь делали первые шаги известные мастера печатного слова: народный писатель Белоруссии Виктор Козько, писатель Сергей Ковякин, российский поэт Олег Максимов, кузбасские журналисты Алексей Калинин, Борис Жарков, Виктор Сохарев. Газета не раз становилась лауреатом республиканских и областных конкурсов, победителем областного конкурса «Золотое перо» в номинации «Газета, добившаяся лучших творческих показателей». Журналисты Ольга Щукина, Александр Духанин становились победителями межрегиональных и областных конкурсов журналистского мастерства.

Так что Николаю было у кого поучиться не теории, но практической журналистике. И он старался, много и часто ездил по местным предприятиям и горняцким посёлкам Темиртау, Тельбес, Мундыбаш, бывал в горнорудных шахтах. Своими заметками, статьями, корреспонденциями активно помогал таштагольцам решать задачи экономического и социального развития.

В апреле 1982 года Самошонкова приняли в Союз журналистов СССР. (Как указано в его учётной карточке члена этой творческой организации, его литературный псевдоним был «Н. Васильев»). Скоро его назначили заведующим отделом редакции, а потом и заместителем редактора газеты.

Но при этом он не забывал заниматься и другим любимым делом – исследовать теорию и проблемы информационной политики СССР. А тут из обкома партии пришло предложение о том, что «Красная Шория» может направить одного из сотрудников учиться на очном отделении журналистики в Высшей партийной школе в Новосибирске. Редактор, не задумываясь, рекомендовал Николая Самошонкова.

В ВПШ тот тоже учился на пятёрки и в 1987 году снова получил красный диплом о втором высшем образовании. А следом и был назначен тем самым инструктором сектора печати, о чём я уже вначале рассказал.

Несмотря ни на что, работу нашего сектора печати трудно было назвать рутинной. Конечно, сегодняшнее информационное поле Кузбасса не сравнить с тем, что было в середине 1980-х. Тем не менее, приведу цифры по СМИ того времени. В Кемеровской области на предприятиях и в организациях выходили в свет 99 многотиражных корпоративных газет. В городах и районах Кузбасса действовали 30 редакций городских и районных газет. Плюс Кемеровское областное телевидение с филиалом в Новокузнецке. Ещё областное радио, которое имело свою региональную сеть с редактором в каждом муниципалитете.

Редкая неделя для нас с Николаем обходилась без командировок. Чаще ездили по одному, чтобы кто-то постоянно находился в обкоме. А поводов для поездок было хоть отбавляй: жалобы читателей на редакцию, конфликты между руководством города и газетой, срывающийся ремонт редакционных или типографских помещений, срывы графиков выпуска изданий и так далее – это из негативной части нашей работы. Но были и позитивные моменты: юбилей со дня выхода в свет первого газетного номера или круглая дата у какого-нибудь ветерана журналистики, и тогда надо от имени областного руководства вручить юбиляру заслуженную награду, достойно поздравить.

Но иногда нам выпадало съездить куда-нибудь и вдвоём. Вспоминается, как однажды зимой мы с ним оказались в Таштаголе, в редакции «Красной Шории». А вечером редактор Лебедев повёз нас на свою заимку за городом, где до жути натопил баню. Он натянул на голову войлочную шапку и напарил нас так, что я после уличного морозца да ещё и с непривычки просто осоловел. А им, таштагольцам, хоть бы что! И они потом долго надо мной похохатывали...

Примерно через год работы в секторе мы объехали все без исключения территории нашей области, а некоторые не по одному разу. Перезнакомились со всеми редакторами и многими журналистами районных, городских и областных печатных изданий, телевизионщиками и радиийщиками, собственными корреспондентами центральных СМИ. Помогали им, чем могли.

Конечно, всё это происходило в тех условиях, в тех рамках. Но огромную роль газет, ТВ и РВ в нашей жизни мы хорошо понимали, доверяли опыту большинства редакторов, поэтому в разных конфликтных ситуациях всегда старались быть на стороне редакций. Проводили областные семинары для кузбасской прессы, выступали с докладами перед слушателями парткурсов в областном Доме политпроса.

Обком КПСС, а, следовательно, и Кемеровскую область тогда возглавлял Вадим Викторович Бакатин, руководитель с опытом работы, однако с авторитарным стилем, он достаточно жёстко, даже высокомерно относился к подчинённым. Это проявлялось и на общих аппаратных совещаниях аппарата обкома, и на разных встречах у него в кабинете.

Сотрудников обкома он знал в лицо и по имени. Бывало, на большой аппаратной летучке в овальном зале обкома начинает раздавать задания отделам и секторам. Звучит задание и отделу пропаганды, в том числе нашему сектору. Мы с Николаем, сидя в самом верхнем ряду зала, тут же шёпотом начинаем обсуждать, как лучше приступить к выполнению.

«Черемнов, – вдруг раздаётся на весь зал из президиума голос Бакатина, – вы чего там шепчетесь с Самошонковым? Если у вас есть что сказать, выходите сюда!

Руководителя области они перебивают... Виктор Васильевич (Рябов, завотделом агитации и пропаганды Кемеровского обкома партии), разберитесь с ними, накажите и доложите мне!»

Мы после совещания бегом к Бехтеру:

– Владислав Прокопьевич, мы же никого не перебивали, по делу шептались...

– Ладно, – успокаивает нас он. – Обойдётся, думаю, но Рябову всё же расскажите. После меня к нему зайдёте, я его подготовлю...

После Бехтера, опустив головы, заходим в кабинет к Рябову.

– Д-допрыгаться хотите? – слегка заикаясь выговаривает нам Виктор Васильевич.

– От «самого» замечание получаем на ровном месте. Ставлю вам на вид. Задание своё слышали? Если к вечеру не подготовите хорошую справку по работе СМИ области, накажу сильнее...

Мы с Колей перемигиваемся: обошлось! И вот уже он на весь коридор нашего пятого этажа хохочет и расписывает коллегам, как нас песочил первый секретарь.

Каждое утро всё время, что В. В. Бакатин руководил регионом, он начинал с чтения обзора свежих центральных и областных газет. А приходил первый секретарь на работу около восьми часов, начинал разбирать поступившие документы, письма, особо серьёзные жалобы от населения. Считалось, что читать сами газеты ему некогда. Поэтому, к его приходу наш сектор печати должен был успеть подготовить ему этот обзор, который, выражаясь более современно, можно назвать дайджестом прессы, занимал 2-3 страницы текста.

Мы с Николаем по очереди приходили на работу в начале седьмого утра. Здесь уже поджидал бессменный Бехтер с охапкой газет: «Правда», «Известия», «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса» и другими. Кое-что из публикаций он успел наметить. Тот из нас с Колей, кто дежурил в этот день, садился за печатную машинку (компьютеров ещё не было). Бехтер диктовал, мы печатали, нервничали из-за ошибок или опечаток, приходилось тщательно их вручную подчищать – Бакатина ошибки очень сердили.

Но и в конце рабочего дня покоя сотрудникам обкома не было, ведь Вадим Викторович уходил домой не раньше 20 часов. И весь аппарат обкома сидел на рабочих местах – на всякий случай, вдруг кто-нибудь понадобится «первому». Сидели, томилась и ждали, когда же он закончит. Сидел в ожидании и наш пятый «идеологический» этаж. Рябов сидел, Бехтер, мы с Колей и другие.

Саня Мартусов сидел в ожидании. Он вскоре после Самошонкова перешёл в отдел пропаганды из спортивной организации. Был он тогда простым парнем, ещё не доведённым службой во властных структурах области до важного состояния, которого мы тогда называли просто Сашей, Александром. Чтобы как-то скоротать время, иногда Александр с Николаем по заданию замзавотделом оперативно устремлялись в магазин. И после их возвращения с определённым «уловом» у мужской части отдела поднималось настроение, тогда мы могли находиться на работе хоть до полуночи.

Время от времени эти же сотрудники устраивали в отделе спортивные уроки и даже соревнования. Коля, допустим, снимал пиджак, закатывал рукава и, ослабив галстук, показывал приёмы бокса. Он становился в боксёрскую стойку и начинал бой с тенью, пританцовывая на чуть согнутых ногах, бил невидимого соперника левой, потом правой, снова левой. Каждый удар сопровождал резким выдохом сквозь зубы, получалось что-то вроде: «Пых, пых, пых, пых...». Или брался за гирию, о чём сразу узнавал весь обкомовский этаж. Он так опускал её на пол, что грохот гулко разносился по коридору.

Бывало, и спорили до хрипоты на какую-нибудь политическую тему. Или делали на спор символические ставки на того же Самошонкова. Ведь в некоторых упражнениях он не знал себе равных, показывая просто фантастические результаты. Допустим, в отжимании руками от пола. В «Сибиряках на Варварке» об этом сказано так:

«Больше всего он любил делать что-нибудь на спор, особенно с незнакомыми людьми. Например, предлагал пари, что отожмётся от пола восемьсот сорок раз. Незнакомцы охотно покупались на это, ведь ни один здравомыслящий человек не мог себе этого представить. Минут через сорок человек понимал, что неутомимый Сомов (прототипом этого героя повести и был Николай Самошонков) выполнит обещание, и шёл в магазин...».

Только не зря на кольце царя Соломона была выгравирована надпись «Всё проходит и это пройдёт». В октябре 1988 года М. С. Горбачёв назначил В. В. Бакатина министром внутренних дел СССР. И тот отбыл в Москву, а первым секретарём Кемеровского обкома КПСС избрали Александра Григорьевича Мельникова, который успел поработать и первым секретарём Томского обкома партии, и заведующим Отделом строительства ЦК КПСС. Как и В. В. Бакатин, он тоже был строителем по образованию, но, в отличие от предшественника, человек интеллигентный, мягкий, обходительный, с широким кругозором и обширными знаниями. К подчинённым относился с уважением. Во всяком случае, свежие газеты он успевал читать сам. И наши ежеутренние и ежевечерние бдения закончились.

Реформаторы в Центральном Комитете партии старались следовать в фарватере современного развития, внедрять новые подходы и методы работы, хотели знать мнение граждан, чтобы принимать нужные решения. И рассылали рекомендации в регионы. В связи с этим отдел пропаганды и агитации переименовали в идеологический. А в декабре 1988 года изменения коснулись и нашего сектора печати – теперь он стал называться сектором средств массовой информации и изучения общественного мнения.

Теперь у меня в подчинении оказалось три человека. Двое из них начали заниматься социологией. Для этого мы наладили тесную связь с социологическим подразделением Кемеровского госуниверситета, которое возглавляла Елена Алексеевна Морозова (сейчас – доктор экономических наук, профессор, научный руководитель КузбассЦИОМа и социологического центра КемГУ). Получали их исследования, сами организовывали телефонные, уличные опросы кузбассовцев. Писали записки руководству обкома.

Сил у нас, конечно, имелось маловато, но новое направление было интересным. Увлёкся им и Николай, на основании полученных результатов делал расчёты, составлял таблицы. Даже от газетных проблем начал отходить, за что я его критиковал... Но что поделать?! – тянула его к себе наука, и он сам тянулся к науке.

Когда в июле 1989 года в Кемеровской области началась забастовка шахтёров, в Кемерове проходил всесоюзный семинар журналистов, пишущих на угольные темы.

В семинаре участвовало сотни полторы человек, были представители Минуглепрома СССР, Союза журналистов из Москвы, центральной прессы. Конечно же, и наши собкоры центральных газет, репортёры со всех угольных городов и посёлков Кузбасса. Мы с Самошонковым по полной были задействованы в подготовке и проведении семинара.

Мероприятие должно было продлиться несколько дней. Открытие семинара прошло нормально. Но уже с утра на второй день сообщили, что накануне, 10 июля 1989 года, – кажется, это был понедельник – около 300 шахтёров Междуреченска отказались спускаться в шахту и предъявили администрации около двух десятков требований. Главные из них – по оплате труда, установлению единого выходного дня, обеспечению горняков мылом...

Министерских и центральную прессу с нашего семинара как ветром сдуло: все понеслись в Междуреченск. Большой семинарский зал заметно поредел. Мы с Николаем чувствовали себя как на иголках, однако, надо же было как-то доводить словно специально под забастовку организованное мероприятие до конца. «Скомкали» программу нашего «симпозиума», кое-как завершили его. И... началась самая беспокойная при генсеке ЦК КПСС М. С. Горбачёве полоса нашей партийной жизни.

Пока в Москве разбирались, что к чему, забастовка в считанные дни охватила все шахты Кемеровской области. Михаил Сергеевич срочно выступил на сессии Верховного Совета СССР, назвал требования шахтёров Кузбасса справедливыми, заявил, что ЦК КПСС и правительство страны могут дать твёрдые гарантии удовлетворения требований шахтёров Кузбасса. Министр угольной промышленности Михаил Щадов направил телеграммы на шахты Кузбасса, тоже обещая немедленно удовлетворить требования шахтёров. Однако, это вызвало взрыв недовольства и волну новых шахтёрских забастовок, но уже по всей стране. Наш сектор, как и вся область, ежевечерне смотрел по областному телевидению острые репортажи Александра Колпакова. Мы с Николаем до хрипоты спорили, что же будет дальше. Помню, как стояли на крыльце обкома и ждали, когда многоголовая колонна чумазных кемеровских горняков в рабочих спецовках дойдёт из Рудничного района до площади Советов. Выражения лиц всех ожидающих, включая сотрудников милиции, были тревожными. Но как только на площади показались первые нестройные тёмные ряды бастующих, многие из нас заулыбались. Впереди колонны с гордо поднятым над головой красным знаменем шёл первый секретарь Кемеровского горкома партии Владимир Иванович Овденко. Его парадный костюм с галстуком резко контрастировали с шахтёрскими одеждами. Николай немало потом острил по этому поводу...

Несколько жарких июльских дней мы внимательно слушали сменяющих друг друга многочисленных ораторов – шахтёрских лидеров, московских и местных чиновников, включая и начальника Кемеровской железной дороги Амана Тулеева (он ещё недавно возглавлял отдел транспорта обкома КПСС и его кабинет на четвёртом этаже обкома находился аккуратно под нашим идеологическим отделом. И кто же тогда мог знать, что через каких-то восемь лет он станет губернатором Кемеровского региона), – а потом шли к себе в кабинет на пятом этаже и снова спорили, спорили...

После шахтёрских забастовок будто «прорвало» зарубежную прессу. В Кузбасс устремились съёмочные группы и репортёры всех мастей из Японии, Германии, Канады, США и других государств. Думаю, раньше такого интереса к жизни отдельного региона СССР не было. Им всем хотелось знать, как живут шахтёры, в каких условиях работают, чем питаются, как отдыхают и лечатся и так далее, и тому подобное.

Сопровождать иностранных журналистов в поездках по региону поручали нашему сектору. Ездил с ними и я, но чаще это удовольствие выпадало Николаю. Помню, как он хохотал, рассказывая в лицах о растерянности каких-нибудь японцев из-за того, к примеру, что в центральной гостинице Прокопьевска вода в кранах выше

второго этажа не выдавливает, и, чтобы помыться или воспользоваться туалетом, им приходилось бегать на нижние этажи...

Николай в этот короткий период, когда события сменялись со скоростью ярких картинок непрерывно крутящегося калейдоскопа, всё чаще говорил, что хочет попробовать свои силы в политической науке. Собирал вырезки из газет (благо, у нас газетами – и федеральными, и выходящими в нашей области – были забиты все стеллажи, и каждый день поступали новые газетные вороха), делал выписки. Сама жизнь подбрасывала ему материал для размышлений и анализа.

Ещё одно событие произошло после забастовок, о котором надо обязательно сказать. В обкоме – по настоянию Москвы – решено было внедрить одно новшество: создать пресс-центр областного комитета КПСС, чтобы оперативно информировать СМИ, а, следовательно, и население области, о своей работе, о принятых для людей важных решениях.

Сейчас среди пресс-центров журналисту не протолкнуться: любое маломальское предприятие или организация (крупные, тем более) имеют свои пресс-службы или хотя бы специалиста по связям с прессой, общественностью или под каким-то другим названием (PR-менеджер, пиарщик и так далее), но суть у всех одна. С колокольни сегодняшнего дня кажется, что без PR-служб никогда не обходилось. На самом деле, жили и без них.

Не раз приходилось слышать разные версии о том, кто и где в Кузбассе создал первый пресс-центр. Спорить не буду, но мне думается, первым был Кемеровский обком КПСС. Пресс-центр здесь организовали 1 апреля 1990 года. Меня назначили руководить им. С этого времени в моей жизни началась некая череда пресс-центров. Первые наши заметки на тему партийной жизни для газеты «Кузбасс», для областного радио и телевидения мы с Николаем писали вместе. Потренировали наши газетные навыки. Иногда текст очередного пресс-релиза нам надиктовывал первый секретарь обкома. Рассказывали мы о задачах «перестройки» и обновления партии. Однако, как известно, это уже ничего не могло изменить. Экономика страны работала всё хуже, денег у людей становилось всё меньше, дефицит возникал буквально на всё. Обстановка накалялась.

Вскоре в пресс-центре обкома появились новые лица: небезызвестный Евгений Красносельский (перешёл в обком с должности главного редактора областной молодёжной газеты «Комсомолец Кузбасса») и Александр Даньшин (в ту пору увлекался тележурналистикой. Сейчас преподаёт историю юриспруденции в КемГУ). И мы втроём начали делать для обкома партии еженедельную информационную программу «10+20» на телеканале Кемеровской студии телевидения.

А Николай Самошонков полностью окунулся в проблемы социологии. Вскоре наши с Николаем пути совсем разошлись. Тяга к науке перевесила: в 1990 году он поступил в аспирантуру на кафедру политологии Академии общественных наук при ЦК КПСС (с 5 ноября 1991 года стала Академией государственной службы при Президенте РФ; ныне – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). И аспирант Самошонков уехал учиться в Москву.

Многие чиновники – и я не исключение – хоть однажды бывали по разным поводам в этой Академии на проспекте Вернадского, 84 (станция метро «Юго-Западная»). Две огромные башни жилых высоток этого учебного заведения видны практически с любой точки ближних улиц. У подножия высоток расположился четырёхэтажный «сэндвич» учебных корпусов. Вся огромная территория Академии обнесена металлическим забором – не перелезть. Условия для учёбы и отдыха просто

отличные. Здесь в своё время «подтягивали» уровень знаний партийных и советских работников, а сегодня получить высшее образование может любой желающий.

Николай перебрался в Академию вместе с женой Любой. А сыновей Кирилла и Василия они перевезли на это время к бабушке с дедушкой в Ворсму – небольшой древний городок в Нижегородской области. Дети приезжали к родителям в Москву на каникулы.

Для проживания Самошонковым в общежитии Академии выделили двухместную комнату со всеми удобствами. В Академии всё было солидно. По коридорам главного учебного заведения ЦК КПСС в 1990-е годы мужчины, как правило, ходили в костюмах и при галстуках. В корпусах имелся лоск «советского шика». Прекрасная столовая могла удовлетворить практически любой гастрономический вкус.

Однажды я побывал в командировке в Академии: участвовал в каком-то семинаре. Так Коля часа полтора водил меня по коридорам и лестничным маршам, катал в многочисленных лифтах – знакомил с сотней, не меньше, учебных помещений, кучей разных кафедр, большим и малым актовыми залами, библиотекой...

Повторюсь, учиться Николай любил. Легко справлялся с рефератами и другими заданиями, успешно сдавал экзамены. Помнится, шутил: «Сначала я прилежно работаю на зачётку, а потом она начинает работать на меня». Выбрал тему будущей диссертации и трудился над ней. Кроме того, успевал ещё подрабатывать в свободное время даже ходил в спортзал.

Общительный, он обзавёлся десятками новых знакомств. Поскольку здесь учились люди со всей страны, у него появились друзья и из Москвы, и из многих регионов. Общественная жизнь в Академии была ключом, проводились различные интересные мероприятия. Здесь часто выступали известные спикеры – ведущие политики, партийные деятели, члены правительства. Большинство закрытых ранее тем теперь звучало открыто и остро. (Помните же: в 1985-м начались «перестройка», «ускорение», «гласность», а уже в декабре 1991-го не стало Советского Союза?!).

Николай старался не пропускать лекции таких спикеров, а после до хрипоты обсуждал с сокурсниками услышанное. Поговорить было о чём...

Но всё же на первом месте у аспирантов был образовательный процесс. Николай готовился к защите на соискание степени кандидата наук, опубликовал автореферат. И в сентябре 1993 успешно защитил диссертацию «Средства массовой информации как фактор воздействия на политический процесс». По итогам этой защиты Высшая аттестационная комиссия приняла решение о присвоении Николаю Васильевичу Самошонкову учёного звания кандидата политических наук.

Словом, приехал Николай в Москву аспирантом при М. С. Горбачёве, а уехал назад в Кузбасс кандидатом наук при Б. Н. Ельцине. И поступил на работу уже в Кемеровский государственный университет, начал преподавать журналистику.

У меня в жизни за этот период произошло немало перемен. Известно, что первый президент России Б. Н. Ельцин объявил курс на демократию и поэтому в ноябре 1991 года запретил компартию. Мы с несколькими коллегами по обкому не стали дожидаться этих «демократических» перемен и ещё летом 91-го создали первую областную негосударственную телерадиокомпанию с названием «Агентство информации Кузбасса».

Её директором стал бывший заместитель управляющего делами обкома партии Евгений Михайлович Баранов. Я был в АИКе главным редактором. С Евгением Красносельским, Александром Даньшиным и другими журналистами и операторами мы делали телепередачи, выходили в эфир на весь Кузбасс на так называемой «третьей кнопке». Без ложной скромности отмечу, что наши программы зрители, уставшие от «официоза» государственного телевидения, смотрели с удовольствием, рейтинги передач АИКа были высокими.

С Николаем мы в этот период изредка общались по телефону. Приятно было слышать в трубке всегда бодрую скороговорку старого товарища. В АИКе я проработал около двух лет, а затем учредители АИКа разошлись во мнениях о дальнейшей судьбе компании. Поскольку я с ними не согласился, решил уйти. Это случилось в октябре 1992-го.

Я стал менеджером по полиграфии и малой рекламе во Внешнеэкономическом акционерном обществе «Кузбассимпэкс». Генеральным директором этого АО был известный горняк Михаил Иванович Найдов, который до этого трудился председателем Кемеровского облисполкома. АО торговало углём, металлом, древесиной и другими ресурсами.

Нельзя не напомнить, что жизнь в России начала 1990-х и так была не мёд, но именно в 1992 году президент Б. Н. Ельцин вместе с правительством премьера Е. Т. Гайдара начали реформы, основной целью которых стал переход от плановой экономики к рыночной. При этом использовались так называемые методы «шоковой терапии», главными из них стали либерализация розничных цен, либерализация торговли, реорганизация налоговой системы и другие преобразования, при одном воспоминании о которых до сих пор мурашки бегут по телу. Большинство товаров и продуктов тогда поначалу оказалось в дефиците. Цены в магазинах росли буквально каждый день.

В отличие от семей менеджеров высшего звена АО, где я трудился, моя семья едва сводила концы с концами – невысокой зарплаты не хватало ни на что... Но безработица в регионе была такая большая, что приходилось терпеть и довольствоваться малым. Я с новыми коллегами пытался организовать какой-нибудь бизнес. Увы! Ничего не получалось от слова «совсем». Видно, предпринимательская жилка у меня напрочь отсутствует.

Об этом же мне говорил и Николай. Мы с ним однажды больше часа разговаривали по телефону о житье-бытье. Он перешёл на государственную службу: молодого кандидата наук взяли в областную администрацию, которую тогда возглавлял назначенец Б. Н. Ельцина, член руководства Совета рабочих (забастовочных) комитетов Кузбасса М. Б. Кислюк.

А весной 1994 года случилась такая напасть: М. И. Найдов принял решение сократить рекламную службу «Кузбассимпэкса». И я оказался без работы. Принялся искать новое место – ничего не получалось: там, где мог бы приложить свои силы и профессиональное умение, свободных мест не было. В дворники идти не хотелось. А двоих детей надо кормить каждый день.

Месяца два промучился дома у телефона, обзванивая потенциальных работодателей. Совсем было опустил руки, стал чернее тучи, похудел, плохо спал и мало ел. И тут на помощь пришёл Николай – неожиданно позвонил. К этому времени он уже трудился в администрации области заместителем начальника информационно-аналитического управления – начальником отдела по СМИ.

В «Сибиряках на Варварке» я описал всё это достаточно подробно. Поэтому процитирую:

«Привет! – раздался в трубке знакомый голос. – Тут есть для тебя хорошее предложение, – привычной скороговоркой начал Николай без лишних расспросов. – Ты же знаешь, какой месяц на дворе?»

– Ну, апрель 94-го, – даже не поздоровавшись с Сомовым, угрюмо ответил.

– Ха-ха-ха! – не обращая внимания на его тон, рассмеялся Николай. – Забыл? Только что прошли новые выборы в новое областное Заксобрание?

– Да не хожу я на эти ваши выборы. Дальше что?

– А то! В собрание прошли не те, кого наша администрация намечала. Слышь, за оппозицию народ проголосовал...

– Слава Богу, прозревают люди...

– А председателем они, знаешь, кого выбрали, – не обращая внимания на мой тон, бодро докладывал Николай. – Помнишь, кто в последние годы облисполком возглавлял?

– Неужели?! Его же сам президент страны задвинул...

– Так то – президент, а то – избиратели! Ха-ха-ха, – радостно смеялся Сомов. – Оглушительная победа! Без вариантов, понимаешь... Сам победил и целую команду депутатов за собой притащил. Мне он, кстати, тоже нравится...».

Речь, конечно же, шла про Амана Тулеева и его команду кандидатов в депутаты, с которой он одержал феноменальную победу на выборах первого созыва регионального парламента нового образца – Законодательного Собрания Кемеровской области.

А. Г. Тулеева я хорошо запомнил по работе в обкоме партии, где он был завотделом транспорта и связи. Потом, когда он трудился начальником Кемеровской железной дороги, тоже встречались. Высокий, стройный, молодой красавчик-брюнет, он не мог не нравиться. С людьми говорил доходчиво, убедительно, простым «сочным» языком. Носа, казалось, не задирает, умел вникать в проблемы человека и, если уж обещал кому-то помочь, слово держал. Открыто критиковал заскорузлость партийной верхушки, предлагая, как надо бы вести дело.

В начале 1990-х его избрали в облсовет народных депутатов, где он стал председателем. Потом он одновременно стал и председателем исполнительного комитета областного Совета депутатов.

В апреле 1991 года Аман Тулеев выдвинул свою кандидатуру на первых выборах президента России. Набрал семь процентов голосов избирателей, занял четвёртое место (после Б. Ельцина, Н. Рыжкова и В. Жириновского, обогнал кандидатов В. Бакатина и А. Макашова). Победил, как известно, Борис Николаевич.

В августе 1991 года Тулеев поддержал ГКЧП, за что и был отправлен Б. Н. Ельциным в отставку. Указом президента России вместо облисполкомов в стране создали областные администрации во главе с губернаторами. В Кузбассе Борис Николаевич назначил губернатором Михаила Кислюка.

Тулеев на время исчез из политической тусовки. А, может, я просто не следил за его движениями? И за выборами в новый парламент области не следил, стал было аполитичным. Оказывается, в регионе избрали новую законодательную власть во главе с Тулеевым!

Снова возвращаюсь к документальным абзацам повести:

«Им руководитель пресс-службы срочно нужен! – прокричал в трубку Колька. – Я тебя нахвалил! Да кроме тебя и некому... Они уж кого только из журналистов не приглашали! – Сомов перевёл дыхание. – Побаивается народ с ними связываться. А ты, знаю, сможешь... Так что приходи завтра в обед к ихнему замку. Её Ниной

Владимировной зовут. Симпатичная! Сидит на третьем этаже в бывшем облсовете. Не заблудишься. Пропуск я тебе заказал, – и он повесил трубку.

Его, действительно, приняли на работу сразу. Высокая, стройная Нина Владимировна (зампредседателя Заксобрания) вышла из-за стола, протянула для рукопожатия узкую ладонь.

– Садитесь, – пригласила и сразу перешла к делу. – Мы вас помним по партийной работе. Предлагаем возглавить пресс-центр... или пресс-службу... Да вы лучше моего знаете, как это точно называется. И ещё. Председателю нужен пресс-секретарь. Будете и эти обязанности выполнять. Не возражаете?»

Я приступил к работе в тот же день. Приказали отсидеть на совещании, которое вёл Тулеев, а потом сделать информацию для прессы. Выслушал монолог председателя, сделал пометки в блокноте. Обратил внимание, что тот стал солиднее на вид, голос – ещё твёрже, формулировки – жёстче; раза два в ходе совещания он сердито стучал ребром ладони по столу, жестко одёргивал тех, кто не соглашался с его предложениями...

После совещания Тулеев попросил меня задержаться.

– Рад, что будем работать вместе, – произнёс он искренне. – Но работы много... Не боишься?

И, не дожидаясь ответа, прямо предупредил:

– Я в оппозиции к этой власти. Они меня не жалуют, я ведь правду говорю про кровь российского парламента, про распад Союза, развал экономики, про нищету народа. По-другому не могу! Не могу самому себе и людям врать! Поэтому они нас – мою команду – будут «прессовать», депутатам Собрания наобещают золотые горы. Может, и на тебя давить будут... Ты как?

– Да я... – привстал я.

– Верю, седи. Знаю, школа у тебя хорошая. Но в информации по мне, без обид, акценты должны быть чёткие. Бери бумагу, записывай...

Так с подачи Николая Самошонкова началась у меня новая жизнь и нелёгкая работа. Почти каждую неделю ездил с председателем по городам и весям небольшого региона. Ветераны, начинающие бизнесмены, руководители разных мастей и уровней встречали Тулеева с радостью, замирали, слушая его зажигательные речи о том, какой должна быть настоящая жизнь у тех, кто добросовестно работает...

Я готовил его интервью, проводил брифинги и пресс-конференции, писал ответы на бесконечные вопросы журналистов, строчил информацию для редакций, статьи для газет. А когда Законодательное Собрание приобрело видеокамеру, начал сам снимать репортажи для информационной телепрограммы ГТРК «Кузбасс» под названием «Пuls» (сейчас это «Вести – Кузбасс»), редакцию информации тогда возглавлял главный редактор Павел Иванович Коваленко.

Насидевшись без дела, «пахал» с удовольствием, дополнительный адреналин получал ещё и от того, что практически в каждом городе или районном центре, куда бросал этот рабочий «вихрь», встречал знакомых местных журналистов, редакторов, с которыми сошёлся ещё за годы труда в секторе печати. Кстати, многие из них тоже симпатизировали Тулееву, и это облегчало публикацию в местных СМИ наших статей и заметок.

А когда у меня поднакопился видеоархив, Самошонков посоветовал делать на телеканале ГТРК «Кузбасс» информационную программу о работе областного парламента. Поехал я с этим предложением на Телецентр – прямо в кабинет к

председателю ГТРК «Кузбасс» Геннадию Михайловичу Митякину, и тот на удивление быстро согласился дать для областных депутатов полчаса в неделю эфирного времени, резюмировав: «У нас же в новой Конституции принцип разделения властей есть или как? Посему для депутатов время в эфире выделим».

Передачу я назвал «Форум». И начал вкладывать в неё весь свой профессиональный опыт – сам снимал на камеру, сам расписывал сценарий, сам был ведущим. А монтировали её мы вместе с главным режиссёром областного телевидения Валентиной Фёдоровной Кротенко. Еженедельно делать «получасовку» одному было непросто. Основными в ней, безусловно, были новости от председателя Законодательного Собрания. Аман Гумирович подробно рассказывал зрителям, какие решения приняла депутатская власть для земляков.

В каждом выпуске «Форума» приходилось тщательно продумывать сюжеты. Так как прикрыть передачу могли в любой момент, придравшись к какой-нибудь мелочи. Ведь в администрации региона за деятельностью Тулеева и его команды следили ревниво и тщательно. Как говорили, о любом его шаге «влево» или «вправо» сразу же докладывали в Москву, на самый верх, надеясь, что, если однажды президент уже отправлял его в отставку, почему бы не сделать это ещё раз.

За два года моей работы в Заксобрании первого созыва в эфир вышло не меньше сотни «Форумов». К сожалению, большинство видеовыпусков программы не сохранилось, но те, что удалось сберечь, я передал в муниципальный архив города Кемерово. Может быть, когда-нибудь они будут востребованы.

В этот период мы с Николаем регулярно встречались, сживали за «рюмкой чая», обменивались мнениями. Всякий раз отмечали, что развал экономики в Кузбассе продолжается, что шахтёры помогли этой власти встать у руля, а после этого началось реформирование угольной отрасли, в результате многие шахты объявили неперспективными и закрывают под диктовку МВФ, который выделил на это деньги. И вот кузбасский чудо-уголь лучших в мире марок провозглашают банкротом...

– И шахты закрывают, и деньги тырят, – негодовал обычно смешливый Николай. – Противно! Надо в губернаторы такого, как Аман...

Самошонков нашёл для себя отдушину – наряду с основной работой в обл администрации продолжал преподавать на кафедре журналистики Кемеровского госуниверситета. У него со студентами установились нормальные отношения: судя по откликам его бывших учеников, Николая Васильевича уважали, над его остротами смеялись.

Он вместе с завкафедрой, моим бывшим однокашником Анатолием Владимировичем Клишиным, и меня привлёк к преподаванию на этой же кафедре КемГУ. Два семестра я вёл там занятия по теме организации работы пресс-службы.

Вскоре мнегодились московские контакты Самошонкова. Новая власть формировалась не только в регионах. Вместо расстрелянного танками осенью 1993 года парламента страны в Москве создали Федеральное Собрание Российской Федерации. Две его палаты: верхняя – Совет Федерации и нижняя – Государственная Дума – выбрали в один из декабрьских дней 1993-го. Тулеев тоже участвовал в выборах в верхнюю палату российского парламента от региона и ожидаемо выиграл. Так что он был одновременно и председателем областного Законодательного Собрания, и членом федерального парламента от своего региона – российским сенатором.

Совет Федерации первого созыва был необычным. Сенаторы три дня заседали, потом следовал двухнедельный перерыв, и снова три дня – на принятие федеральных законов.

А каким «пёстрым» был его состав! Здесь были простые рабочие и юристы, общественные лидеры и новые губернаторы. А сколько в СФ было руководителей национальных республик, враз объявивших себя президентами! На лицах тех сенаторов не было чванливости. Они на заседаниях, бывало, открыто спорили. Смело и задиристо преодолевали «вето», которое накладывал президент страны на законы, которые ему не нравились...

Всё это я узнал после того, как начал делать свой «Форум». Однажды Тулеев приказал мне:

– Будешь ездить со мной на заседания Совета Федерации. Снимать мою работу в Москве, брать интервью у известных политиков. Вопросы им задавай самые разные. И обязательно спрашивай у них, как они к нашему региону относятся и лично ко мне... Согласен?

Кто же от такого откажется?! И каждые две недели мы вместе стали летать в столицу. На улице Большая Дмитровка я познакомился с пресс-центром Совета Федерации. Своей любительской видеокамерой наловчился снимать зал заседаний с балкона для журналистов. Аман Гумирович отсюда выглядел, как все сенаторы. Зато обыватели потом в телепередаче видели, как народный любимец был на «ты» с известными в стране людьми.

А в перерывах заседаний бесчисленные журналисты налегали на разных знаменитостей, задавали им всякие вопросы. Тут и я пристраивался рядом, записывал умные комментарии членов и гостей парламента, которые становились затем украшением «Форума».

За короткое время умудрился взять интервью у председателя Совета Федерации Владимира Шумейко, председателя Конституционного суда России Валерия Зорькина, его коллеги – председателя Верховного суда Вячеслава Лебедева, знаменитых губернаторов – орловского Егора Строева, белгородского Евгения Савченко, свердловского Эдуарда Росселя, президента Татарстана Минтимера Шаймиева и десятков других. И всегда каждому задавал один и тот же вопрос... Ответы в большинстве своём были благожелательные.

Но вскоре от председателя Заксобрания поступила новая команда:

– Мне надо, чтобы ты вышел на федеральную прессу. Ищи связи! Пусть берут у меня интервью по любым вопросам...

Задача непростая. На просьбу помочь с контактами знакомых федеральных журналистов Николай почесал затылок, достал из кармана потрёпанный блокнотик, задумчиво полистал его.

– Вот оно! – и он назвал имя заведомо еженедельника «Собеседник» Ольги Белан. – В Академии вместе учились. Я ей звонок сделаю. Попрошу...

У общероссийской еженедельной общественно-политической газеты «Собеседник» популярность была сумасшедшая: в киосках «Союзпечати» за свежим номером выстраивались очереди. Она выходила не только в РФ – за пределами России (в Риге, Минске, Ереване, Тель-Авиве).

Словом, созвонились, договорились, что она возьмёт интервью у Тулеева, когда он в очередной раз будет в Москве. Мой шеф, узнав, что известное издание готово напечатать его интервью, крепко пожал мне руку.

...Материал вышел в газете ровно через две недели после общения Тулеева с корреспондентом. Во всю первую полосу номера красовался цветной портрет Амана Гумировича, а на пятой странице напечатали его объёмное интервью под заголовком «Я мог бы сделать больше». Вот строки из той публикации:

«Я считаю, что добывающие отрасли, военно-промышленный комплекс, село, энергетика – в обязательном порядке должны быть в руках правительства. Это – государственная собственность. Остальное – даже при желании не заберёшь, дай Бог с этим управиться, потому что речь идёт о восстановлении разрушенного народного хозяйства. Причём сейчас это будет намного тяжелее, чем было после Великой Отечественной войны. Тогда дух был – народа-победителя, а сейчас дух упаднический, никто ни во что не верит...». (Белан, О. Аман Тулеев: «Я мог бы сделать больше.» Собеседник. 1994. – № 27, июль).

Бывала у московских командировок и неофициальная часть. Однажды летним вечером 1994 года во время одной из парламентских поездок Тулеев скомандовал мне одеться поприличнее и взять с собой всю технику: едем на некое мероприятие. Оказалось, что он (выходит, вместе со мной!) приглашён на 50-летие лидера КПРФ Геннадия Андреевича Зюганова. Отмечали юбилей в неприметном, но большом и уютном ресторане. Тулеев, сориентировавшись среди многочисленных гостей, шепнул мне, что снимать, оказывается, никого не надо: «Просто ешь, пей...».

Изящно сервированные столы растянулись длинными рядами. Аман Гумирович сидел за одним столом с именинником, а мне выпало место рядом с художником-графиком и портретистом, народным художником СССР Александром Шиловым. Перед каждым гостем лежали красивые белые листки, на которых золотым тиснением напечатали длинный перечень блюд.

Сумку с аппаратурой я поставил под ноги и взялся за нож и вилку. А когда мы с Александром Максовичем немного насытились и начали обмениваться мнениями по поводу юбиляра, оказалось, что мой сосед остроумный и интересный собеседник. И вот во мне начали бороться два желания: хотелось и незаметно взять на память лист с меню, и записать интервью с Шиловым (когда ещё такая возможность выпадет?!). Увы, ничего не вышло. Лощёный официант из-под самого моего носа увёл полиграфический шедевр с неподражаемым гастрономическим списком. Потом объявили перерыв, и я был готов всё-таки включить видеокамеру ради короткой беседы с известным художником, но он торопливо откланялся, сославшись на занятость, и ушёл...

«Газеты – серьёзные СМИ, – размышляли мы с Николаем, который, казалось, полностью переключился на Заксобрание. – Но телек-то смотрят миллионы! Телек для «раскрутки» политиков намного эффективнее».

В Совете Федерации столько журналистов с разных телеканалов по коридорам слоняются, ждут перерыва: вдруг в перерыве заседания кто-нибудь из сенаторов выдаст сенсацию. Тут они, как мухи на мёд, облепят его и давай вопросы подкидывать. А если тележурналистов «настроить» на нужного человека? Как бы между прочим сообщить им: сегодня Тулеев хочет важное заявление сделать...

– Посмотришь, в перерыве они побегут к Аману... – не сомневался Колька. – А его предупреди...

В Совфеде Тулеев числился в Комитете по делам Севера и малочисленных народов. С этой темой в прессе не особо разбежишься. «Я подумаю, о чём сказать, – согласился наш спикер. – Главное, пусть пресса подходит».

И вот показавшегося из зала заседаний Амана Тулеева тут же окружили журналисты, протягивая к нему диктофоны, микрофоны, микрофонные «удочки», нацелили объективы телекамер. Он держался бодро, уверенно.

– Да, – отвечая на первый вопрос, тряхнул гривой густых волос. – Мы начали рассматривать проект нового Уголовного кодекса России, – я тоже веду запись на видеокамеру и вижу, как выражение его лица изменилось, появилась

озабоченность и даже ярость политика, не перестающего думать об интересах людей, а он продолжает. – А теперь я хочу спросить всех вас: мы для чего этот важнейший документ хотим принимать: для защиты страны от преступности или в интересах этих самых преступников, запугавших уже всех и вся? Этот же вопрос, если бы мог, я хотел бы задать и нашему президенту. Считаю, что принимать Кодекс в этом виде нельзя! – и Тулеев начал убедительно доказывать свою точку зрения...

Вечером в номере гостиницы «Россия», где во время заседаний Совета Федерации проживали сенаторы и их помощники (сейчас на месте этой снесённой гостиницы обустроен культурно-просветительский центр «Зарядье»), мы с Тулеевым, щёлкая пультом телевизора, пересмотрели все вечерние выпуски новостей. Его показали почти по всем каналам.

Конечно, каждый выдал сюжет по-своему. В парламентском репортаже на первом федеральном он лишь мелькнул в кадре, при этом репортёр отметил, что мнения сенаторов на законопроект разошлись. Зато так называемое «Независимое телевидение», которое народ образно прозвал «Некрофил-ТВ» за бесконечные передачи об убийствах, криминальных разборках «братков», за бандитские сериалы, дал большой «кусочек» интервью Тулеева, подробно изложив его точку зрения.

В регионе авторитет Тулеева среди народа был высоким. Рос его рейтинг и на федеральном уровне. Безусловно, это нравилось не всем. Но мне нравилось. Об этом мы и говорили при встречах с Николаем. Он выдал мне ещё несколько своих проверенных контактов из центральных газет и информационных агентств. Так, удалось тесно сработать с редакцией газеты «Труд», агентством «Интерфакс», которые не упускали случая процитировать Тулеева.

В Парламенте РФ журналисты сами тянулись к Аману, зная, что не откажет, смело и оригинально ответит на любой острый вопрос. Тут завязалась наша многолетняя дружба с Натальей Бехтиной с «Радио России», наладились устойчивые связи с газетой «Советская Россия», другими СМИ.

В 1996 году А. Г. Тулеев снова решил участвовать в выборах президента России, собрав в свою поддержку свыше 1,2 миллиона подписей избирателей. Вместе с ним ЦИК зарегистрировал ещё 10 кандидатов на этот пост. Понятно, что основными соперниками являлись действующий президент Борис Ельцин и лидер КПРФ Геннадий Зюганов. Тулеев тогда соотносил себя с левыми силами, связанными с КПРФ. Ожидалось, что в конце кампании Тулеев снимет свою кандидатуру в пользу Зюганова, но в случае снятия с выборов Зюганова от КПРФ на выборы пошёл бы именно Тулеев.

В эти дни в нашей пресс-службе было жарко. Председатель Кемеровского ЗС сновал по стране, встречаясь с избирателями. В это же время предвыборные аудио- и видеоролики нашего кандидата должны были публиковать на государственных теле- и радиоканалах во всех регионах России, а это – от Калининграда до Владивостока – более 80 субъектов РФ. Сделать сами ролики было делом несложным: я записал и смонтировал эмоциональное, напористое выступление Тулеева с конкретными предложениями о том, как обустроить Россию. Но как доставить ролики в конкретные телерадиокомпании? В каждой из них утверждён свой временной график теле- и радиовыступления.

Николай где-то в недрах Кемеровской телестудии выпросил для меня телефонный справочник всех телерадиокомпаний, входящих в ВГТРК «Россия». Мы расчертили на квадраты – по числу регионов – листы ватмана и начали обзванивать ГТРК республик, краёв и областей, заполняя эти квадраты точными датами и временем выхода в эфир нашего кандидата. Учитывая часовые пояса страны, это непростая

задача. Доставлять туда вовремя плёнки с записями А. Г. Тулеева взялся боевой ветеран газеты «Кузбасс» Максим Гаврилович Щербаков со своими помощниками.

И с задачами мы справились! По мнению известного российского политолога и политтехнолога Глеба Павловского, «Тулеев на тех выборах стал более опасным противником для Ельцина благодаря имиджу рабочего вожака и демократического лидера горняков». Поэтому Кремль решил: с этим надо что-то делать. Начали оказывать на Тулеева давление. Накануне выборов Аман Гумирович снял свою кандидатуру, формально призвав своих избирателей голосовать за Зюганова.

Это было жарким летом 1996-го. Областные депутаты поуходили в отпуска, но аппарат Законодательного собрания продолжал работать. Мы с Николаем, бывало, «расслаблялись» при встрече, закрывшись у меня в кабинете. Рассуждали и предполагали, что будет дальше. Самошонков всё чаще намекал, что собирается уволиться из администрации и уехать в Москву...

– А что, – говорил Коля, – обратится Аман напрямую к избирателям, порвёт на себе рубаху, призовет: голосуйте, дескать, за «левых»! Вот тебе и недостающие Зюганову проценты.

– Но он из игры уже вышел, – возражал я. – Кто его теперь к телеку подпустит?!

– В политике так просто из игры выйти невозможно. Например, его может вместо себя в эфир вывести кандидат...

Да, всё было непросто. В эти дни в Кемеровском аэропорту негласно совершил временную остановку самолёт с премьер-министром правительства России В. С. Черномырдиным. Виктор Степанович вызвал в депутатский зал аэропорта председателя Заксобраний Кузбасса А. Г. Тулеева и предложил ему стать министром, возглавив Министерство Российской Федерации по делам Содружества Независимых Государств. Разговор между ними проходил в закрытом режиме. Аман Гумирович предложение принял...

По телевизору об этом объявили на всю страну. «Им» важно было сказать это до второго тура... В своих мемуарах А. Г. Тулеев пишет:

«Я и Москву-то всегда терпеть не мог. А куда ты денешься? Напомнил (Черномырдину), что у меня отношения с президентом не самые тёплые. Но, если утвердит, соглашусь. Сказал тогда Черномырдин, что это не мои проблемы, и он всё решит. И вот так я и стал министром иностранных дел СНГ».

Президентские выборы прошли в два тура. Второй тур состоялся 3 июля 1996 года. Б. Н. Ельцин одержал победу, получив 40,2 миллиона голосов (53,82 процента); Г. А. Зюганов набрал 30,1 миллионов голосов (40,31 процента).

Я нашёл текст последнего пресс-релиза, который диктовал мне А. Г. Тулеев, покидая кресло спикера парламента Кемеровской области первого созыва:

«Несмотря на отчаянное противодействие, бесконечные «палки в колёса» депутатам, срывы сессий со стороны администрации региона и лично действующего губернатора, Законодательное Собрание первого созыва рассмотрело 197 вопросов. Они касались трудовой занятости жителей, их социальной защиты, охраны здоровья, финансовых, бюджетных и хозяйственных проблем региона...

Однако из 60 законов, принятых депутатами, губернатор подписал только одну треть. Он фактически распустил областной парламент и всячески препятствует организации новых выборов... В этих условиях Тулеев решил принять предложение Кремля и войти в правительство страны в качестве министра по делам Союза Независимых Государств или СНГ. «Многие из вас хорошо помнят нашу дружную общую жизнь в СССР, – подчеркнул А. Г. Тулеев. – Я постараюсь на новом уровне делать всё, чтобы из той жизни можно было взять в сегодняшнюю, безрадостную

для большинства населения, жизнь всё самое лучшее. Чтобы восстановить былое доверие и дружбу между нашими народами. Чтобы защитить интересы российских соотечественников, волею судьбы оказавшихся за рубежом».

Следующие дни пролетели в какой-то нескончаемой суете, бесконечных комментариях СМИ по телефону о принятом Тулеевым решении. Кто-то из журналистов выступал с резкой критикой, не выбирая выражений, кто-то – с ехидной иронией, мол, «перешёл от критики к сотрудничеству с президентом». «Кто знает? – написала одна из популярных газет. – Может быть, Тулеева ждёт блистательная административная карьера». И это, пожалуй, было самое сдержанное мнение.

А Тулеев назначил прощальные «посиделки». На турбазу Кемеровского высшего военного командного училища связи, скрытую в густой тени листвы берёзовой рощи на берегу небольшого уютного озера, он собрал десятка три тех, с кем тесно работал эти два года. Веселья за накрытым столом было немного. Поднимали тосты за успехи Тулеева на новой работе, за регион. В речах собравшихся сквозили грустные ноты.

День, помнится, стоял солнечный, в помещении было душно, несмотря на раскрытые настежь окна. И Аман Гумирович решил выйти на воздух, поманил за собой меня. Мы прошли по тропинке в сторону воды, оказались на заросшем кустарником берегу. Однообразие пейзажа здесь нарушала одинокая огромная сосна, её широко раскинувшиеся крепкие узловатые корни с одной стороны скрывались под водой, с другой создали на земле причудливого осьминога. Мы присели на тугое сплетение корней, посматривая на спокойную гладь озера.

– Люблю гулять по лесу. Только редко удаётся, – сказал Тулеев. – У тебя какие планы на ближайшие месяцы? – спросил он.

– Да, какие там планы, – ответил я...

– А если я тебя в Москву позову, приедешь? Мне там свои люди нужны, своя пресс-служба

– Поеду! – отвечаю. – Конечно, поеду!

– Только я тебя позову не сразу. Не завтра. Мне надо осмотреться.

И тут я вспомнил про Кольку:

– А могу я с собой позвать товарища? Он не просто так, а пиарщик. Вдвоём легче будет!

Тулеев кивнул:

– Можно. Под твою ответственность.

Потом у меня начался отпуск. А вскоре незаметно подкатила осень. Однажды в дождливый октябрьский день в моём кабинете зазвучал междугородний звонок: «Это Москва, приёмная министра, – сказал приятный женский голос. – Соединяю вас с министром...

– Привет, – послышался деловой голос Амана. – Извини, нет времени долго говорить. В общем, на следующей неделе жду в столице. Тебе приёмная сейчас телефон даст. Приедешь, сразу звони, встретимся. Давай!

Всего секунд десять...

Николая уговаривать не пришлось. Он уволился с должности заместителя начальника информационно-аналитического управления администрации области. И в один из дней октября 1996-го мы полетели в Москву. Вместе с нами ехала и Надежда Степановна Крюкова, которую тоже позвали в Минсотрудничество. (Позднее она трудилась заместителем губернатора Кемеровской области).

Возбуждение зашкаливало. Тем более что генеральный директор АО «Кемеровское авиапредприятие» Иван Иванович Валов сделал нам царский подарок. Узнав, куда и зачем мы направляемся, он выделил нам из своего начальственного резерва бесплатные билеты.

Министерство по делам СНГ располагалось в большом красивом пятиэтажном доме на улице Варварка, 7, что недалеко от Китай-города. Постройка конца XIX века произвела впечатление. Улица ещё недавно называлась именем Степана Разина, но сейчас всё в Москве переименовывали, возвращали старые названия. Через улицу, напротив министерства и дальше по Варварке, – храмы, среди них небольшой православный Храм Святой Великомученицы Варвары. А за ним высилась громада знакомой уже, самой большой не только в нашей стране, но и в Европе, гостиницы «Россия», где мы «квартировались», приезжая на заседания Совета Федерации. Если шагать по Варварке вдоль Торгового дома, галереи Гостиного двора, исторических торговых рядов, то через несколько минут упираешься в Красную площадь там, где стоит храм Василия Блаженного. Как говорится, куда уж «центрее»?!

...Когда я впервые вошёл в кабинет министра по делам СНГ, помещение показалось прямо-таки необъятным. Тулеев сидел в дальнем углу за большим письменным столом и разбирал какие-то документы, перекладывая их из одной папки в другую. «Проходи, садись, – кивнул он. – Я сейчас», – и снова уткнулся в бумаги.

Я пристроился на стуле за приставным столиком и с любопытством огляделся. Одна стена кабинета состояла из окон, выходящих на гостиницу «Россия». Почти всю другую стену занимала карта страны с выделенными на ней регионами. Стены отделаны панелями светлого дерева. В этом же стиле – большой стол для совещаний. Над головой министра – портрет президента в деревянной раме.

Аман Гумирович поднялся из-за стола, пожал руку.

– С приездом! Давай пересядем за стол совещаний. Не люблю министерское кресло! Я понял, ты не один... А ты за этого парня ручаешься? Ведь он работал против нас в областной администрации!

– Все бы так «против» работали, – возразил я и начал рассказывать, как помогал Самошонков.

– Ладно, под твою ответственность, – перебил Тулеев. – Я отделу кадров сказал, чтобы они тебе и твоему Николаю должности подобрали. Вот с жильём пока не знаю, чем помочь. Тут вам самим надо что-то придумать. Я готов позвонить, куда скажете, письмо рекомендательное написать.

– Да мы разберёмся, – заверил я.

– Дня вам хватит на обустройство? Мне надо, чтобы ты как можно скорее приступил к делу. От прессы отбоя нет. А я не хочу давать комментарии направо и налево, кому попало. Мне надо знать, с кем можно иметь дело... Я тут пресс-секретаря из министерства выгнал! Два раза в месяц на работу ходил: в аванс и в получку! Я, говорит, доктор наук. А на хрен мне этот доктор, мне работа с прессой нужна! – раскипятился Аман Гумирович. – Поэтому, давай, приступай! Кстати, бери-ка ручку и бумагу, я тебе прямо сейчас информацию продиктую.

Я только и успел почесать за ухом... На следующий день это сообщение вышло небольшой заметкой в газете «За труд», куда вчера по старой дружбе успели скинуть заметку. У Тулеева сразу поднялось настроение, когда увидел газету: «Вижу, можешь!», – похвалил министр. Так начались для нас с Николаем министерские будни...

Рабочие места нам выделили в кабинете здесь же на «министерском» этаже. В нём уже сидела наша землячка и коллега по бывшему теперь уже Законодательному Собранию Людмила Скрябина. Она была и рада, и, наверное, не рада нашей шумной компании. Ещё одна встреча в министерстве воодушевила нас: по приглашению А. Г. Тулеева здесь трудился начальником управления стратегии Министерства бывший первый секретарь Кемеровского обкома КПСС, бывший секретарь ЦК КПРФ России Александр Григорьевич Мельников. Человек светлого ума и большого опыта, немало его аналитических записок с конкретными предложениями были адресованы министру по делам СНГ.

Министр вызывал меня к себе и утром, и днём, и вечером. Я сидел на многих его совещаниях, едва успевая строчить пресс-релизы. Мы с Самошонковым составили справочник газет, телеканалов и радио, где новый министр с его непривычными для официальной Москвы «открытыми» методами работы пользовался большим спросом. Николай рассылал по факсу релизы на специальном бланке нашего министерства, на котором мы указали для обратной связи номера телефонов, адреса электронной почты пресс-службы. Список СМИ, желающих получать информацию из министерства, рос с каждым днём...

Очередной абзац для этого очерка возьму из «Сибиряков на Варварке»:

«На работе всё шло нормально, а вот холостяцкий быт был неустроен. Особенно трудно им дались первые московские дни. Снимать жильё в столице оказалось накладно. Николай предложил первое время пожить в знакомой ему по аспирантуре гостинице Академии госслужбы, на юго-западе города. «У меня там куча знакомых, денег за ночлег не потребуют», – заверил он. Туда они и отправились со своими чемоданами. Но за последнее время порядки здесь сильно изменились по сравнению с безалаберными советскими временами.

Им с трудом удавалось вечером после работы проходить в гостиницу через тройной кордон бдительной охраны. Знакомые Николая каждый день меняли им гостиничные номера, «шифровались», как они выражались. И друзьям приходилось то и дело перетаскивать так и нераспакованные чемоданы. «Какой тут отдых... Думай, Николай, как нам свой быт обустроить. Ты Москву лучше знаешь».

Так прошли первые две недели. С такими ночёвками мы, конечно, измучались. В первые вечера Николай ходил на вечеринки, которые проходили в гостинице Академии с завидной регулярностью, встречался со старыми друзьями. А я пораньше укладывался спать, ведь завтра ждал новый напряжённый рабочий день. Скоро и Коля подустал от кочевой жизни, смешливости у него поубавилось.

Надо было решать жилищный вопрос. И у Самошонкова родилась идея: «В Москве есть Институт инженеров железнодорожного транспорта – МИИЖТ, – сказал он, когда мы в обеденное время прогуливались по одной из улочек у Старой площади. – В общежитии вуза могут быть пустые комнаты. Ректорский фонд – для гостей, преподавателей. А наш Тулеев был начальником железной дороги. Вот что нам нужно! Мы в администрации с помощью телефона все вопросы решали. АТС № 1 или по-народному «вертушка», с её помощью любого начальника найти можно...».

Николай знал, что говорил.

Утром в министерской приёмной мы нашли справочник абонентов «АТС № 1». В нём фамилия ректора МИИЖТа Владимира Григорьевича Инокентьева сыскалась быстро. Я сам решил провести с ним переговоры. По «вертушке» ректор разговаривал приветливо, сказал, что лично с Тулеевым не знаком, но много о нём слышал, и согласился после обеда встретиться с помощником министра для решения жизненно важного вопроса. Потом мы долго сочиняли ходатайство ректору от имени министра, подбирали такие слова, чтобы «бумага», как

выразился Николай, «сработала». Уж больно надоело каждый вечер решать проблемы ночлега на «границах фолла». Пора уже и чемоданы распаковать.

Напечатали текст на министерском бланке, поставили фамилию Тулеева, который обещал содействие.

– Не слишком слезливо получилось? – спросил Аман Гумирович, прочитав послание ректору. – Хотя, москвичей на испуг не возьмёшь, а на эмоции, глядишь, и получится.

...До улицы Образцова мы добрались на метро, вышли на станции «Менделеевская», прошли пешком по знаменитой Марьиной Роще. В приёмной ожидали совсем недолго. Ректор, высокий стройный мужчина средних лет с седыми висками, в ладно сидящей чёрной форме железнодорожного начальника, мерил широкими шагами свой кабинет.

– Рад, что у министра такие молодые, интересные помощники. С Тулеевым лично не знаком, но много слышан. Как о железнодорожнике, я о нём высокого мнения. Он руководил самой крупной дорогой в СССР. И неплохо... Так, чем могу, как говорится?

Я протянул ему фирменную министерскую папку. Хозяин кабинета раскрыл её, долго читал послание Тулеева. Ещё раз внимательно посмотрел на нас и сказал: «Надо помочь коллеге».

...16-этажная «свечка» общежития возвышалась на той же улице, что и сам институт. Вход на ректорский – второй – этаж располагался отдельно от общестуденческого. Поэтому здесь было тихо. Комендантша выдала нам заветный ключ. И мы вошли, наконец, в своё жилище.

Комната превзошла все ожидания. Небольшая, но оборудованная всем, что нужно для двух временных холостяков, – две кровати, письменный стол с самым большим по тем временам ламповым телевизором, занимающим половину столешницы, холодильник, объёмный шкаф для одежды, тумбочки, стулья. Из прихожей одна дверь вела в ванную, другая – в новенький санузел. Чего ещё желать после скитаний в поисках ночлега?!

Мы в тот же вечер сгоняли на другой конец Москвы за чемоданами. Нагладили рубашки и развесили их на плечиках в шкафу. Приняли душ. В коридоре обнаружили комнату-кухню, с посудой, кастрюлями, электропечью. От радости Николай даже провёл свой позабытый бой с тенью и знакомыми звуками: «Пых, пых, пых, пых, пых...».

Теперь мы вечерами спокойно смотрели московские новости под домашний борщ, который я варил в большой кастрюле на целую неделю, безмятежно чистили «пёрышки», готовясь к утренней смене, лёжа в кровати, спокойно планировали действия на новый день. На работу стали теперь ездить так: несколько остановок – на трамвае, потом ещё две – на метро от «Проспекта Мира» до «Китай-города». Были и другие варианты, но по любому выходило минут сорок, что для Москвы считается очень быстро.

Правда, утренние часы пик в метрополитене казались ужасным столпотворением народов, на входе или выходе из туннелей которого нас просто несло по инерции в заданном муравейником направлении, только успевай переставлять ноги, чтобы не затоптали. Зато Николаю нравилась эта суета: «Я в метро мышцы разминаю», – посмеивался он.

Впрочем, по дороге мы успевали купить свежих газет и за пару перегонов умудрялись просмотреть в них новости: «пробежали» глазами заголовки, первые предложения публикаций и уже были в курсе главных фактов. Затем в кабинете дочитывали подробности, накидывали на бумагу короткий обзор, и я шёл

докладывать министру о главных событиях дня. Тулеев придавал этим ежедневным обзорам особое значение, они помогали ориентироваться в московской суете.

Часто попадалась информация об их министерстве и самом министре. Тут уж Аман Гумирович требовал подробностей или сам прочитывал поданную заметку. Часто это были «перелицованные» газетчиками на свой лад тексты наших пресс-релизов. Тулеев довольно хмыкал: «Молодец, но не расслабляйся...».

Особых усилий уже и не требовалось: Тулеев, можно сказать, был нарасхват. Если предыдущий российский министр по делам СНГ вёл себя, как рассказывали его бывшие подчинённые, «ниже травы, тише воды», то об А. Г. Тулееве и о работе нашего министерства в прессе проходило столько всего, что хоть отбавляй. Он сам часто комментировал ситуацию с соотечественниками, которые в результате Беловежского соглашения в одночасье оказались за рубежом. Открыто заявлял, что некие силы внутри нашей страны продают оружие обеим сторонам конфликта между Арменией и Азербайджаном. Предлагал разные варианты, как России выгодно вернуть «советские» долги Казахстана и других новых независимых государств, забрав у должников нужную нашей стране собственность в виде предприятий или санаториев...

Словом, темы были одна другой острее. И журналистам хотелось получить комментарии из первых рук. С «печатными» коллегами нам ещё как-то удавалось справляться, готовя ответы на заданные газетчиками вопросы. Иногда я комментировал точку зрения министра по телефону. Центральные газеты тех дней редко обходили вниманием проблемы СНГ.

Сложнее оказалось с разросшейся как грибы после дождя московской «электронной» журналистикой. Ей Тулеев нужен был «живьём»: в кадре или у микрофона. А назначить время для интервью с министром непросто – его рабочий график был плотным, состоял из длинных совещаний как у самого Тулеева, так и в «высоких» правительственных кабинетах. Назначенные уже интервью срывались, откладывались, переносились, журналисты высказывали неудовольствие не только нашей пресс-службе, пару раз открыто покритиковали министра за «уход от острого разговора».

– Давай «теликов» звать в субботу, – предложил Николай. – Аман же ходит на работу по субботам. Сидит с бумагами...

– Может, ты и прав, – отвечаю, – хотят «эксклюзив», пусть жертвуют баней.

И мы стали приглашать тележурналистов и «радийщиков» на субботу. Тулеев не возражал. Единственное, требовал, чтобы вопросы, по крайней мере, основные вопросы интервью, поступали заранее. Иногда в выходные нам удавалось записывать по две-три беседы с министром в электронных СМИ. И «телеочередь» начала хорошо продвигаться. При этом у нас с Николаем сократилось число выходных.

За рабочую неделю мы порядком выматывались. Поэтому в воскресенье предпочитали отлёживаться в своём номере: спали, ели, читали, смотрели телевизор. Когда ехали в Москву, фантазировали, что обойдём все музеи и театры столицы. На самом деле всё оказалось гораздо прозаичнее. И когда стало казаться, что мы уже не выберемся из формулы «дом – работа», Самошонков предложил для разнообразия нанести визит своей теще.

Сказано – сделано. Мы отработали в министерстве больше месяца. Впереди были три выходных, связанных с праздником Октябрьской революции. Новые власти

России его уже не отмечали, как в советские времена, но дни отдыха ещё не отменили. И мы поехали в Ворсму.

От московского автовокзала до этого небольшого городка на реке Кишма, что в Павловском районе Нижегородской области, автобус шёл всю ночь и привёз пассажиров на место ранним утром. Пустынную центральную городскую площадь окружали двухэтажные здания с облупившимися фасадами. Большой грубо отёсанный серый камень, надпись на котором сообщала, что город основан казаками в 1588 году, лежал рядом с огромной лужей. Но ясный рассвет обещал, что наступающий день будет солнечным.

Пока шли до места, Николай рассказывал, что через городок за века прокатилось немало войн, что здесь при Советах стабильно работали два завода: на одном выпускали ножи, на другом – мединструменты: «Их на весь СССР поставляли, не успевали производить. И для хирургов, и для стоматологов, и для ветеринаров. Случалось делать и особенные, – торопливо, как обычно, горячась, рассказывал он. – А теперь всё встало. Говорят, импортное завозить дешевле. Как так?! Весь город на этих заводах работал. А теперь народ болтается без дела или в сараях да подвалах кустарно мастерит что-нибудь, лишь бы выжить... Куда катимся?!»

Так за разговорами дошли до тёщиной кирпичной пятиэтажки, поднялись на этаж. Одна из дверей внезапно распахнулась, и на площадку быстро вышла невысокая седая женщина лет шестидесяти:

– А я смотрю с балкона: ты или не ты? Ты, зятёк! Сердце матери не обманешь, – запричитала она. – А это товарищ твой? Ты уж нас представь...

Колина тёща всю жизнь учила детей в школе, сейчас была на заслуженном отдыхе. Их квартира оказалась довольно большой, из трёх светлых комнат. В каждой стояла какая-нибудь мебель, высились книжные полки.

Стол организовали посреди большой комнаты. Несмотря на раннее время, на столе появилась глубокая тарелка с дымящейся ароматной горкой домашних котлет, блюдо, наполненное с одной стороны толчёной картошкой, с другой – солёными огурчиками и маленькими помидорками. В хрустальной посудинке угнездились маринованные грузди, в селёдочнице – селёдка, украшенная луковыми колечками. А ещё – колбасная и мясная нарезка. В плетёной тарелке куски белого и чёрного хлеба. Ох, и поели же мы тогда! Как водится, выпили за встречу. Поговорили и выяснили, что в этой российской глубинке нашего Тулеева уважают. А после нас уложили отдыхать...

Потом тесть водил нас в баню к Петровичу, куму своему. А вечером мы попали на день рождения к тёщиной сестре, которая жила в просторном частном доме, полном гостей по случаю праздника. Словом, программа нашего визита была обширная. А люди, которые попадались нам в Ворсме, были простыми, добрыми, хлебосольными.

На следующий день Николай потащил на городскую площадь, на рынок. День снова выдался яркий, солнечный, по-ноябрьски холодный. Ряды деревянных прилавков были полны товаров. В основном здесь предлагали овощи, соленья, варенья, мясо, сало. Но Николай всё тянул меня к ножевому ряду. Тут за прилавками стояли одни мужики, в основном, хмурого вида. Они молча разглядывали покупателей, не нахваливали свою работу, терпеливо ожидая спроса.

Каких ножей только не было! Ножички размером с напёрсток чередовались с теми, у которых имелись хитро спрятанные выкидные лезвия, их, в свою очередь, «перебивали» внушительных размеров тесаки и топорики. На прилавках лежали треугольные, квадратные, пятиугольные «складни». Один был выполнен в форме звёздочки с несколькими лучами.

Разговорившись с одним из мастеров-продавцов, я узнал, что к тому моменту, когда Советский Союз приказал долго жить, в Ворсме, на заводе «Октябрь» производили девяносто процентов всех советских ножей. Особо ценились подарочные ножи для руководителей СССР, начиная со Сталина. Только местные умельцы снабжали Советскую армию большим набором спецножей. Для различных родов войск и флота делали: боцманский, строповый, сапёрный, нож взрывника, шлюпочный, командирский. Производили и охотничьи, кухонные, туристические, рыбацкие, филейные, кортики, с выкидными лезвиями...

Ворсминцы часто, к удивлению, спрашивали о министре. И это был, по ощущениям, не дежурный интерес, а искреннее желание узнать о Тулееве что-нибудь необычное, интересное, чтобы лучше представлять себе политика. Мы рассказывали подробности его жизни и работы в Сибири и в Москве. И нередко слышали в ответ: «Зря он снял свою кандидатуру с выборов в президенты, я бы проголосовал за него...».

Однако праздники имеют обыкновение заканчиваться. И рано утром в понедельник мы с Николаем вышли из автобуса на московском вокзале. Предстояло совершить пару небольших, но сложных марш-бросков, ведь тёща под завязку нагрнула продуктами московских «холостяков».

Помню, как Николай вышагивал по утренней Москве, сгибаясь под тяжестью мешка с картофелем на левом плече и громадной сумкой, набитой банками с соленьями-вареньями и кульками с едой в правой руке. Я едва тащился за ним, тоже нагруженный как верблюд. С трудом спустились в метро, сели в вагон. Буквально переползая по переходам на нужную ветку «подземки», кое-как добрались до станции «Китай-город». Решили сразу идти на работу, добираться до общежития уже не было времени.

Под удивлёнными взглядами прохожих с мешками и сумками прошли по Варварке и заявили в министерство. А после работы, выпросив у министерского завхоза машину, увезли тёщины дары домой, нажарили картошки и, наевшись до отвала, развалились на кроватях, долго лениво перебрасывались воспоминаниями о поездке и жизни людей в маленьком городке российской глубинки...

На работе, между тем, было «жарко». Тулеев ставил перед сотрудниками министерства конкретные задачи и требовал неукоснительного, а главное, быстрого исполнения. С этим-то как раз были проблемы у многих работников. Всего в министерстве трудилось ни много ни мало около четырёхсот человек. Привыкшие месяцами жить в «полудрёме» при бывшем руководителе ведомства, они в своём большинстве и не могли действовать иначе...

Аман Гумирович поменял нескольких своих замов, начальников ведущих департаментов. Взамен приглашал специалистов из числа отставников МИДа, из бывшего ЦК бывшей правящей партии. Новые эксперты старательно подхватывали идеи министра, предлагали реальные действия министерства. Тулеев не любил абстрактные дела и результаты. Если до него министерство считалось довольно символической структурой, то он был намерен наполнить его живыми делами и инициативами.

Особенно много усилий министр вкладывал в сближение России с Белоруссией. В то время многие были уверены, что единое государство россиян и белорусов появится буквально вот-вот, что это вопрос нескольких месяцев, ну, может, ближайшего года. По распоряжению министра над решением этой задачи начали работать лучшие спецы ведомства. Тулеев проводил одно совещание за другим, ездил в Минск, пробивал свои предложения в правительстве. Эта тема не сходилась с повестки и в российских, и московских СМИ. Мы на эту тему собирали пресс-

конференции министра в главных офисах ТАСС, «Интерфакса». Организовывали приглашение министру в популярнейшую передачу «Доктор Угол» на телеканале НТВ, убеждали Тулеева, что о лучшей трибуне нечего и мечтать, и вечером везли его на прямой эфир к ведущему Игорю Угольникову. А следом министра требовали в эфир телеканала ТВ-6, который располагался в телецентре «Останкино». Приглашения участвовать в передачах шли от телевизионщиков «REN TV», «Пятый канал», Российского телевидения. Словом, мы крутились, как умели. Но и министр, кажется, был доволен.

Интересно, что в министерство по делам СНГ потянулась небезызвестная творческая интеллигенция. Министерские старожилы утверждали, что раньше такого никогда не было. А тут, видим, на совещаниях у министра киноактрису, заслуженную артистку РСФСР Наталью Варлей (а ведь она в 1996-м во время президентских выборов поддерживала Геннадия Зюганова). Бывал в гостях у Тулеева актёр и режиссёр, народный артист СССР Ролан Быков, которого я сфотографировал на память вместе с министром. Однажды в министерском заседании принимал участие писатель и поэт Сергей Михалков. Живой классик, вальяжно развалившись на своём стуле, изредка вставлял реплики в выступление министра, а все остальные не столько слушали Тулеева, сколько таращились на Сергея Владимировича...

Но далеко не всё складывалось так, как хотел министр. Критика министерства тоже шла с разных сторон. Критически были настроены некоторые коллеги А. Г. Тулеева в правительстве, «цеплялись» за его острые словечки, писали на него жалобы российским президенту и премьеру.

Сам Аман Гумирович позднее признавался: «В правительстве меня очень сложно приняли. Но я там был за счёт Черномырдина. Я всем ему обязан. Он и страсти все улаживал. До драки иной раз доходило. Москвичом я, конечно, так и не стал. Муравейник. У меня там всё было: госдача, машина – живи... Москвичом надо родиться. А когда переезжаешь туда, всё равно инородный, не свой».

Даже в самом министерстве не все разделяли его взгляды, ведь каждому в душу не заглянешь. Да и когда ему этим заниматься? Тут надо вспомнить один яркий случай. Однажды в наш кабинет решительно вошли двое высоких, крепких мужей. Я не раз сталкивался с ними в министерских коридорах, знал, что они трудятся в одном из департаментов, всегда кивал им в знак приветствия и не обращал внимания на колючие взгляды в ответ. А сейчас они вошли так, что дверь едва не слетела с петель. Тёмные пиджаки расстёгнуты, галстуки сдвинуты на сторону, лица покраснелись, запахло водочным перегаром. Мы с Николаем от неожиданности вскочили со своих мест.

– Понаехали тут валенки из Сибири! – сжимая кулаки, напирал один.

– Погоди, пока не бей! Дай, я им скажу, – второй ухватил товарища за рукав. Но тот вырвался и замахнулся на меня. Коля не мог этого стерпеть. Подскочил к зачинщику и молча ткнул его кулаком ниже пояса. Тот выпучил глаза, коротко охнул и, хватая воздух перекошенным от боли ртом, начал медленно складываться пополам.

Всё произошло так быстро, что его спутник не понял, что случилось:

– Мы поговорить пришли, а вы сразу драться!

Николай засмеялся и поднял руки, будто сдаваясь:

– Если поговорить, проходите, милости просим. А я подумал, бить нас заявили... Прошу прощения. Больше не буду. У нас, сибиряков, характер жёсткий, но отходчивый...

Короче, сгоняли в буфет, купили выпивки, закуски, достали заготовку тещино́го сала и кусок домашней колбасы. Сели, разговорились.

– Ваш шеф многих здесь раздражает, – заедая салом, вскоре разоткровенничались гости. – Приехал из глубинки, а устанавливает в министерстве свои законы: всё ему быстрее, чуть что – увольняйтесь без лишних разговоров. Своих кругом расставляет. Мы, москвичи, так не привыкли. Многие тут работают с первого дня, как контору организовали, специалисты в международных делах! Десять раз отмерят, прежде чем отрезать... Пресса сроду не знала наперёд о наших шагах. А теперь – сплошные заявления, пресс-конференции. Всех торопят: быстрее документы пишите. А если ошибка? Кто будет виноват? Многие поговаривают об уходе. Мы тоже увольняться настроились. Да вот решили отношения выяснить...

Не стесняясь, рассуждали о наводнивших Москву «варягах», разрушающих московский образ жизни, о сплетнях в правительстве и подковёрной борьбе, которая идёт там ежедневно. Сами гости, правда, в конце концов, признались: один приехал в столицу с периферии, окончил здесь вуз, с тех пор работал в разных ведомствах, пока не попал в министерство; другого привезли в Москву родители, когда он был старшекласником, его отца перевели сюда на работу, и он стал москвичом...

Кстати, перестановки в правительстве в 1996 году были настолько частыми, что наш с Николаем министерский телефонный справочник, который выдали в приёмной министра, был весь исчерпан. Когда я делал свои утренние доклады министру о новостях, нередко начинал со свежих назначений. Нередко руководители министерств узнавали о своих отставках из всезнающих СМИ. И Тулеев нет-нет да уточнял по утрам: «Меня ещё не уволили?»

Слякотная московская зима между тем вступила в свои законные права. На входах в метро и подземных переходах хлюпала вода вперемешку с раскисшим снегом и песком, с ядовитым химреагентом, именуемым в народе «смерть башмакам». Сырой московский холод доставал нас и в общежитии. От большого окна сквозило так, что по комнате гулял холодный ветер. Не спасала горячая чугунная батарея. Когда, придя с работы, мы пытались согреться, это удавалось сделать только, если лечь в постель одетыми и поверх одеяла накинуть ещё и покрывало.

Мы решили одно из воскресений посвятить борьбе за тепло. Провели переговоры с комендантом общежития, выбили у неё кучу тряпья. Выросшие в обычных частных домах, мы помнили, как с осени родители «конопатили» оконные рамы, вставляли «вторые» окна и заклеивали в них щели полосками старых газет, обмазав клейстером, сваренным из обычной муки. Так мы и сделали, приготовили из муки клейстер, позаткнули тряпками щели в окне, заклеили их бумажными лентами. В комнате сразу потеплело, батарея теперь отапливала не московскую улицу – наше скромное жилище. Больше того, Николай выпросил у коменданта ещё по одному одеялу.

– Теперь уж точно перезимуем! – смеялся он, вручая мне новенькое верблюжье одеяло.

Зимние перемены коснулись и нашего министерства. В январе наступившего 1997 года министра А. Г. Тулеева утвердили ещё и заместителем председателя правительственной комиссии по вопросам СНГ, а в феврале к его министерской должности добавили обязанности российского представителя в исполкоме Сообщества России и Белоруссии. После этого в министерстве, пожалуй, не осталось подразделения, которое не участвовало бы в разработке документов для создания Союза России и Белоруссии: «Мы стоим у истоков образования Союзного государства. Он выгоден нашим странам, нашим народам и политически, и

экономически – для объединения материальных и интеллектуальных возможностей двух наших государств», – излагал Тулеев свою точку зрения в вечерних теленовостях.

Тулеев давал очередное интервью, не сидя в кресле за министерским столом, а стоя посреди своего кабинета, что придавало его комментариям особую убедительность. Мы с Николаем отмечали, что шеф в кадре держался уверенно, стильно выглядел в новом клетчатом пиджаке. Министр вообще нечасто засиживался в кабинете, часто бывал в МИДе, министерстве обороны, других ведомствах, нередко выезжал в республики СНГ – Молдавию, Украину, Закавказье, конечно же, в Минск. Причём, в поездки брал с собой всего одного-двух помощников – не любил длинных «шлейфов» из секретарей и советников, прессы, как иные руководители правительственных ведомств. Поэтому о результатах переговоров, о договорённостях и решениях он сам сообщал мне потом. Я переводил эти сообщения на язык пресс-релизов для редакций.

Отмечу лишь, что приходилось бывать с Тулеевым в разных министерствах и ведомствах – там, где он считал, что нужна фото- или видеосъёмка. Так, побывал на заседании кабинета министров в Доме правительства на Краснопресненской набережной, где прессе разрешили на несколько минут зайти в «тот самый» зал. Однажды снимал, как Аман Гумирович совещался в МИДе на Смоленской-Сенной площади. Ездил с Тулеевым в Минобороны на улице Знаменка, 13, поздравлять с 60-летием министра обороны Игоря Николаевича Родионова. Из-за московских пробок мы запаздывали к назначенному времени, поэтому почти бегом добирались до кабинета юбиляра по бесконечным коридорам оборонного ведомства, украшенным картинами с батальными сценами.

Впрочем, бывали и исключения, и нам с Самошонковым выпадали интересные командировки за пределы столицы. Об одной из них хочу рассказать. Ближе к весне начали готовиться к традиционной встрече делегаций приграничных областей России, Беларуси и Украины. В 1990-е встречи обычно проходили на границе трёх стран, в одной из областей: Харьковской, Гомельской или Белгородской. Весной 1997 была очередь российского Белгорода, сюда в гости должны были приехать белорусские и украинские соседи во главе с главами регионов. Нашу сторону Аман Тулеев вызвался возглавить сам.

В министерстве к встрече готовились серьёзно, министр собрался произнести речь о сближении славянских народов на новых принципах независимости государств. Тезисы готовили лучшие министерские мозги. Пресс-служба тоже получила от Тулеева задание: «Надо как можно шире осветить в прессе эту встречу. Она очень важна для нас...». Кстати, министр нашёл и спонсоров, чтобы профинансировать поездку журналистов. Иначе, из-за нехватки денег, многие редакции не направили бы с нами своих репортёров.

...Через несколько дней пёстрая толпа журналистов и министерских чиновников толпилась мартовским вечером на Курском вокзале. Перрон был заставлен видеокамерами, штативами, сумками и портфелями. Поезд «Москва-Белгород» отходил через полчаса, а к месту назначения прибывал рано утром. Купе были двухместными. Я ехал с каким-то солидным обозревателем из центральной газеты. Выпили мы с ним коньячку, поговорили про нашего министра и улеглись спать. А проснулись, когда поезд подходил к Белгороду. За окном было уже светло, мимо проплывали пейзажи незнакомого города. На привокзальной площади нашу делегацию ждали автобусы.

Привезли нас в большой Дворец культуры. В главном зале убрали привычные ряды сидений, вдоль стен расставили столы в виде буквы «п». Места в середине этой буквы предназначались для российской делегации, справа сидели гости с Украины,

слева – из Белоруссии. В зале стоял гул, перекрываемый оживлёнными возгласами: гости громко представлялись друг другу, радостно обнимались со старыми знакомыми. Мы с Николаем рассадили журналистов на галёрке, где устроили места для прессы, расставили в зале телеоператоров так, чтобы не мешали работе собрания.

Вскоре в зал стремительно вошёл Тулеев в сопровождении белгородского губернатора Савченко, за ними поспевали руководители Харьковского и Гомельского регионов. Тулеев – высокий, в тёмном костюме, на тщательно отутюженных стрелках брюк нет ни складки. Я вообще стал замечать, что в Москве он стал одеваться с иголки, и уже вряд ли бы вышел вечером гулять по Красной площади в «адидасе», как бывало вечерами во времена его сенаторства.

В «Сибиряках на Варварке» эта встреча описана с документальной точностью. Поэтому, процитирую:

«Первому дали слово министру... Выступал он, как всегда, напористо, образно, с удовольствием. Говорил: «Есть старая народная мудрость – дружба и братство лучше богатства. Предки наши хорошо помнили, что дружба как стекло, разобьёшь – не сложишь!» Зал с нескрываемым интересом слушал российского министра. А он говорил о братстве, дружбе славянских республик, о том, что надо не сворачивать, а развивать на новой – независимой – основе культурные и экономические связи. При этом он заверил, что российское государство всегда серьёзно будет заниматься проблемами русскоязычного населения, оказавшегося в ближнем зарубежье...

– ...Мы уверены, что старый друг лучше новых двух! – в завершение опять ввернул он мысль, с которой начал. – Предлагаю всем нам всегда помнить этом, – и зал разразился аплодисментами.

...После нескольких часов обмена мнениями расторопные официанты накрыли обед прямо здесь же, в зале. На сцене начался концерт артистов, которых делегации привезли с собой...».

А на следующий день всех повезли на экскурсию в посёлок Прохоровка, где в Великую Отечественную, в июне 1943 года, было крупнейшее танковое сражение. В память об этом здесь основан большой музей-заповедник «Прохоровское поле». Высокую белую звонницу в этот ясный весенний день было видно издалека. Мы ехали вдоль того самого знаменитого поля, где проходила битва. И казалось, что этому необъятному, широкими волнами уходящему вдаль пространству, вместившему когда-то тысячи изрыгающих яростный огонь железных машин, нет конца.

Возле звонницы все вышли из автобусов. На площадке у памятника уже стоял министерский «ауди». Министр с белгородским губернатором, задрав головы вверх, рассматривали грандиозное сооружение. Девушка торопливо рассказывала: – Прохоровское поле чтут наряду с Куликовым и Бородинским. Эту звонницу открыли в 1995-м, к 50-летию Победы, её высота 59 метров. Стены – четыре мраморных пилона, символизируют четыре года войны. На вершине купола позолоченная фигура Богородицы. Видите, надпись на церковнославянском? Это из Библии: «Нет большей любви той, как положить жизнь за друзей своих». Колокол звонит каждые двадцать минут... А теперь проедем в посёлок, к храму...

...В Прохоровке нас поразил высокий белоснежный храм святых апостолов Петра и Павла. Грандиозное сооружение наверху завершалось единственным куполом с золочёной главой, ослепительно блестящей в солнечных лучах на фоне голубого небосклона.

Под стать и внутреннее убранство церкви. Светло и просторно, глаз радуют яркие фрески, которые повсюду. Иконы и росписи на иконостасе алтаря сделают честь любому кафедральному собору. Вдоль внутренних стен тянутся мраморные плиты с рядами имён и фамилий. От их количества рябило в глазах. Здесь больше семи тысяч имён воинов, погибших в боях под Прохоровкой. И их число с каждым годом растёт... Тулеев и Савченко взяли из рук подошедшего монаха свечи и направились к иконе апостолов. Оба постояли в центре зала, склонив головы.

Возле храма мы организовали подход министра к прессе. Тулеев коротко, энергично подвёл журналистам итоги визита. Снова и снова возвращался к тому, что бывшие страны СССР должны дружить, а славянские народы – в особенности. «Ведь в том сражении под Прохоровкой были и русские, и украинцы, и белорусы. Вы имена-то в храме посмотрите... Они же тогда родину не делили, бились с фашистами бок о бок. Вот о чём нам всегда надо помнить!»

После Белгорода пресса целую неделю публиковала репортажи и статьи о встрече приграничных областей. Главным героем, конечно, был Тулеев. Мы с Колей тогда попали в приказ, которым министр объявил благодарность организаторам белгородской поездки.

...Между тем весной 1997-го в правительстве кадровая чехарда усилилась. Президент упразднил несколько министерств. Вице-преьерами стали Чубайс, Немцов, Кох, Булгак, которые заменили зампредов правительства Илюшина, Потанина, Заверюху, Лобова. Вместо Ясина министром экономики был назначен Уринсон... Я знал далеко не всех, Николай же встречался с некоторыми на лекциях в Академии, поэтому раздавал им ехидные характеристики.

Президент только успевал подписывать кадровые документы. По Москве ходила присказка: пришёл утром министр на работу, а секретарша говорит: «Зачем пришли, Иван Иванович? Вас президент уже уволил, сама по телевизору слышала!»

Про наше министерство тоже ходили слухи. Однако к концу марта кадровая лихорадка начала стихать, утвердили новую структуру правительства, распределение обязанностей между его зампредами. Министерство по делам СНГ устояло...

Однажды министр спросил:

– Ты решил в Москве постоянно прописаться? А я, если помнишь, обещал вернуться в регион, если там объявят выборы губернатора.

– Так не объявили ещё...

– Не объявили, – согласился Тулеев. – Но объявят! Над этим надо работать. А мы должны говорить с земляками, чтобы не забывали. В общем, думай, как? Надо кузбасскую прессу к делу привлечь.

Да, Тулеев не прерывал связи с регионом. В приёмной министра постоянно сидели гонцы из Кузбасса: директора шахт и объединений, сельских предприятий, депутаты, главы территорий. Он их принимал, брался решать их проблемы в разных министерствах. А когда ему удавалось пробить какие-то преференции для Кемеровской области, мы сразу же писали пресс-релиз и отправляли его в Кемерово. Передавали по старой памяти в Законодательное Собрание, там наш текст подхватывала консультант Светлана Солод и рассылала по кузбасским СМИ.

В недрах нашей пресс-службы родилась идея пригласить в министерство группу ТВ из родного региона для съёмок интервью с министром. Для начала решили остановиться на Новокузнецке, пообещали им отличный эксклюзив: министр и о работе в Москве расскажет, и о том, как по родине скучает, как помогает региону

решать проблемы через связи в правительстве... Тулеев идею поддержал. И вскоре в Москву прилетели новокузнецкий журналист Ростислав Бардокин с оператором.

Аман Гумирович согласился отвечать на любые вопросы. Говорил без бумажки, как всегда, объясняя сложные политические проблемы простым, понятным языком, давая остроумные оценки тому, что происходит в жизни страны. Подробно рассказал о своей министерской работе... Ростислав буквально засыпал его вопросами.

Мы с Николаем сидели в сторонке, притихшие, внимательно слушали беседу. Наконец, собеседники перешли к региональной теме. Тулеев похвалил мэра города за то, что вникает во все городские проблемы, постоянно общается с жителями. Они так подробно обсуждали с Ростиславом новокузнецкие вопросы, что стало понятно: Аман не порывал с регионом, знал, чем он живёт и дышит.

Был доволен беседой и Бардокин.

За несколько недель в министерстве побывали ещё несколько съёмочных групп из городских телекомпаний нашего региона. После выхода интервью министра в эфир Коля делал «контрольные» звонки знакомым в тот или иной город, которые подтверждали: земляки слушают Тулеева с большим интересом, не забыли, ждут его возвращения на родину.

Однако выборы губернатора в Кузбассе всячески тормозили. Уже во всех российских регионах состоялись губернаторские выборные кампании. А в Кемеровской области этот процесс всё откладывался. Почему? Обыватели объясняли это только одним: «действующий» хочет подольше удержаться в кресле, ведь люди за него не проголосуют...

Просчитывали ситуацию с регионом и в Кремле. Боялись нового социального взрыва, изучали возможных кандидатов на губернаторскую должность, высчитывали, кому народ симпатизирует, кто сможет изменить настроение кузбассовцев...

Майские праздники 1997-го промелькнули незаметно. В один из вечеров меня срочно вызвали к министру. По привычке подхватил дежурный блокнот, авторучку и помчался по коридору, благо, мы сидели на одном этаже. Тулеев нервно прохаживался по кабинету, заложив руки в карманы брюк, молча кивнул: проходи, садись. Сказал, что мне надо возвращаться в регион.

– Меня в Кремль вызывали, – сообщил он. – Спрашивали, не передумал ли я возвращаться в регион. Словом, опять назревают перемены. Да и поднадоело в столице... Только это пока не для прессы. А тебе (мне, то есть) сейчас уже надо возвращаться... – и он подробно принялся объяснять, чем нужно заниматься там, на месте. – Николай пока пусть здесь за двоих трудится. А потом сам решает, как ему жить дальше.

Вечером в общежитии мы с Колей обсудили ситуацию со всех сторон.

– Только пока об этом никому, – предупредил я. – Вот выйдет указ президента... А выйдет, похоже, скоро... Затянулась наша московская командировка. Если честно, домой хочется, соскучился я, устал от кочевой жизни. Так что завтра за билетом пойду... Договорились, что ты будешь работать здесь до конца. Утром также будешь Аману делать обзоры. Постарайся попроще и внятно. Как только указ выйдет, напишешь заявление «на выход». Я вас дома буду ждать, там снова вместе поработаем. Ты как?

Николай засмеялся:

– Мы же как иголка с ниткой.

Мы долго не спали в ту ночь, болтали о своей московской жизни, смеялись, вспоминая всякие случаи, вздыхали по незаметно пролетевшим месяцам в столице. Москву посмотреть по-настоящему так и не успели: ну, побывали за это время один раз в Театре Советской армии с его самой большой в стране сценой, пару раз – в музее Вооружённых Сил, и то только лишь потому, что он находится недалеко от нашей общаги. Пару раз в кино сходили. Да, однажды в выходной день бывший начальник кузбасской ГАИ Анатолий Григорьевич Казаков свозил нас с Колей на своей «Волге» в Сергиев Посад.

Лишь в обеденные часы мы обследовали каждый уголок на Красной площади, изучили улицы и переулки возле Старой площади, Китай-города, заглянули, наверное, во все расположенные тут храмы и часовни. Гуляли по Ильинке, Варварке, Рыбному и Большому Черкасскому переулкам. Выходили на Биржевую площадь, по Богоявленскому переулку шагали до Никольской улицы, часто в ГУМе ели мороженое.

Прямо за углом министерства начинался Никольский переулок. Рядом возвышался пятиглавый храм святителя Николая Чудотворца «Красный Звон». Мы заходили в это православное святилище с простыми серыми стенами, высокой колокольней. И местный церковный служака однажды объяснил нам значение не совсем обычного названия. Оно шло от красивого звона колоколов храма. Среди них когда-то был колокол с изображением трёх лилий, пометою 1573 года и латинской надписью. Считали, что колокол был взят царём Алексеем Михайловичем в трофеи во время Польской войны. А потом колокол вывезли в Коломенское...

Накануне моего отъезда в Кемерово мы с Николаем снова вошли в пропахшую ладаном полутьму короткого притвора этого храма, купив по свечке, встали у алтаря. Со стен на нас сурово взирали неясные лики святых, проступающие со старых, с трудом сохранившихся фресок. Посетителей почти не было, в полутьме виднелись лишь несколько фигур, в основном, женских.

Мы уже знали, что святыней храма считается икона святого Николая – единственная, дошедшая с дореволюционных времен. Возле неё – в центре иконостаса – горели лампы, напротив иконы, возле амвона, стоял большой подсвечник, на нём неспешно колыхались огоньки трёх-четырёх догорающих свечей. Поставили и мы свои свечи.

– Вот же дурацкое воспитание, – прошептал Коля, – не могу перекреститься...

Я вернулся на родину в мае. Начало лета провёл на своём крохотном – 2,5 сотки – садовом участке. Он, кстати, располагался встык с Колиным, таким же маленьким. Мы приобрели их в садовом товариществе «Ягодка», что в сторону микрорайона Южный, ещё в горбачёвскую перестройку по совету Александра Васильевича Семёнова, теперь работавшего в газете «Кузбасс». Его участок был по соседству. И он настоял, чтобы мы стали обладателями земли, которая «если что, с голоду помереть не даст». У нас с Николаем были старые, подгнившие местами, щитовые домики, яблони, малина, смородина с крыжовником да по две-три грядки разной зелени. Ещё наши жёны лелеяли на участках цветы. На моём огороде даже малюсенькая банька стояла, в которой мы с Николаем иногда от души парились...

Я сидел на веранде садового домика и писал статьи о министре по делам СНГ, вечерами созванивался с Николаем, торопливо записывал его бодрящую информацию, которую утром превращал в пресс-релизы, чтобы разогнать в местные СМИ. Лучше других эту информацию публиковала ветеранская газета «Земляки». Эти несколько недель я снова числился как бы безработным. Но министр помнил об этом. Поэтому время от времени небольшие средства для нашей семьи выделял из какого-то фонда помощи один из добровольных

помощников Тулеева тех дней Владимир Васильевич Красильников, работавший заместителем начальника УВД по Кемеровской области. С ним мы встречались в небольшом кабинете, принадлежащем, кажется, Законодательному Собранию области, обменивались новостями.

Он тоже был в курсе всех событий. Поэтому главной темой наших разговоров было предстоящее назначение Тулеева в Кузбасс. Ждали этого со дня на день, но всё же Указ президента России о новом губернаторе Кемеровской области прозвучал неожиданно. Документ был подписан 1 июля 1997 года. Как стало известно, ещё накануне отставленный губернатор съехал из региона, верхушка его команды поразбежалась. На следующий день новость не сходила с экранов телевизоров, её опубликовали все центральные газеты. Вот что написала об этом, к примеру, газета «Коммерсантъ»:

«Результатом вчерашней встречи Бориса Ельцина с руководством правительства и президентской администрации стало кадровое решение, которое трудно назвать рядовым. Ельцин освободил от должности губернатора Кемеровской области Михаила Кислюка. На его место назначен министр по делам СНГ, экс-председатель Законодательного Собрания области Аман Тулеев.

Михаил Кислюк, остававшийся до вчерашнего дня последним назначенным Ельциным российским губернатором, перестал им быть. А остававшийся до вчерашнего дня единственным оппозиционером в правительстве Аман Тулеев стал единственным назначенным губернатором. ...В целом новый губернатор оценил решение президента так: «Это здравый подход, здравость чувствуется во всём». Что думает обо всём происходящем отставленный Кислюк и на какую «другую работу» (как сказано в президентском указе) он перейдёт, пока неизвестно.

Зато что думают о губернаторе Кислюке в столице, известно давно. Особенно ему досталось на заседании президиума правительства в прошлый четверг. Тогда Анатолий Чубайс, говоря о выплатах пенсий в регионах, ситуацию в Кемеровской области назвал «отвратительной». Причём настолько, что нужны, по словам первого вице-преьера, «кадровые решения». Они и последовали.

...Местный конфликт некоторое время назад вроде бы разрешился в пользу губернатора: Законодательное Собрание было распущено, а Тулеев переехал в Москву. Казалось, всё будет относительно спокойно до самых губернаторских выборов – после долгих согласований и громких скандалов возрождённое недавно Законодательное Собрание области назначило их на 19 октября.

И в Кемерово, и в Москве мало кто предрекал победу на выборах Кислюку. ...Конечно, у Тулеева гораздо больше шансов стать избранным губернатором. Вчера экс-министр подтвердил, что «точно хотел принять участие в выборах в октябре и примет обязательно». Тулеев по-прежнему очень популярен в Кузбассе. («Уволен Кислюк, назначен Тулеев», «Коммерсантъ» № 101 от 02.07.1997, стр. 3).

Сам Аман Гумирович не раз рассказывал в своих многочисленных мемуарах о том, как встречался с президентом Б. Н. Ельциным накануне своего назначения в Кузбасс:

«Иду к Ельцину. Сидит. Свитер у него такой был на пуговках. И он начинает: «Аман, ну всякое у нас с тобой было, давай забудем». Я уже стою и думаю: «Что ж ты хочешь мне сказать, раз так начинаешь?» И он твёрдо говорит, что мне нужно вернуться в Кузбасс. Я ошарашен. Думаю: «Как это?» Здесь у него голос изменился. Чувствую, он искренне переживает. Объясняет, что страну разорвали на две части, а я в Кузбассе вроде как свой. И тут же говорит Ястржембскому (тогда пресс-секретарь Ельцина) так, будто бы меня и нет рядом: «А что мы теряем? Он всё равно против реформы. Поедет – башку свернёт. Мы скажем, что, мол, вот видите, они только болтать и могут. А я демократ, послал его, а он провалил всё.

Мы прогадываем?» Тот ответил, что нет... Ельцин продолжает: «А если он потянет, опять хорошо. Скажем, мол, видите, нам чихать, лишь бы проблему решить». Так и решили. Я спросил, как там вообще с деньгами. Говорю: «300 миллиардов надо, не меньше! Что я без денег приеду? Что я там делать буду? Меня там разорвут. Люди полгода-год уже не получали пенсии, зарплаты. С чем я буду выходить к людям? С лозунгами, что ли?» Пообещал, что поможет. Но в итоге ничего нам не дали, естественно».

Мы с Николаем созвонились, поздравили друг друга. Он сообщил, что немного задержится в столице – надо завершить работу, оформить увольнение в министерстве (кстати, и моё – тоже, ведь моя трудовая книжка пока лежала в министерском отделе кадров). Ладно, говорю, завершай и возвращайся, тут работы будет невпроворот.

Вечером мне позвонил Владимир Васильевич Красильников:

– Поедешь со мной в Новосибирск, – говорит, – будем там губернатора встречать. С ним согласовано. Он решил возвращаться домой через Новосибирск. Видеокамеру не забудь, будешь снимать для истории...

И вот ранним летним утром мы поехали. С нами депутат ЗС, прокопчанин Анатолий Арыков, за рулём «паркетника» знакомый по Заксобранию водитель Саша. Волнуемся, обсуждаем: как-то состоится эта встреча. Московский самолёт прилетел в Толмачёво по расписанию. Мне удалось снять, как Тулеев сходит по трапу на сибирскую землю, приветствует земляков. Потом он попросил выключить камеру, мол, вид у него заспанный после дальней дороги.

Мы уселись в машину и понеслись домой. На границе областей – там, где стоит стела с названием нашего региона – решили перекусить. Расстелили скатерть-самобранку прямо на траве. Вышел отличный пикник. Лето было в самом разгаре, на загляденье солнечный день. А Тулеев, прибыв в этот день в притихшее главное здание администрации Кемеровской области, сразу же начал решать кадровые вопросы. Вскоре я получил назначение на должность начальника управления облминистрации по работе со СМИ, (журналисты по привычке называли наше подразделение пресс-службой губернатора), досталась мне по совместительству и роль губернаторского пресс-секретаря.

Помнится, что прежний состав пресс-службы «растворился», будто его и не было. Мне удалось уговорить не покидать пока рабочие места только видеооператора Андрея Деменёва и консультанта Вячеслава Шилова. Первые несколько дней мы втроём кое-как справлялись с валом информации о первых губернаторских шагах и решениях. Тулеев требовал немедленной публикации этих новостей на региональном телевидении, радио, в газетах.

Я перемещался с одного совещания на другое, забежал минут на десять на пятый этаж в пресс-службу, чтобы надиктовать очередные релизы Шилову или Деменёву, которые они набирали на компьютере. И снова мчался на третий этаж в кабинет губернатора. Первые дни пролетали так стремительно, что казалось, некогда перевести дыхание.

Хорошо, что приехал Николай, как всегда бодрый, энергичный, в хорошем настроении, готовый, как говорится, наилучшим образом выполнить любое задание, и стал моим заместителем. Потом вышла на работу в наше управление Ольга Рожкова, ещё специалисты подтянулись, и наше информационное дело завертелось, как в хорошем информационном агентстве. Мне приходилось по два-три дня в неделю, а иногда и больше, ездить с губернатором по Кузбассу. Я знал, что на Николая в работе можно положиться – не подведёт, больше того, всегда предложит, как сделать лучше.

Мы организовали потоки информации внутри администрации так, чтобы к нам стекались новости со всех департаментов и управлений. И начали выпускать информационные ленты – по десять-двенадцать релизов в каждой – по несколько раз в день. Многие новости стали сопровождать фотографиями. Для редакций СМИ это было очень удобно.

Хочу напомнить, что социально-экономическая обстановка в Кузбассе в 1997 году была крайне тяжёлая. Здесь развалили буквально всё: не было ни одной нормально работающей отрасли. Стояли закрытые шахты, едва сводили концы с концами металлурги, подвели под ликвидацию химические предприятия, бездействовали строители, лежало на боку сельское хозяйство. Не только бюджетники и работники промышленности по многу месяцев не получали зарплату, пенсию и ту не платили.

Это был коллапс, доставшийся в наследство А. Г. Тулееву. По всему региону прокатывались волны бесконечных митингов, на которых народ требовал работы и денег. На площади Советов в Кемерове митинги шли ежедневно. Толпы учителей сменяли сотни врачей, митинговали рабочие закрытых заводов, им на смену выходили пенсионеры. Казалось, этому не будет конца. Губернатор выходил к людям, объяснял, убеждал, доказывал, просил потерпеть.

Сегодня многое из тех страшных девяностых годов забылось. Но не всеми. Так, бывший собственный корреспондентом «Первого канала» в Сибирском федеральном округе, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Новосибирского государственного технического университета Константин Александрович Антонов в статье «Тулеев был одним из ярких героев российской политики» (сетевое издание «Клуб регионов», <http://club-rg.ru/42/opinions/1338>) пишет о том, что «хорошо помнит, как президент России назначал губернатором Кемеровской области А. Г. Тулеева в качестве «кризисного управляющего». К 1997 году Кузбасс представлял из себя регион, где множество угольных предприятий были закрыты, экономика других отраслей и социальная сфера тоже «лежали на боку», серьёзные проблемы сотрясали строительную и сельскохозяйственную и другие сферы регионального хозяйства, областной бюджет был пуст. Руководителю области во многом приходилось начинать с нуля. Тулеев сумел преодолеть проблемы, вывести регион из кризиса...».

И в этом тяжелейшем, едва ли не сумасшедшем процессе возрождения Кузбасса наша пресс-служба занимала далеко не последнее место. Мы были в гуще событий, составляли очередные сообщения, чтобы рассказать людям о начавшихся переменах. Сообщали о том, как в ручном режиме возвращено к жизни ещё одно производство, о том, как губернатор сумел привлечь в экономику частные инвестиции, о том, сколько за прошедшие сутки поступило налогов в бюджет и в какие бюджетные сферы эти средства распределены. Губернатор работал без выходных – без выходных трудились и мы с Николаем.

19 октября 1997 года прошли первые в истории Кемеровской области выборы губернатора. Ожидаемо победил на них А. Г. Тулеев, набрав почти 95 процентов голосов избирателей. Есть в этом результате и усилия нашего управления...

Николай не раз прикрывал мою спину, за это я ему бесконечно благодарен. Ведь работа в должности пресс-секретаря – интересная, насыщенная, но, как правило, – на износ. Обычно в этом занятии нет не только выходных, часто – и отпусков тоже нет. Рабочий день не нормирован. Ты должен постоянно быть на связи с шефом, поэтому, даже когда уединяешься в туалетной комнате, телефон желательно иметь при себе. И на ночь телефонную трубку кладёшь под подушку: мало ли что. Могут поднять в ночь-полночь, потому что случилось ЧП, авария, и надо срочно бежать

или ехать и рассказывать прессе, а, значит, населению, есть ли пострадавшие, как устраняются последствия...

А ещё – нельзя пропустить ни одного мало-мальски значимого местного события, добиться, чтобы его обязательно осветили в прессе... А ещё – ежедневно надо отсидеть на десятке совещаний, и не просто отсидеть, а написать о каждой информации для СМИ, доходчиво изложив самую суть. А ещё – постоянно растолковывать гражданам и СМИ принятые властью решения и меры в интересах населения, которые иногда сами-то чиновники не понимают. Ещё – следить за общественным мнением, за репутацией администрации и её составляющими, за тем, чтобы вовремя дали ответ на критическую публикацию, да чтобы он был толковым и конкретным, не похожим на отписку. А ещё...

И несть числа этим «ещё». Наверное, поэтому у пресс-секретарей часто происходит серьёзное профессиональное выгорание... Так что ничего общего с «тёплым местом» это место не имеет. И если бы не поддержка Коли, его живое участие, лёгкий характер, умение шуткой разрядить напряжённую атмосферу, как знать, не сломался ли бы я в самые первые месяцы в этой «мясорубке».

Ещё об одном аспекте вспоминаю: наше с Самошонковым желание объединить общими делами и идеями разношёрстное журналистское сообщество региона. Тут нам пригодился партийный опыт. За годы руководства Кузбассом предыдущего губернатора наши коллеги разобщились, не стало для них областных мероприятий, кустовых летучек, старые приятели-редакторы СМИ редко встречались, не обсуждали жизнь с её проблемами, не обменивались опытом, как раньше бывало, за «рюмкой чая». А ведь это им нужно как воздух! Трудно сказать, почему этого не делали: лень или неумение организовать...

Безусловно, областной семинар для СМИ организовать и провести не так просто. Надо выбрать тему, место, время. Не каждый город, к примеру, захочет принять у себя, скажем, сто репортёров, провести для них экскурсии, угостить обедом. Подготовка такого семинара занимает не одну неделю. Но мы это начали делать на регулярной основе.

Привлекли к организации таких мероприятий информационно-методический отдел (был и такой в составе управления по работе со СМИ) во главе с Тамарой Николаевной Поповой. Николай, вспомнив, что он ещё и кандидат наук, делал на таких семинарах обзоры прессы, хвалил журналистские удачи, подсказывал коллегам из редакций ошибки. В результате мы получили, как минимум, корпоративное понимание общих задач, к решению которых Кузбассу надо стремиться, разъяснение того, как власть собирается этого достичь. Ведь по большому счёту цели у власти и прессы сходятся – это желание улучшить жизнь людей...

Быстро прошли три года нашей совместной с Николаем работы в областной администрации. Обо всём не расскажешь. Хотя стоит напомнить, что в областном бюджете появилась новая строка – программа «Пресса» – на поддержку СМИ области, на приобретение бумаги, на техническое перевооружение редакций. Журналистов стали чаще награждать областными наградами. Появились областные конкурсы творческого мастерства. Возникла программа поддержки семей, детей журналистов.

Но, к сожалению, всё проходит. Подошёл к концу и наш с Николаем совместный этап работы. Самошонков всё чаще стал говорить о том, что хотел бы продолжить занятие наукой, исследованием социальных аспектов деятельности прессы, сообщил, что его снова зовут в знакомую уже Академию на юго-западе Москвы,

предлагают преподавать её слушателям. Кроме того, он намеревался заняться докторской диссертацией.

Как было удержать его? И мы расстались. Первое время Николай часто звонил из столицы, интересовался нашими делами. Потом звонки стали реже. Но связи мы не прерывали. Николай жил всё в той же гостинице Академии – в одной из двух высоток на проспекте Вернадского у станции метро «Юго-Западная». Как уточнил его старший сын Кирилл, Николай Васильевич работал консультантом, экспертом в области информационной политики. И, конечно же, занимался своей докторской.

Впрочем, судя по нашим телефонным разговорам, он оставался всё таким же лёгким на подъём, смешливым и уверенным в себе. Ходил в спортзал, где до седьмого пота поднимал тяжести. На спор мог постоять на руках на кромке крыши академической гостиницы.

Часто привечал гостей – земляков из Кузбасса. Мне самому посчастливилось однажды воспользоваться этим его качеством. В середине нулевых годов я попал в группу руководителей пресс-служб и пресс-секретарей органов государственной власти сибирских регионов, которая побывала на учёбе в Берлине. Когда рано утром вернулся в Москву, оказалось, что самолёт из Шереметьево на Кемерово вылетает только поздно вечером. Был свободен весь день и решил позвонить по знакомому номеру.

– Конечно, приезжай безо всяких, – раздался радостный голос Николая, – буду ждать. Вася (его младший сын) вынесет тебе пропуск на ресепшн...

В номере Николая было светло и чисто. Сам он сидел на небольшом диванчике у невысокого столика, заставленного закусками и напитками. Улыбающийся Коля, не вставая, подал руку:

– Извини! – хохотнул, встать не могу, – сломался...

– Ногу что ли сломал? – участливо уточнил я.

– Ага! – обрадовался он моей догадке. – Только не одну, а сразу обе.

И Коля, как всегда, торопливо, с юмором поведал, как на тренировке уронил на себя тяжёлую штангу. Перелом обеих нижних конечностей. Было очень больно, но он стерпел.

– Да ты не думай, – успокаивал он меня, – гипс скоро снимут. Буду как новый.

Мы выпивали, закусывали и без умолку рассказывали каждый о себе. Николай показывал пальцем на стопку журналов «Социология власти» и по вопросам философии, из которой я выдёргивал нужный ему. Он открывал журнал с очередной своей статьёй и начинал читать. Потом махал рукой, откладывая журнал в сторону и наполнял наши рюмки...

Кроме того, оказалось, что он помогает многочисленным диссертантам в подготовке монографий. «Это вон та пирамида книг, – похвалился он. – Но кроме того, я и сам занимаюсь исследованиями, поиском путей дальнейшего духовного развития страны. А это, знаешь, как непросто! – Николай поднял вверх указательный палец. – Да ладно, что я всё о себе? Расскажи, как там в Кузбассе...».

Словом, проговорили весь день. Правда, в середине дня его сын Василий сводил меня на обед в замечательную академическую столовую. Да и Коле требовался перерыв.

После этой встречи мы не виделись несколько лет. По телефону Николай объяснял, что докторская у него готова, но её защита по разным причинам откладывается. Однажды с какой-то оказией передал для меня журнал с очередной своей статьёй. Он до сих пор лежит на одной из книжных полок. Статья называется «Свободная

циркуляция социальной информации как фактор стабилизации российского общества» (Самошонков Н. В., Социально-гуманитарные знания. 2002, № 4).

Начало десятых годов для нас обоих сулило немало проблем. В 2011 году – после восемнадцати лет работы с Тулеевым – я перешёл из областной администрации в АО «Холдинговая компания «Сибирский деловой союз». Но через пару лет и отсюда пришлось уйти. Несколько месяцев поисков работы на кемеровской бирже труда нормального результата не дали.

Очередной этап моей безработицы продлился до весны 2015-го, когда вдруг пришла весточка из Владимирской области: владимирский губернатор Светлана Юрьевна Орлова позвала к себе на работу. И мы с женой засобирались на новое место. Звонок от Николая был неожиданностью:

– Привет! Ты дома? Я сейчас подъеду, – прокричал он в трубку весёлым голосом, как будто мы расстались только вчера.

Минут через тридцать к нашему подъезду подкатила иномарка, а ещё через минуту мы тискались друг друга на лестничной площадке. Николай смеялся и радовался встрече, шуточно вставал в боксёрскую стойку, целясь мне в плечо, делал выпад правой, левой, и я снова слышал его знакомое: «Пых, пых, пых...». В квартиру заглянул только на минуту, чтобы поздороваться с моей Галиной. Наотрез отказался сесть за стол и потащил меня в машину.

За рулём сидел незнакомый мужик с добродушным выражением на лице. Кажется, он был из того же таштагольского сообщества боксёров, что и Самошонков, а, может, их объединяло что-то ещё, я так и не понял. Николай разложил на заднем сиденье нехитрую закуску, достал коньяк, пластиковые стаканчики...

Внешне он казался всё таким же жизнерадостным, но чувствовалось, что перемены в жизни наложили на него свой отпечаток. Рассказал, что последнее время живёт у родственников в Таштаголе, занимается какими-то сделками. Несколько недель провёл у знакомого на маральей ферме в Горном Алтае. Обещал и меня свозить в эти красивые заповедные места. От вопроса о докторской диссертации отмахнулся. Пообещал приехать к нам во Владимир, как только мы как следует устроимся.

От него, как всегда, исходил оптимизм, способный перекрыть любую безысходность. И, готов признать, я «подзарядился» его жизнерадостностью. Проговорили мы примерно час. Коля разлил остатки коньяка и заторопился с отъездом:

– Надо, надо, надо, – как всегда протараторил скороговоркой. – Ещё дел невпроворот... – и они уехали.

Это была наша последняя встреча. Во Владимире нас приняли очень хорошо. Мне предложили должность заместителя председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области. Наш комитет в журналистском народе, как и везде, называли пресс-службой, что, собственно, так и есть.

А Николай... В начале мая, а точнее второго числа этого месяца 2016 года он скоротечно скончался в Таштаголе. Я узнал об этом ранним утром, собираясь на работу. Жена подала мне телефон прямо в ванную, сказав, что что-то спозаранку звонит Василий Самошонков. От Васи мы и узнали печальную весть. Николаю всего-то шёл 62-й год...

Свои соболезнования семье и близким через газету «Кузбасс» выразили губернатор А. Г. Тулеев, коллегия администрации Кемеровской области, областной Совет народных депутатов. Похоронили Николая на малой родине.

Кроме воспоминаний о нашей совместной жизни и работе у меня осталось несколько его книг. Одна из них – о его любимом боксе. Называется «На ринге –

боксеры Кузбасса» (Кемерово, 1998). Есть, повторюсь, журнальные статьи с его научными исследованиями и другие его издания и публикации.

Интересна выписка из одной из давних его характеристик: «Отличается лидерскими качествами и силой характера. Самошонков Н. В. стремится к ярким впечатлениям и старается делать всё в быстром темпе, но при этом чётко и правильно. ...Имеет высокие требования к окружающим и старается им следовать. Не любит проявлять слабость, медлительность и несобранность, стремится к высоким достижениям и целям, может вести за собой окружающих и не поддаваться влиянию со стороны. Стойко выносит все жизненные испытания и препятствия и крайне редко проявляет слабость и становится ведомым...».

Но я чаще всего представляю его как неуёмного оптимиста и просто лёгкого на подъём товарища...

Евгений Ксензенко: «Я очень жадный до жизни...»

Евгений Ксензенко никогда не скрывал своих корней. И на просьбы о внесении ясности в биографический вопрос всегда откровенно сообщал:

«Если структурировать всё по порядку, то начать нужно с газеты «Кузбасс», кемеровского информагентства «Вертикаль» и уникального, потрясающего опыта работы в программе «Больше трёх» – молодёжной редакции (ГТРК «Кузбасс») под руководством Галины Михайловны Библик. После третьего курса я переехал из Кемерова в Москву, где сначала работал в новостях на канале «М1», а на пятом курсе пришёл на НТВ и проработал там 10 лет. Пять – в Москве и столько же – в Лондоне. Потом у меня появилась своя компания, чтобы сотрудничать с теми каналами, которые мне нравятся и – что немаловажно – которым нравлюсь я...». (<https://gazeta.a42.ru/lenta/show/evgeniy-ksenzenko-dzhonni-depp-chital-mne-mayakovskogo.html>).

Что же, многие тележурналисты называли режиссёра Г. М. Библик своим учителем, а её программу «Больше трёх» – хорошим стартом в профессию. Напомню, что эта молодёжная программа выходила в эфир Кемеровской студии телевидения с 1997 по 2001 годы. А в 1998 году на Телефестивале молодёжных программ в Москве была удостоена диплома I степени.

Евгения Ксензенко – этого удивительно талантливого и разностороннего журналиста, продюсера, сценариста, автора и ведущего документальных и художественных фильмов не стало 16 августа 2024 года. Он всего 12 дней не дожид до своего 45-летия.

Евгений родился 28 августа 1979 года. В 1996 году окончил среднюю школу. Журналистское образование начал в Кемеровском государственном университете, в том же году поступив здесь на отделение журналистики филологического факультета. А завершил его в 2002-м – в МГУ, куда перевёлся на журфак после третьего курса КемГУ.

«Мой перевод в 1999-м случился потому, что я азартный. Получится или нет – мой вечный двигатель, – объяснял он свой шаг. – А цель была одна – расти в профессии и учиться тому, что у меня изначально не получалось. Например, работать в прямом эфире. Конечно, карьерных амбиций тоже хватало: хотелось находиться в центре событий, освещать масштабные темы, поучиться за рубежом.

Я до сих пор жутко жалею, что много времени тратил впустую. Один известный человек, я не буду называть его имени и фамилии, сказал своим детям примерно следующее: «Ребята, если вы сейчас, пока ещё молодые, потрудитесь очень-очень серьёзно и не сходите лишний раз в кино, то вы даже не представляете, какая великолепная и интересная жизнь у вас будет». Я эту позицию целиком разделяю».

Энергичному парню очень пригодился первый опыт, полученный на Кемеровском областном телевидении. Ещё будучи студентом четвёртого курса МГУ, он пришёл в редакцию телеканала «М1» (бывший «Первый Московский», вещал до весны 2005 года) и предложил свои услуги. После двух-трёх пробных сюжетов его зачислили в редакцию новостей. Эта работа позволила Евгению хорошо узнать Москву, подружиться с интересными людьми.

О своей первой «большой московской теме» он рассказывал так:

«Я вспомнил свою первую командировку – в Якутию. Это было буквально через пару месяцев после того, как я начал работать. Кто-то из московских чиновников поехал дружить с городом Якутском – в общем, что-то связанное с отношениями Москва-Якутск. Деталей уже не помню, но мне понравилась атмосфера, которая там царилась. Такая, знаете, своя экзотика. Это была первая взрослая командировка. Три дня. Ерунда, конечно, но тогда казалось – ого-го!»

Вскоре возникло желание – кроме коротких репортажей делать на ТВ что-то более существенное. И однажды он попробовал себя в теледокументалистике. Его способности делать добротное документальное кино по-настоящему оценили в телекомпании НТВ, куда он попал ещё до окончания МГУ. С 2001 года Евгений Ксензенко стал парламентским корреспондентом НТВ, зрители не раз видели его интересные стендапы из Совета Федерации и Государственной думы, он готовил репортажи для информационно-аналитических программ НТВ «Сегодня» и «Личный вклад». 2001-й год знаменателен для Ксензенко и тем, что в этом году он сумел окончить Школу права СМИ, где изучал российское медиаправо.

Работа постепенно привела его в один из самых интересных проектов своего времени на российском ТВ – программу «Профессия-репортёр». Зрителям запомнились снятые Ксензенко для этого цикла фильмы «Особенности частного сыска» и «Попавшие в сети».

Журфак Женя окончил с отличием. Проблем с выбором места работы не было: канал НТВ загружал Евгения всё новыми темами и заданиями. Кроме того, он собирался поступить в аспирантуру. И, конечно, кого из молодых нахрапистых московских журналистов в начале 2000-х не притягивала к себе Европа? Тянула она и Ксензенко. Он страстно мечтал освещать международные темы. Хотя с английским языком у него были проблемы:

«С английским отношения были сложные. Наверное, я его недооценил с самого начала и поэтому не пытался заниматься как следует ещё в школе: до восьмого или девятого класса учил французский, а на английский перекинулся только в

старших классах. То есть, когда вокруг меня люди уже всю говорили по-английски, я ещё только изучал, как в «Джентльменах удачи», the girl».

После перевода в МГУ он понял, что дальше так жить нельзя, надо с этим что-то делать. И придумал, как решить проблему. Есть такая программа для студентов – Work and Travel – популярная программа международного студенческого обмена. Он сдал экзамены очередной университетской сессии пораньше и уехал почти на полгода в Америку, поставив себе цель: не вернусь, пока не выучу язык.

«После этого мой английский, разумеется, стал гораздо лучше, – отметил Евгений. – На журфаке МГУ иностранный язык хорошо и преподают, и знают. В общем, к пятому курсу я овладел им прилично, и стыдно мне уже не было. Хотя в Англии, конечно, продолжаю его шлифовать».

Впервые в Лондон он попал, выиграв грант на обучение за рубежом. И целый год учился в Вестминстерском университете, защитил здесь диссертацию. Параллельно успевал делать для российского канала РЕН ТВ из Лондона репортажи о жизни Туманного Альбиона.

Всё это закончилось вот чем: «Мне сделали предложение, от которого, как говорил известный герой известного фильма, невозможно отказаться – предложили возглавить представительство НТВ в Великобритании. Так жизнь связала меня с Королевством...».

В ноябре 2006 года руководство НТВ позвали Ксензенко стать директором-корреспондентом представительства НТВ в Великобритании. Для Евгения это стало удачей! Тем более что ему разрешалось параллельно делать сюжеты и для других российских телекомпаний – РЕН ТВ, «Звезда».

Круг английских тем, которые он снимал для российского зрителя, был очень широк. Например, ему особо нравилась тема обитателей резиденции британских монархов в городе Виндзор, расположенного к западу от Большого Лондона. Конечно, тема королевской семьи и всё, что связано с Виндзорами, всегда привлекало внимание публики. Это и скандалы с принцем Гарри, и роды герцогини Кембриджской, и многое другое из жизни монархов:

«Мы снимали про ажиотаж вокруг этих событий, про то, как люди к ним готовятся, как, к примеру, делают ставки в букмекерских конторах на пол ребёнка и на имя, которым его назовут. Конечно, это интересно и России в том числе. Могу отметить, что прикасался к принцу Майклу Кентскому буквально – во время интервью. Кстати, он очень неплохо говорит по-русски...»

Моя встреча с королевой Великобритании произошла во время ежегодной чайной церемонии в Букингемском дворце, куда я был приглашён от журналистов, представляющих зарубежную ассоциацию прессы. А так – я видел и принца Гарри, и Уильяма, и Кейт, и весь политический бомонд Великобритании: Дэвида Кэмерона, Гордона Брауна, Тони Блэра...».

Общение у журналиста бывало разное. Готовясь к интервью с бывшим гангстером, главарём одной из банд на востоке Лондона, он озаботился глупым вопросом: как одеться для встречи? Обычно на съёмках Евгений в костюме и галстук: «Если прийти именно так, официально, то может получиться комичная картина в кадре. Да и неизвестно, как гангстер отреагирует на «человека в костюме». Может, «закроется» сразу и придётся ещё этот «лёд» растапливать. Да и съёмки пройдут в районе, в котором одеваются, скажем, не так как банкиры в Сити. В итоге решил – галстук и пиджак оставляю для интервью с Дэвидом Кэмероном».

Но интереснее всего ему было общаться с голливудскими звёздами, которые регулярно приезжают в Лондон на премьеры своих фильмов: «Я поговорил практически со всеми, с кем хотел. Джонни Депп поразил меня своей любовью к

Маяковскому. Пытался даже его цитировать, пока шла подготовка к интервью. Представляете, читал мне Маяковского! В переводе, правда, но, думаю, если бы Депп захотел, то и первоисточник бы освоил: он талантливый очень».

За время работы в Англии Ксензенко побывал практически во всех её городах, где жили или работали английские писатели. Особенно любил бывать в Оксфорде – городе, где создавали свои миры такие всемирно известные авторы, как Джон Толкин и Льюис Кэрролл.

У него образовалось немало знакомых и даже друзей, но, на вопрос: кто ваш лучший английский друг? – он неизменно отвечал:

«Мой лучший друг в Королевстве – это моя семья, но она русская. Когда мои сыновья кричат: «Я хочу быть первым!» (далее может быть всё что угодно – первым почистить зубы, войти в комнату, сесть в машину), у меня возникает двойное чувство: с одной стороны это замечательно – есть амбиции, то есть, надеюсь, желание быть лучше, а с другой – конкуренция в одной семье и как-то грустно. Я-то пытаюсь объяснить им, что играть в команде интереснее – вдвоём вы сильнее.

Если брать коллег, то круг общения в основном, русскоязычный. Я не стремлюсь интегрироваться, у меня есть приятели-британцы, есть люди, которым я могу позвонить и посоветоваться, но не настолько близкие, чтобы идти вместе на пикник в парк Святого Джеймса. Да и я сейчас больше стараюсь проводить время с семьёй. А социальной жизни мне хватает на работе...».

Десять лет сотрудничества с НТВ не прошли для него даром – Евгений приобрёл громадный опыт работы в видеоиндустрии. Ему хотелось применять этот багаж знаний на деле. И в августе 2011 года он создал в Лондоне компанию видеопродакшн «Watch us».

Небольшой творческий коллектив под его началом снимал новости, интервью, документальные фильмы для российских телекомпаний-заказчиков, также работал с корпоративными клиентами, создавал проморолики для бизнеса.

Сам Евгений писал сценарии к документальному и художественному кино. Несмотря на тяжёлое заболевание, он продолжал много работать, у него было множество задумок. По словам коллег, Евгений всегда оставался открытым и жизнерадостным человеком, всегда стремился получить новые знания, много путешествовал.

«Знаете, я очень такой жадный до жизни, – подчёркивал Ксензенко. – Мне много чего хочется сделать, тем более я понимаю, что времени осталось крайне мало, особенно такого продуктивного.

Ещё у меня есть желание заработать миллиарды, чтобы построить бесплатные университеты, кинотеатры и учредить много разных грантов, которые люди смогут выиграть и отправиться учиться...

Если я соберусь делать кино – пусть это будет Голливуд, если строить университеты и кинотеатры – то однозначно Россия. Ведь я люблю нашу страну».

А 16 августа нынешнего года его супруга Екатерина сообщила в социальных сетях о том, что журналист Евгений Ксензенко умер в возрасте 44 лет. «Не стало самого близкого и любимого человека в мире – моего мужа Жени. Женя мирно скончался в кругу своей семьи и близких», – написала она...

Виктор Кунгурцев: «Дружба – это дело круглосуточное и круглогодичное...»

Виктор Кунгурцев родился 18 марта 1947 года в Новокузнецке. Здесь до 1964 года учился в средней школе. Рано женился, работал. Затем окончил литфак Новокузнецкого государственного педагогического института.

О студенческих годах Виктора мне рассказал его институтский однокашник и друг, ветеран кузбасской журналистики Михаил Гревнёв:

– Мы оба одновременно поступили в пединститут на литературный факультет. И познакомились с Виктором сразу же после первой лекции, которую прочитали нам, студентам первого курса, 1 сентября 1971 года. Он уже был к тому времени взрослым мужиком: старше меня на восемь лет. Мне было 18, а ему 26. Познакомились и сразу подружились, так как на литфаке парней училось мало – факультет по преимуществу женский. Вместе с нами учился ещё один мой хороший друг, известный журналист и редактор Женя Богданов. Ещё на факультете был сын известного поэта Михаила Небогатова Александр Небогатов, вспоминаю студентов Александра Розова, Марка Выдру, Валерия Черненкова – это те, кто тоже учился с Виктором...

Виктор поздно поступил в вуз по разным причинам. Главная из них, наверное, заключалась в том, что семья его родителей жила небогато, и он вынужден был рано начать работать.

Его отец трудился столяром-краснодеревщиком на мебельной фабрике, его золотые руки там ценили, поручали самые сложные задания. Жили они в самом центре Новокузнецка – за знаменитым рестораном «Москва» с гастрономом, что

на проспекте Энтузиастов. (Сейчас на месте гастронома находится отделение банка).

Отец Виктора был очень строгим родителем, отчего и сын не был шалопаем. Хотя и рос обыкновенным, свободным дворовым пацаном, при этом очень любознательным, любил читать. В классе выделялся лидерскими качествами.

После окончания школы он рано женился. Первую жену Кунгурцева звали Любой. «Она была комсомольским работником, – уточняет Михаил Михайлович, – инструктором райкома ВЛКСМ Орджоникидзевского района нашего города. Виктор влюбился в неё, они расписались. У неё уже был ребёнок, и Виктор его воспитывал, как своего».

Проживали молодые в том же, где и родители, Орджоникидзевском районе. Только у них была «двухэтажка» барачного типа, где и туалет на улице. Виктор вынужден был трудиться, чтобы поддерживать семью. Скажем, одно из мест его работы было в дальневосточном морском порту, здесь он стал портовым грузчиком.

Михаил Гревнёв с усмешкой вспоминает:

– Витя рассказывал, как после работы там они с мужиками садились обедать – обычно брали пару буханок хлеба и полведра икры... Для большинства из нас такое количество икры казалось нереальным, ведь жуткий дефицит был. А он говорил: «Мне эта икра так обрыдла, что я потом ни смотреть на неё, ни есть её не мог».

Взрослый студент Виктор Кунгурцев, несомненно, был умней вчерашних школьников-однокурсников. Он больше них знал о настоящей жизни. Они смотрели на него с уважением, отмечали его начитанность, занимательное общение, наблюдая, как быстро привязывались к нему люди.

– Мы познакомились с его самыми близкими друзьями, – говорит Михаил Михайлович. – Ребята умные, интересные. Мы иногда в беседах с ними – пальцы веером, мол, мы – литераторы! Но куда нам до них! Один из них Саша Буторин, работал на Запсибе, умница, у него была уникальная профессия. Другие – Саша Миролубов и Витя Швед – тоже умные ребята, они нас, как говорится, часто в спорах «обламывали». В студенчестве мы все вместе крепко дружили...

И преподаватели вуза, и студенты отмечали образованность и начитанность Виктора Кунгурцева, его любопытные размышления, глубокие, вдумчивые выступления на семинарах.

На литфаке был литературный театр, где ставили и играли эпизоды из разных пьес, мини-спектакли, например, к юбилеям Ф. Достоевского, И. Тургенева, были и пушкинские спектакли, и на темы Великой Отечественной войны. Кунгурцев вместе с другими активно участвовал в них.

«Он любил пошутить, – отмечает М. Гревнёв, – слыл юмористом».

После получения диплома о высшем образовании Виктор сразу пришёл в журналистику – начал трудиться в газете Новокузнецкого района «Сельская правда» (ныне «Сельские вести»). Здесь же, отслужив срочную службу в Советской Армии, оказался и Е. Богданов, часто заходил в редакцию М. Гревнёв

– Компания в редакции у нас была «улётная», – продолжает Михаил Гревнёв. – Кроме Вити там работал Саркис Арутюнян, красавец писанный, тоже выпускник нашего литфака. Сюда же пришёл чуть погодя Валера Немиров (впоследствии работал ответственным секретарём «Кузнецкого рабочего»), потом явился совсем молодой Вадик Речицкий (ныне редактор «Кузнецкого рабочего»), были Рита Стахович, конечно же, Женя Богданов (стал редактором газеты «Комсомолец Кузбасса» – «Кузнецкий край»). Руководила газетой незабвенная Анна Александровна Шибяева, – таких редакторов, как она, поискать...

– Такой компании, – считает Михаил Михайлович, – наверное, больше не будет. – После работы – раз в неделю – любили посидеть за столом, выпить, поговорить за жизнь. Без этого, пожалуй, не было бы у нас такой душевной атмосферы в редакции. Витя любил выпить. Это было у него до конца жизни... К слову, он очень боялся боли. Надо, допустим, зуб лечить, так перед тем, как идти к врачу, он стакан водки выпивал и в стоматологии ему знакомые эскулапы ещё наливали. Только так он мог справиться с зубной проблемой...

Известно, что после «Сельской правды» Виктор Кунгурцев совсем недолго поработал в институте «УралНИИСтромпроект». А в 1989 году принял предложение тогдашнего редактора «Кузнецкого рабочего» Анатолия Никифоровича Сосимовича, и перешёл в секретариат этой газеты.

В 1991-м в самой большой городской газете области началась смена поколений. К руководству редакции «Кузнецкого рабочего» пришёл молодой, энергичный, амбициозный Александр Белокуров. Ему многое хотелось улучшить и переделать в издании. Он-то и перетянул многие талантливые «перья» к себе в редакцию.

– Настало время, когда редактором «Кузнецкого рабочего» стал Александр Белокуров, – говорит Михаил Михайлович. – И перетащил почти всех ребят из «Сельской правды» в свою газету. Ох, и горевала же тогда Анна Александровна Шibaева! Но понимала, что они хотят расти дальше.

Вскоре Виктор Михайлович Кунгурцев стал у Белокурова замредактора. Перешли сюда и Немиров, Речицкий, Стахович – всем в «Кузнечике» нашлось место по душе. (Евгений Богданов, правда, уехал работать в Кемерово). Перья, конечно, были золотые. Городская газета, безусловно, поднялась с их приходом. Атмосфера была творческая, дружелюбная. Любил бывать у них в «Кузнецком рабочем» и сам Михаил Михайлович, который успел с 1990-го по 1999-й год потрудиться собкором газет «Комсомолец Кузбасса», «Наша газета», «Кузнецкий край», «порулить» редактором газеты «Губернские ведомости». В 2000-м году и сам перешёл в «Кузнецкий рабочий», став здесь заместителем редактора. Только Виктора Кунгурцева тогда уже не стало...

Но где бы ни работал Михаил, его дружба с Виктором продолжалась.

– Хороший человек, дружить с ним было очень интересно, – снова с грустью повторяет Гревнёв. – Он любил повторять присказку, что дружба – это дело круглосуточное и круглогодичное. К нему можно было в любое время дня или ночи приехать, и он тебя приголубит, накормит, напоит, обогреет, успокоит, спать положит. Вот такой он был душевный, настоящий друг.

Интересно, что в годы перестройки Витя какое-то время возглавлял городскую организацию Союза журналистов. Коллеги его выбрали, доверили. Может, как председатель он мало что делал, но при нём городская организация не развалилась, как у других, осталась жива.

И в редакции авторитет у него был высокий. Пусть сам Виктор писал не так много, но зато был отличным организатором, хорошим администратором, аккуратно и прилично редактировал публикации коллег, на что редакционный народ не обижался. Если надо, мог одёрнуть того, кто «замастерился», поставить на место. Он вроде бы добрый, однако, умел держать в узде некоторых особо ретивых, если потребуется, мог очень серьёзно поговорить с любым журналистом.

Произошли перемены у Виктора и в личной жизни. С Любой они не ладили, пришло время, разошлись. А он снова влюбился. Его вторая жена Дина была интересной женщиной. Она оставалась с ним уже до конца... Ведь он очень серьёзно заболел: одна из самых распространённых в Новокузнецке «болячек» не обошла его стороной. В середине 1990-х в России от неё не было лекарств.

– Очень хотелось ему помочь, – признаётся Михаил Михайлович. – Его друзья делали, что могли. В 1994 году мне повезло дважды побывать в Америке. Витя просил меня купить там лекарства. И я пошёл с переводчиком в местную аптеку. Тамошние фармацевты объяснили мне, что, прежде чем купить у них лекарство, больной должен пройти тщательное обследование и прийти в аптеку с рецептом американского врача. А просто так продать пилюли для Виктора они не могут. В свободном доступе там можно было купить только витамины, дезинфицирующие, перевязочные средства, а остальное – увы... Так что с лекарством не получилось. А на следующий год Витя умер...

Это случилось 23 июля 1995 года. Новокузнецкие журналисты прощались с ним в Доме творческих союзов. Было очень много народа, ведь Виктор оставил о себе добрую память.

– Он и в моей судьбе оставил большой след, – оживляется Михаил Гревнёв. – Например, в апреле 1974 года Виктор был на моей свадьбе, поздравлял нас с Таней с нашим браком. Он был у нас одним из самых главных гостей. До сих пор храню фото, где он танцует с моей Татьяной. Он украшал любую компанию, с ним сразу становилось интересно, весело, юморно, легко...

Нынешний главный редактор «Кузнецкого рабочего» Вадим Речицкий в статье «Хорошо бы говорить только о хорошем, или «Свет мой, зеркальце, скажи» («КР», 30 марта 2010 г.) отмечает:

«Не скрою, я горжусь тем, что работаю в «Кузнецком рабочем» последние двадцать лет. Мне повезло, что учился у блестящих, без преувеличения, журналистов. Ушедших и здравствующих. Вот лишь несколько фамилий: Анатолий Никифорович Сосимович, Лариса Павловна Савицкая, Виктор Михайлович Кунгурцев, Сергей Георгиевич Чугурян, Татьяна Валентиновна Кислицына, Валентина Петровна Мелешкина, Валентина Егоровна Белобородова.

...Я назвал только наших ведущих журналистов, которые не «потерялись» бы в любом российском издании. ...Все сотрудники «КР» каждый день решали и решают одну задачу – сделать всё, чтобы газета была полезной и интересной, нужной каждому из десятков тысяч наших читателей».

Да, Виктор Михайлович был настоящим профессионалом в журналистике. К сожалению, жизнь его завершилась рано. Он умер в возрасте 48-ми лет. Похоронен в Новокузнецке.

Рассказ о том, как Юрий Иванович Командиров стал первым телеоператором в истории телевидения Кузбасса

Юрий Командиров родился 27 февраля 1932 года в Кемерове. В 1949 году окончил кемеровскую среднюю школу № 17. С детства увлекался радио. Когда подрос и учился в старших классах, сам смастерил радиоприёмник. Помогал ему в этом массовый ежемесячный научно-технический журнал «Радио», посвящённый радиолюбительству.

Парнишка внимательно разбирал журнальные статьи, в которых публиковались обучающие циклы для начинающих, начинал с основ радиопередачи и приёма, сумел-таки построить сетевой ламповый супергетеродинный вещательный приёмник, принимающий длинные и средние волны...

Самодельное радиооборудование в СССР не очень-то приветствовалось. Хорошо, что в конце 1940-х годов увлечение привело его однажды в Кемеровский радиоклуб, первым начальником которого был Евгений Тимофеевич Романенко.

Как и все подобные организации в стране, радиоклуб в столице Кузбасса в послевоенные годы, в основном, предназначался для централизованной подготовки допризывной молодёжи к военной специальности. Здесь одновременно действовала любительская коллективная радиостанция, ставшая областным центром развития радиолюбительства. Это-то и привлекло Юрия Командирова.

Он любил часто бывать в одноэтажном доме барачного типа, где радиоклуб размещался в те годы. Половину здания занимали любители радио, в другой находился областной комитет ДОСАРМ – Всесоюзное добровольное общество

содействия армии СССР (позднее переименованное в ДОСААФ, ныне – РОСТО). На коллективной радиостанции стояли передатчик и приёмник с электропитанием от громко гудящих преобразователей тока. Первым начальником радиостанции был Степан Карпович Кротиков.

В Кемерове тех лет уже насчитывалось немало радиолюбителей-коротковолновиков. Одновременно они чувствовали себя конструкторами. Ведь всю аппаратуру для работы в эфире, как правило, приходилось делать своими руками. В клубе такие же, как и Юра, влюблённые в радио, парни паяли узлы и панели будущих приёмопередатчиков, обменивались информацией о новинках радиотехники, спорили, учились передачам на языке азбуки Морзе.

Центральный радиоклуб в Москве, которому подчинялось кемеровское подразделение, регулярно проводил всесоюзные радиовыставки работ радиолюбителей. Подобные областные выставки проводил и Кузбасс. В них участвовал Юрий Командиров. Также с одобрения клуба он, как официальный радиолюбитель, регулярно выходил в эфир на коротких волнах. Для этого ему присвоили позывной – UA9UN. Активно участвовал он и в соревнованиях по скоростной радиотелеграфии и другим видам. И пусть соревнования в радиоспорте не очень зрелищны, но на них царил настоящий спортивный дух, разворачивалась бескомпромиссная спортивная борьба. В ходе состязаний Юрий Иванович методично, шаг за шагом выполнял нормативы, за которые ему присваивали очередной спортивный разряд – от юношеского до взрослого.

Сейчас бы его позывной назвали «ником», который человек использует в интернете, с той лишь разницей, что позывной радиолюбителя фиксируется законодательно, – это своего рода допуск к работе в эфире, и никому другому использовать данный позывной не разрешается. Коротковолновики из разных стран, которые принимают сигнал, посылаемый радиолюбителями из нашей страны, запоминают позывные друг друга. Иначе и нельзя: радиолюбителей – тысячи, а повторяющихся позывных – нет. Каждый уникален.

Юрий Иванович не раз отмечал, что очень этим гордится. Ведь по позывному получившие его сигналы в других государствах легко угадывали не только то, что он из СССР, но и знали, что Командиров выходит в эфир с территории Сибири. И что он уже не новичок в своём деле, а лицензированный специалист.

После окончания школы Юра немного поработал в артели, которая занималась ремонтом радиоприёмников и другой аппаратуры. Потом молодого головастого парнишку пригласили звукооператором в областной радиокомитет – он успел потрудиться и там, помогал журналистам ОблРадио делать передачи.

Тогда на областном радио только-только появился первый настоящий отечественный магнитофон. Огромный, неуклюжий с позиций сегодняшнего дня, он казался тогда «верхом» советского радиостроения. Бывший радиожурналист и главный режиссёр Кемеровской студии телевидения Фёдор Мефодиевич Ягунов вспоминал:

«Позиции в радиовещании уверенно завоёвывал магнитофон. Первый такой аппарат, появившийся на Кемеровском радио, произвёл настоящий фурор. Один из первых звукооператоров радио Юрий Командиров рассказывал мне, что они танцевали от радости, когда, записав на этот «МАГ-29 А» звуки рояля, услышали, что и в записи инструмент звучит точно так же, безо всякой детонации...».

С появлением магнитофона закончилась эпоха «живого» радио. Всё большее число передач стали выдавать в эфир в записи. С появлением магнитофона стало возможным привлекать в передачи разных интересных собеседников. Всякие оговорки, которые считались недопустимыми в радиовещании, теперь звукооператор Командиров легко вырезал из записи при монтаже.

У самого Юрия Ивановича есть история, связанная с внедрением на ОблРадио этой техники:

«Во время моей работы звукооператором на областном радио получили мы один единственный магнитофон «МАГ-29 А». На нём и записывали интервью, беседы, передачи монтировали. Я его быстро освоил, научился монтировать любое интервью, делая склейки в нужном месте. Однажды, монтируя одну передачу, посчитал, что сделал на нём за смену более трёхсот склеек!

Как-то заходит ко мне в аппаратную председатель Кемеровского областного радиокомитета Владимир Александрович Москалёв и говорит:

– Нам разнарядка поступила – надо выступить в коллективе «Кузбассэнерго» с лекцией о новинках радиотехники. Готовься...

– Какую лекцию?! – переспрашиваю ошарашенно. – Я же не умею выступать!

А сам думаю: какая лекция?! Как я, 17-летний пацан, буду стоять перед целым залом взрослых людей?! Нет, не смогу!

– Ничего, – успокаивает председатель. – Покажешь и расскажешь им, как наш магнитофон работает. Всё равно лучше тебя никто эту технику не знает. Надо, Юрий!

Ладно, надо так надо. Выехали туда, выставили на сцену в большом зале наш магнитофон. Вышел я к трибуне, начал рассказывать. Зал вроде бы слушает, а две девушки в первом ряду – всё хи-хи да ха-ха... Вижу, как подтрунивают они надо мной. Я хотел было возмутиться, но потом твёрдо взял себя в руки и продолжил лекцию. Как можно интереснее выложил аудитории всё, что знаю про радио и новую технику, да так, что и эти девчонки замолчали. А когда закончил выступать, народ завалил меня вопросами – уточняли, как «оно» работает, как идёт запись звука и так далее. Мою первую в жизни лекцию оценили хорошо...».

От постоянной возни с мелкими радиодетальями у Юрия развилась небольшая близорукость, офтальмолог порекомендовал носить очки. И Юра выбрал необычную оправу очков с круглыми линзами, напоминающие пенсне. Он где-то услышал, что такие носили преимущественно представители умственного труда: писатели, врачи, учителя. Очки, похожие на колёса, придавали симпатичному лицу юноши солидности и даже некой таинственности...

Когда наступил срок, молодого Командирова призвали на службу в армию. Известно, что и там емугодились знания радиодела. После демобилизации он вновь вернулся в Кемерово, продолжал заниматься в местном ДОСААФе, участвовать в соревнованиях радиолюбителей. Более того, в ДОСААФе его назначили начальником радиостанции. Не секрет, что признанный в Кузбассе радиолюбитель и конструктор Ю. И. Командиров сумел создать более 10 оригинальных радиостанций.

Недаром же про таких башковитых говорят: с рождения инженер-любитель.

В первой половине 1950-х в стране активно развивалось телевидение, началось строительство региональных телестудий. Осенью 1955 года Совет Министров СССР принял постановление о строительстве телевизионных центров сразу в 27 городах Советского Союза. В этом списке оказалась и столица Кузбасса.

И зимой 1956-го в Кемерове приступили к сооружению телецентра. Информацию о ходе строительства часто публиковали в областной газете «Кузбасс», передавали по радио. «На строительной площадке Кемеровского телевизионного центра непрерывно ведутся работы, – писала в том году газета. – Уже огорожена территория. На широком дворе заложен фундамент телестудии. Отсюда будут

вестись передачи. А рядом строители ведут кладку стен ультракоротковолновой станции. Заканчивается возведение первого этажа. К концу нынешнего года должна быть закончена первая очередь работ и начат монтаж аппаратуры...».

Эти заметки о грандиозной стройке Юрий Иванович часто обсуждал с коллегами по ДОСААФу, где он продолжал работать и участвовать в соревнованиях радиоспортсменов. Да так успешно, что в 1957 году ему присвоили звание мастера спорта СССР по радиосвязи.

Зарождающееся в Кузбассе телевидение всё сильнее будоражило острый ум парня. Ему хотелось узнать поближе, что это такое, не терпелось именно там применить свои силы и знания.

В апреле 1957-го областные СМИ сообщили, что Кемеровский радиотелецентр наконец-то создан, что в новый коллектив понемногу набирают специалистов. Узнав об этом, Юрий Командиров потерял не только покой, но и сон, так хотелось попасть туда.

В январе 1958 года образовался Комитет по радиовещанию и телевидению при Кемеровском облисполкоме. События начали меняться едва ли не с калейдоскопической скоростью. Юрий услышал, как по радио сказали, что председателем Комитета по РВ и ТВ назначен Пётр Михайлович Попов, которому поручено в декадный срок представить на утверждение структуру и штаты аппарата, что вот-вот будет организована студия телевидения...

А там – телевидение начнёт работать. Командиров не раз вздыхал при мысли: если он не устроится туда, значит, жизнь не удалась...

И тут произошло настоящее чудо! Впрочем, дадим слово самому Юрию Ивановичу: «К началу марта 1958 года я работал в ДОСААФе начальником радиостанции. И вдруг подзывают меня однажды к телефону – это звонил сам директор Кемеровской студии телевидения (сегодня это – ГТРК «Кузбасс») Павел Данилович Лазько. А я как раз незадолго до этого получил звание мастера спорта СССР по радиосвязи. Откуда-то они там об этом узнали и их это заинтересовало.

– Ты – мастер спорта по радио? – спрашивает он.

– Да, – отвечаю. – А что?

– Хочу пригласить: переходи к нам, будешь на телевидении работать.

– Это где? – уточняю – Куда приходиться?

– На телецентр...

– Я там на экскурсии не был, не найду, – а у самого аж дыхание остановилось от радости.

– Найдёшь, – успокаивает Лазько. – Завтра и приходи.

Добраться до телецентра, который тогда стоял на отшибе от основных магистралей города, было непросто. Надо преодолеть несколько километров по заснеженному полю. Но разве это препятствие для 26-летнего крепкого парня?! В общем, пришёл я к ним, нашёл кабинет Павла Даниловича.

– Нам нужен телеоператор, – не раздумывая сказал он. – Мы тебя берём на эту должность.

Я растерялся, конечно, и ему в ответ:

– А что это такое? Я же не знаю...

А он улыбается:

– Да мы и сами толком не знаем. Такой специальности в нашей области пока ещё не было. Хотя, думаю, телеоператор – это человек, который обладает хорошей реакцией. А коль ты мастер спорта, у тебя хорошая реакция есть. А всему

остальному научишься. Понимаю, что опыта у тебя нет, но он к тебе придёт в процессе работы. Мы про тебя навели все справки...».

– Кинокамерой пользоваться умеешь? – спросили у него в другом кабинете КСТ.

Ему пару раз попадала в руки эта техника – он её разглядел и даже опробовал.

– Умею, – ответил Командиров. – Что там особенного?

– А телевизионную камеру видел?

– Нет, – честно признался он. – Но, если покажете, освою.

Ему показали и телекамеру, и другую телевизионную технику. Им остались довольны. И уже 13 марта 1958 года Юрий Иванович Командиров был зачислен на должность старшего оператора Кемеровской студии телевидения. Так он стал самым первым телеоператором в Кемеровской области.

Председатель областного Комитета по РВ и ТВ П. М. Попов, подписавший приказ о его назначении, сказал ему: «Задача нашей телестудии – это подготовка и трансляция собственных передач. Так что прошу относиться к делу серьёзно». Впрочем, более серьёзного сотрудника, чем Командиров, надо было ещё поискать!

Кстати, он устроился на КСТ даже раньше, чем знаменитые красавицы-телеведущие Татьяна Болотникова и Галина Скударнова. Пусть всего на несколько дней, но раньше!

Все, кто в то время уже работал на КСТ, знали, что получена разрядка – через несколько недель начать регулярное вещание в эфире. А ведь ещё столько всего предстояло сделать, столько незнакомой техники освоить...

Юрий Командиров буквально пропадал на студии, домой приезжал только поесть и поспать. Учиться ездили в Томск, благо, это недалеко. Побывали там наши кемеровские режиссёры, редакторы, звукорежиссёры, ведущие, операторы. Съездил к томичам и Командиров. Там было чему поучиться.

К тому времени жителей Томска телевидением уже не удивить: здесь его начали смотреть на несколько лет раньше, чем в Кузбассе. Ещё в конце 1952-го энтузиасты из Томского политехнического института организовали первый публичный сеанс телевещания. Томск стал вторым в СССР (после Харькова), где появился свой «любительский» телецентр. А профессиональный телевизионный передающий центр заработал здесь весной 1955 года. Томск стал первым в Сибири и пятым в СССР (после Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова), где организовали полноценную телестудию, в ней производили и отсюда транслировали местные программы.

Бывший главный режиссёр КСТ Ф. М. Ягунов вспоминал, как «наши» возвратились из Томска восхищённые, полные решимости учиться и работать:

«Миша Фирсов, звукорежиссёр, говорил мне:

– Ты не представляешь, как это интересно! Они не только используют в своих передачах фото и кадры из документальных и художественных фильмов, они сами снимают кино!»

Именно в Томске Юрию Ивановичу показали телекамеру в работе, здесь он впервые по-настоящему примерился к ней. Это были телекамеры системы КТ или «кэтэшки», как называли их операторы. Одна такая вместе со штативом весила не меньше полутора центнеров, хорошо, что стояла и передвигалась по студии на колёсиках.

Как известно, первая передача Кемеровского телевидения вышла в эфир 22 апреля 1958 года. Она началась ровно в 20 часов по местному времени. К этому дню стаж работы Командирова на телевидении насчитывал «целых» полтора месяца!

Первый эфир состоял из трёх частей: из объявления диктора Татьяны Болотниковой (тогда ещё Андриюшиной) о начале пробного вещания КСТ, из показа художественного фильма «Семья Ульяновых» (ведь в этот день страна отмечала день рождения В. И. Ленина), а также из объявления о закрытии первой программы КСТ – это уже сделала диктор Галина Скударнова (тогда ещё Шевелёва).

Конечно, по нынешним меркам, можно пессимистично заметить: и всего-то! Но мы помним, что это была первая в истории Кузбасса телепередача. И трудилась над этим скромным выпуском целая куча специалистов. Среди них режиссёр Л. Швидко, звукорежиссёр М. Фирсов, киномеханик В. Воронов, старший инженер АСБ И. Овсейчук, техники – выпускницы Ивановского индустриального техникума, прибывшие в Кемерово по распределению: Т. Антонова, Г. Калашникова, И. Малькова, Н. Морозова, Г. Павлова, Н. Патрина, М. Солнцева, Н. Яковлева, а также техники УКВ В. Кириллов, Р. Панибратова, А. Прокашенко. За телекамерой стоял Юрий Командиров, его подстраховывал второй телеоператор Вадим Литвинов.

Поскольку строительство Кемеровского телецентра тогда ещё продолжалось, первая передача транслировалась под контролем монтажников Ленинградского управления связи и специалистов из Москвы.

Юрий Иванович позднее вспоминал:

«Мне кажется, волновались даже телезрители. Ведь никогда ещё не только что купленных ими телевизорах не было подвижного изображения, и они с нетерпением его ждали. Казалось, спокойными были только настройщики из Москвы. И вот на камере зажглась красная лампочка: «Передача». В кадре Татьяна Андриюшина:

– Здравствуйте, товарищи! Начинаем пробные передачи Кемеровской студии телевидения. Смотрите художественный фильм «Семья Ульяновых». Леонид Андреевич Швидко нажимает кнопку. В аппаратной по другую сторону коридора заработал кинопроектор. Режиссёр передвигает на пульте ручку микшера, и – кинофильм в эфире...».

Вроде и работы в тот вечер телеоператору выпало не много, а рубашка после передачи у него была мокрой от пота.

Опыт к Командирову приходил быстро, ведь программы КСТ уже не остановить. В течение первого полугодия они выходили в эфир три раза в неделю. В остальные дни с утра и до глубокой ночи продолжалось отлаживание оборудования. Велось обучение персонала – технического и творческого.

Интересный факт: официально высшего образования у Юрия Ивановича не было. Как-то не случилось. Но соображал он в теле- и радиотехнике не хуже любого дипломированного инженера, а иногда и лучше. Впрочем, он не отказывался учиться. Например, две недели в сентябре 1958-го провёл в Москве – на курсах при Госкомитете СССР по радиовещанию и телевидению.

Самой большой проблемой нарождающегося коллектива КСТ было то, что телевизионный эфир требовал всё новых материалов. Крутись, как хочешь, только в нужное время покажи телезрителю новую программу. Мультимедиа и художественный фильм – это само собой, но нужен же и местный контент или по-русски – содержимое. Начали делать регулярные выпуски новостей. Но зрителю этого мало. А готовых телепрограмм тогда взять было негде. Это сегодня телекомпании заказывают готовые передачи производителям телепрограмм и платят им деньги, последние снимают для заказчиков целые циклы программ, а телекомпания выпускает их в эфир.

Тогда же таких услуг попросту не было, всё надо делать самим. И вот на КСТ придумали: договоримся, дескать, с театрами и будем показывать в прямом эфире телеспектакли. Мысль была здравой. И вскоре дело пошло.

Первый телеспектакль кузбасские зрители увидели 24 сентября 1958 года: в прямом эфире КСТ из малой студии показали постановку Центрального театра транспорта «Молодой человек». Показ режиссировал Л. Швидко. Показывали спектакль двумя телекамерами, за которыми стояли В. Литвинов и наш герой – Ю. Командиров.

Между прочим, при трансляции этого спектакля Юрий отличился в первый раз. Фёдор Мефодиевич Ягунов написал об этом случае в своих воспоминаниях:

«Чтобы было понятно, в чём тут заслуга оператора, коротко расскажу о технике, на которой работали первопроходцы. Произошло это спустя всего пять месяцев после первой пробной передачи. Действовала пока только малая студия площадью всего в 60 квадратных метров. Чтобы расположить здесь хотя бы элементы декораций, развести действующих лиц на площадке шесть на пять метров (другую половину площади павильона занимала техника – камеры, микрофоны, прожекторы, кабели), требовалась незаурядная изобретательность всей съёмочной группы (об этом в вышедшем потом приказе руководства КСТ сказано: «Старший режиссёр Л. Швидко проявил усердие»).

Спектакль показывался в прямом эфире, показ сценического действия шёл так: режиссёр поочередно включал одну из камер. И вот представьте: посередине спектакля одна камера выходит из строя, отключается. Остановиться нельзя: прямой эфир! И оператор действующей камеры (а это Юрий Командиров) не прерывает спектакля, продолжает показывать его методом так называемого внутрикадрового монтажа.

Теперь я должен сказать о третьей сложности. Старые камеры не имели трансфокаторов и объективов, позволяющих, не прерывая съёмки, изменять масштаб изображения – показывать его то крупным, то общим планом. «Крупность» тогда менялась только наездом-отъездом самой камеры, которая стояла на колёсиках. А вес камеры и штатива был 160 килограммов, раз в десять тяжелее нынешних. Теперь, я думаю, читатель может представить себе положение, в котором оказался и с которым блестяще справился оператор Командиров. Телезрители ничего не заметили».

Первая благодарность телеоператору Юрию Командирову в приказе по КСТ была объявлена 26 сентября 1958 года – за то, что спас от провала показ в эфире спектакля столичного театра.

Надо отметить, что телезрители высоко оценили театральную новинку коллектива КСТ. К концу 1950-х годов в Кемерово уже сформировалась определённая театральная культура. Спектакли в театрах столицы Кузбасса ставили хорошие режиссёры, качество их работы не вызывало сомнений. Зато с помощью телевидения количество любителей театра увеличивалось кратно.

В 1950-х – 1960-х телеспектакли на КСТ стали выходить в эфир регулярно. В показе большинства принимал участие Ю. И. Командиров. Достаточно вспомнить некоторые из них – самые запоминающиеся.

Так, по кузбасскому телевидению показали оперный спектакль на музыку Д. Верди «Травиата», при этом фонограмма к постановке, использованная в эфире, была записана в Москве. Запомнился телеспектакль «Комендант Пушкин» по рассказу Б. Лавренёва, который тоже прошёл в эфире КСТ. Ещё одна наиболее интересная телепостановка этого периода – «Гранатовый браслет» по повести А. Куприна – для зрителей областного телевидения она была поставлена главным режиссёром

Кемеровского областного театра драмы имени А. Луначарского, заслуженным артистом РСФСР А. Волгиным и телевизионным режиссёром В. Руденским. Вышел в эфир и спектакль «Горное гнездо» по роману Д. Мамина-Сибиряка...

Этот список можно продолжать. На всех этих постановках за камерой стоял Юрий Командиров. В одном из интервью Юрий Иванович отметил, что производство телеспектаклей значительно улучшилось, когда студия получила первую передвижную телевизионную станцию, представляющую собой три телекамеры и комплекс оборудования, необходимого для производства и трансляции телепередач, установленный в специальном автобусе ЗИЛ-158.

ПТС-3 пришла с завода из Ленинграда в Кемерово в марте 1959-го, в связи с этим на студии создали цех ПТС. Эта техника позволила вести прямые трансляции уже не только из студии, но и непосредственно с места того или иного события.

С помощью передвижной телестанции 17 марта 1959 года провели первую трансляцию из Дворца культуры «Ново-Кемеровского химкомбината» – показали спектакль «Дикари» по пьесе С. Михалкова. Потом оттуда же выдали в эфир концерт певицы Эдиты Пьехи.

Однако гладко было не всегда. Следующим для показа в прямом эфире с помощью ПТС наметили спектакль «Орлиная степь» по роману советского писателя М. Бубённова, посвящённому покорителям целинных земель. Но во время трансляции не всё пошло по плану, – вспоминал Юрий Иванович.

Декорации спектакля установили в двух местах: в большой студии телевидения и на пустыре рядом с территорией телецентра, где позже появилось здание телефонной станции. На пустыре построили бутафорский городок целинников, железнодорожный вокзал и даже выкопали озеро.

– Видеозаписи тогда всё ещё не было, – напомнил Командиров, – всё надо было показывать «живьём», без дублей и остановок.

Репетиции на сцене драмтеатра и на натуре прошли успешно. Две из трёх камер ПТС сделали подвижными: одну поставили на машину ГАЗ-69, другую – на электрокар. Третья стояла на возвышении, откуда снимала общий план, пейзажи правого берега Томи.

– Грунт на пустыре был мягкий и электрокар буксовал. Эту проблему решили так: начальник декорационно-постановочного цеха КСТ Степан Черных приказал насыпать и утрамбовать для электрокара твёрдую дорожку, по которой он и должен был ездить, – уточнил рассказчик. – Однако во время репетиции электрокаром управлял один водитель, а на показ спектакля почему-то прислали другого.

Спектакль в прямом эфире уже близился к концу, когда водитель электрокара неожиданно отклонился от заданной линии и... перерезал колёсами силовой кабель. Бац! И «картинка» из эфира исчезла:

– Все растерялись. Но только на секунду-две. Быстро сообразили и срочно выдали в эфир табличку «Антракт». Он продлился 20 минут, за это время устранили неполадку, заменили кабели. «Довели» спектакль до конца. Когда я вечером в этот день пришёл домой, мне родные говорят: «Такой спектакль у вас сегодня хороший был, только вот антракт сильно уж длинный...».

Использовали возможности передвижной телестанции и для других важных целей, применяли в интересах региона. Скажем, в 1960 году для широкого показа симпозиума нейрохирургов в Прокопьевске была использована ПТС Кемеровской студии. Этот форум медиков, собравшихся со всей страны, проходил на базе крупнейшей в Советском Союзе Прокопьевской травматологической больницы. Но само учреждение, его операционные залы не рассчитаны на большую аудиторию, – отмечал бывший главный режиссёр Кемеровского телевидения Ф. М. Ягунов. –

Выход был найден. В Прокопьевск прибыл автобус ПТС. Вокруг операционного стола установили телевизионные камеры. В течение шести дней по многу часов подряд операторы Ю. Командиров, В. Фролов и В. Литвинов простаивали возле камер, ловя малейшее движение рук хирурга. А этажом ниже, в демонстрационном зале, у экранов телевизоров сидели врачи-нейрохирурги из Свердловска и Южно-Сахалинска, Владивостока и Новосибирска, Кузбасса и Якутии. То, что почти невозможно увидеть в операционной, стало возможным благодаря телевидению. Передвижная станция, которую обслуживали В. Шишкин, М. Добродомов и Г. Туркот, работала в этих необычных условиях безотказно...».

При всём при том главной программой Кемеровского телевидения с самых первых дней всё-таки считались новости. Первая новостная программа КСТ называлась «Неделя Кузбасса». Эта еженедельная информационная программа начала регулярно выходить в эфир с субботы 31 мая 1958 года. И вели её в те времена не журналисты-ведущие, как сейчас, а дикторы. Зрители видели только их, про авторов текстов и сюжетов ничего не знали. С 1960 года новости стали выходить два раза в неделю, а потом – ежедневно. Новостная программа часто меняла своё название: «Последние известия», «Теленовости», «Новости Кузбасса», «День за днём» и так далее – до нынешней «Вести-Кузбасс».

На новости с первых же передач работали практически все сотрудники КСТ, включая телеоператоров. Конечно, и Юрию Командирову приходилось время от времени брать в руки кинокамеру и ехать с кем-нибудь из журналистов Кемеровской телестудии в командировку, чтобы снять сюжет для новостей. С этими заданиями Юрий Иванович всегда справлялся на «отлично», ни разу не подвёл коллег-репортёров. Более того, репортёры – они же редакторы – нередко всецело полагались на опыт и мастерство этого оператора. Хотя иногда приходилось работать в самых непростых ситуациях. Одна из них однажды возникла в угольном Прокопьевске:

– Поехали мы однажды с редактором Михаилом Ялиным на съёмки сюжета в Прокопьевск, – вновь возвращался к прошлому Юрий Иванович. – Здесь на шахте имени Сталина (ныне закрытая шахта «Коксовая») ударно работала бригада забойщиков. Фамилию бригадира я уже запомнил. А перед отъездом встречается нам корреспондент газеты «Кузбасс» Костюченко:

– Куда поехали, парни?

– В Прокопьевск, – отвечаем.

– Что снимать будете?

– Передового бригадира на шахте имени Сталина...

– Как же вы его снимать будете? – смеётся Костюченко. – Он же неграмотный, ни одного класса образования у него нет. Работать ударно умеет, а вот связать вместе два слова не может. Поэтому ничего у вас не получится...

Я ему отвечаю:

– А ты не волнуйся, мы его запишем как надо!

Приехали мы на место. Я снял шахту, горняков. Дошла очередь до интервью с бригадиром, только ничего не получается. Парень молодой, волнуется. Оказалось, в самом деле, не может он слова в предложение связать. Что делать? И тут я вспомнил, что, когда работал звукорежиссёром на радио, иногда такие же случаи бывали. Тогда журналисты писали для передовика текст, а если тот и читать толком не умел, журналист озвучивал одну фразу из текста – передовик её повторял, потом так же вторую, третью. И так до конца. Магнитофон записывал и того, и другого. А я потом на монтаже звук с голосом журналиста убирал, в итоге выступление передовика звучало неплохо.

Так мы с Ялиным и сделали. Миша для бригадира слова написал в своём блокноте. Вот Ялин фразу прочитает, бригадир её повторит, Миша произносит новое предложение, тот снова повторяет, а я без остановки снимаю и того, и другого. Бригадир у меня в кадре, а Миша – за кадром. Вся надежда на то, что, приехав на студию, я вырежу слова Ялина, смонтирую плёнку так, что останется только речь шахтёра.

Я потом целую смену провозился с этой записью. На следующий вечер по телевидению прошёл наш сюжет. Нас с Михаилом за него даже похвалили.

На другой день с утра звонит Костюченко:

– Как вы это сделали?

– Вот так! С помощью монтажа!

– Ну, вы даёте! – восхитился он.

Телевидение в Кузбассе не стояло на месте, развивалось и творчески, и технически. В 1961-м на КСТ поступило первое оборудование оптической записи звука на 35-мм киноплёнку. До этого видео снимали отдельно, а звук отдельно, потом всё сводили вместе. Новинка же позволяла сразу совместить этот процесс.

Оборудование пришло в разобранном виде. Кто будет налаживать его? Собрали бригаду из самых «головастых». В неё вошли кинооператор Владимир Каменев, звукооператор Виктор Шамов и, несомненно, наш Юрий Командиров. С заданием они справились успешно. И после того, как новшество было освоено, на КСТ началась «эра» производства киноочерков, которые снискали славу многим талантливым авторам большой многолетней серии этих произведений. На КСТ с 1960-х по 1980-е годы выпустили десятки кино- и телеочерков. А самым первым киноочерком Кемеровской студии ТВ, снятым в том же 1961 году, стал фильм «Песня о Междуреченске» режиссёра Ф. Ягунова, сценариста В. Болотникова, оператора Э. Благодрава.

Учитывая же способности Ю. Командирова и его увлечённость решением самых разных технических проблем, его всё чаще стали использовать именно в этом направлении. Повторюсь, телевизионный процесс в Кузбассе продолжал с каждым годом развиваться, появлялись всё новые технологии, новая техника – всё требовалось смонтировать, ввести в эксплуатацию. Поэтому инженерные дарования Юрия Ивановича часто были востребованы. Всех мелких задач, которые он помогал решить, не перечислить. Остановлюсь на одной – большой и серьёзной.

В 1967 году студия получила первые видеоманитофоны КМЗИ-6, «приехали» они из Новосибирска. Там с ними не смогли управиться, не хватило у местных специалистов ума, чтобы запустить их в эксплуатацию.

Юрий Иванович припомнил, как в однажды к ним в аппаратную пришёл Юлиан Аронович Вишневский, который в 1967-м занимал должность главного редактора политического вещания Кемеровской студии телевидения:

«Ну что, ребята, – говорит, – будем видеозапись внедрять?»

– Какую видеозапись? – удивились мы. – Под неё же нет никакого оборудования...

А он:

– Новосибирск предлагает нам два аппарата видеозаписи. Они с ними совладать не могут, поэтому у них эти магнитофоны считаются неработающими. Предлагают нам передать, может, мы их запустим в дело...».

Ребят не надо было долго уговаривать: вставить новосибирским специалистам «фитиль» считалось для кемеровчан особым успехом. Вновь обратимся к воспоминаниям Фёдора Мефодиевича Ягунова:

«Новосибирская студия телевидения считалась базовой и снабжалась лучше других сибирских студий. Она первой получила два видеомэгнитофона марки КМЗИ-6, но запустить их так и не смогла. Заказала себе более совершенные аппараты, а эти предложила нам. Привезли видеомэгнитофоны, от которых отказались новосибирцы, в Кемерово. Специалистов по видеозаписи у нас, естественно, не было. Заниматься этим было поручено телеоператорам-умельцам Юрию Командирову и Герману Рязанову и механику точной аппаратуры Алексею Позднякову. Вес каждого аппарата 430 килограммов и по четыре стойки к ним. Кое-как перевезли мы подарок к себе в Кемерово. Колдовали над «видиками» наши спецы дни и ночи. И запустили их в работу! Освоение видеозаписи стало очередным прорывом...».

А вот что добавил Юрий Иванович:

«В инструкции к этим аппаратам КМЗИ-6 была допущена ошибка: запятую забыли поставить. Новосибирцы-то действовали по инструкции: давали напряжение на стабилизатор через сопротивление 47 килоом, а надо было – всего 4,7 (четыре целых и семь десятых). Мы эту ошибку выявили и исправили, когда съездили в командировку на завод-изготовитель, неделю провели там, поставили бутылки кому надо. И дело пошло. Новосибирцы удивлялись: как так, вы же ничего не знали и не умели, а у вас получилось?!

Первую видеозапись – демонстрацию трудящихся в честь 50-й годовщины Октября – мы выдали в 1967 году. После этого раздаётся звонок из здания с площади Советов: «Молодцы!» Долго потом мы на этой технике работали, даже собственные фильмы с её помощью озвучивали».

Эти видеомэгнитофоны проработали почти пять лет и были заменены на более совершенные. Видеозапись значительно расширила возможности телевидения. Уже не надо было показывать всё только в прямом эфире. Также можно было создавать архив, накапливать записи, сохранять для истории, повторно использовать их в эфире – целиком либо частично, в монтаже.

В 1968 году руководство КСТ решило создать участок видеозаписи, старшим инженером которого был назначен Ю. И. Командиров. В следующем году его на этом посту сменил Г. А. Рязанов. А произошло это потому, что Юрия Ивановича поставили начальником цеха телевидения.

Сказать, что это один из основных цехов КСТ, значит, не сказать почти ничего. Судите сами: именно это подразделение обеспечивало производство всех телевизионных программ и работу оборудования в аппаратно-студийном блоке № 1 (АСБ-1), который состоит из технической, режиссёрской и центральной аппаратных и павильона площадью 300 квадратных метров; гарантировало работу АСБ-2, состоящего из таких же аппаратных, что и АСБ-1, только павильон здесь поменьше – площадью 60 квадратных метров.

Добавьте сюда телекинопроекторную аппаратную, центральную аппаратную, набитую до отказа техникой, с помощью которой передачи выходят в эфир. Приплюсуйте ещё звукоцех с комплексом помещений, в которых располагались: аппаратная озвучивания кинопроизводства, фонотека, аппаратная монтажа звуковых фонограмм, где работали звукорежиссёры и ассистенты звукорежиссёров.

Вот какое большое и сложное хозяйство и десятки специалистов оказались под началом Юрия Ивановича. И всё это должно было исправно действовать изо дня в день, чтобы радовать новыми передачами нас – кузбасских телезрителей. И, к чести нашего героя, всё это работало без перебоев, почти без авралов (хотя кто же

от них застрахован!). Только при всех авралах наши телевизоры никогда не гасли, как – вспомните – при трансляции телеспектакля «Орлиная степь»...

Если бы кому-то посчастливилось заглянуть в должностную инструкцию руководителя телевизионных инженерных служб Ю. И. Командирова, такой счастливчик ощутил бы колоссальное бремя обязанностей, которое лежало на нём. Он – «обеспечивает надёжную и качественную работу технических средств телевидения согласно правил и инструкций...»; «осуществляет техническое обслуживание и ремонт аппаратуры и оборудования...»; «обеспечивает высококачественную подачу телевизионных программ...»; «осуществляет все виды измерений, ремонтно-регулирующие работы на закреплённой аппаратуре и оборудовании...»; «принимает участие в приёмке в эксплуатацию нового оборудования и оборудования после капитального ремонта»; «организовывает устранение сложных повреждений в аппаратуре и оборудовании»; «участвует в освоении новой техники, в приёме опытных образцов, в разработке мероприятий по модернизации аппаратуры и оборудования».

И это ещё не всё! Несмотря на то, что от обязанностей в глазах уже рябит...

Не раз за годы его руководства цехом телевидения на КСТ проводилась полная модернизация, техническая реконструкция, обновление и усовершенствование всего и вся. Развитие ТВ в СССР шло семимильными шагами. И Кузбасское телевидение всегда шагало в ногу со временем.

Для интереса приведу наиболее крупные технические внедрения, которые произошли в бытность Юрия Ивановича начальником цеха телевидения.

Так, в 1972-1973 годах в АВЗ-1 ввели в эксплуатацию новенькие видеомагнитофоны «Кадр-3», здесь была введена в эксплуатацию АВЗ-1. (Это аппаратная видеозаписи, содержащая комплекс аппаратуры: видеомагнитофонов, предназначенная для записи, монтажа и (или) воспроизведения видеофонограмм).

Ещё в 1973 году на областном государственном телевидении прошла техническая реконструкция – было установлено чешское телевизионное оборудование фирмы TESLA.

Первая передача в цвете на КСТ вышла в эфир 31 декабря 1977 года. Для этого реконструировали АСБ-1. А в декабре 1978 года провели реконструкцию АСБ-2, установили и там оборудование для передачи цвета.

В 1978 году для корпункта областного телевидения в Новокузнецке была получена новая передвижная телевизионная станция с телекамерами, снимающими в «цвете», новой серии (ПТВС-2ЦТ) – первая, укомплектованная видеомагнитофоном.

В 1982 году внедрили передвижной отечественный комплекс «Перспектива», который сделал возможным производить все кемеровские передачи только в «цвете».

В 1983 году закончено комплектование аппаратной видеозаписи АВЗ-2 видеомагнитофонами «Кадр-ЗПМ».

В 1988-м на областном телевидении введена в эксплуатацию АВЗ-3. Её укомплектовали технической новинкой, предшествующей цифровой видеозаписи, – видеомагнитофонами «Betacam». В этом же году получены и освоены первые телевизионные журналистские комплекты (ТЖК), оснащённые встроенными магнитофонами «Betacam».

В 1991 году введена в эксплуатацию АВЗ-4, её укомплектовали магнитофонами стандарта S-VHS.

В 1994 году в АВЗ-1 провели замену видеомagneтофонов «Кадр-3» на цифровое оборудование стандарта «Betacam-SP». С появлением формата «Betacam SP» стало доступно такое вещательное качество, которое вызвало настоящий переворот в видеопроизводстве.

Сотни единиц оборудования, тысячи приборов, десятки тысяч деталей внедрил, установил, запустил на областном телевидении Юрий Иванович Командиров. В 1994 году начальник цеха ТВ ушёл на заслуженный отдых. Но и после этого не терял связи с родным коллективом.

К середине 1990-х годов хозяйство цеха ТВ было настолько сложным, что разобраться в его работе, организовать непрерывный процесс было по силам только самым опытным специалистам-профессионалам. И Командиров с удовольствием откликался на просьбы коллег о советах и помощи, когда, к примеру, в 1997-м вели реконструкцию АСБ-1, оборудуя его современными для своего времени телекамерами и режиссёрским пультом японской фирмы JVC, звукорежиссёрским пультом «Soundcraft». Подсказывал коллегам, как надо действовать, когда возникали непростые ситуации, связанные с обслуживанием или с поломками оборудования.

Добросовестный, уникальный, творческий труд Юрия Ивановича много раз отмечался благодарностями руководства телерадиокомпании, почётными грамотами Кемеровского облисполкома. Командиров удостоен ведомственной награды – знака «Почётный радист СССР». Ему было присвоено звание ветерана труда.

Ветеран ушёл от нас 23 августа 2004 года. Ему было 72 года. Похоронен в Кемерове. И сегодня в коллективе ГТРК «Кузбасс» его вспоминают добрым словом.

Александр Пинаев: «Несвязный говор собственной души оставь себе. Об этом не пиши...»

Александр Ефимович Пинаев родился 25 декабря 1907 года в Мариинске Томской губернии (ныне Кемеровской области). Рос в самой что ни на есть гуще трудового простонародья. После окончания школы работал старателем на Алданских таёжных приисках начала 1930-х годов.

Именно здесь он начал знакомиться и впитывать в себя старинные народные обычаи, обряды и поверья своего края и уже пытался выразительно, достоверно выражать обстоятельства и неординарные характеры людей, встречавшихся ему на самых неожиданных и невероятных путях-перепутьях.

Активного парня выбрали на освобождённую комсомольскую работу. Затем уехал в Томск, где поступил в Томский технологический институт. Учился он хорошо и по окончании вуза был направлен на преподавательскую работу. Преподавал и заведовал учебной частью Кемеровского филиала института повышения квалификации ИТР и хозяйственников. По образованию учитель-математик, Пинаев многие годы посвятил подготовке кадров рабочих и инженеров-строителей.

После этого Александр Ефимович почти 17 лет возглавлял один из отделов треста «Кузнецкпромстрой» в Сталинске (ныне Новокузнецк). Впоследствии он – ответственный секретарь обкома профсоюза строителей, старший инженер бюро технической информации Кузбасского совнархоза, старший научный сотрудник одной из лабораторий Восточного научно-исследовательского горнорудного

института. Кроме того, был редактором многотиражной газеты «Строитель» в Новокузнецке.

А. Е. Пинаев – соавтор ряда научно-исследовательских статей и работ по экономике железорудной промышленности, имеет ряд правительственных наград.

Писать стихи Александр Ефимович начал в юношеские годы, но серьёзно подошёл к поэтической работе значительно позже. Героями его произведений были и его однокашники – первые строители кузнецких шахт и заводов с боевыми, сплошь и рядом романтическими биографиями. Ведь годы юности Александра Пинаева совпали с началом строительства социализма в стране, с годами первых пятилеток.

Критики отмечали, что, пожалуй, ни у кого из кузбасских поэтов, да и прозаиков тоже, не найдём мы далёких, редких, и потому особенно притягательных и интересных для современного читателя картин тогдашней старательской жизни, взаимоотношений, порядков, размышлений и поиска путей к новой действительности, как у Александра Пинаева.

Его произведения впервые были опубликованы в газетах «Большевицкая сталь» (ныне «Кузнецкий рабочий»), «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса» в 1947 году. Печатался он и в журнале «Сибирские огни», альманахе «Огни Кузбасса», других периодических изданиях.

А. Е. Пинаев – автор поэтических сборников «Встречи» (1956), «Дела-делишки таёжного Мишки» (1959), «Синегорье» (1964), «Первоистоки» (1968), «Неяна» (1973), «Таёжных рек разлив» (1989).

Стихи его печатались в коллективных сборниках «Встреча» (Кемерово-Будапешт, 1974), «Дыхание земли родимой» (Кемерово, 1979), в книге «Наш край родной» (Кемерово, 1977).

Его стихи вошли в антологию кузбасской поэзии «На родине моей выпали снега» (Кемерово, 1998), хрестоматию «Литература земли Кузнецкой. Т. 1» (Кемерово, 1998).

«Столь малое количество написанного объясняется, конечно, не тем, что Александру Пинаеву нечего сказать людям, – отмечала редактор Кемеровского книжного издательства Людмила Владимировна Глебова в статье «Строитель и поэт» к сборнику «Неяна» (Кемерово, 1973. С. 5-8). – Скорее, есть две причины этому. Во-первых, всю сознательную рабочую жизнь в этом человеке боролись две «музы»: муза строителя и муза поэта. Боролись и были неразрывно связаны друг с другом, и одна без другой не смогли бы существовать.

Тихая кабинетная жизнь незнакома Александру Пинаеву. Его десятилетия «отсчитывались пятилетками строек и пролетели, как один миг, оставив совсем молодым его сердце и в то же время умудрив его большим жизненным опытом. Он узнал цену и делам, и словам, и цену времени, и знания».

Эти знания продиктовали ему строчки, обращённые к тем, кто начинает жить:

Несвязный говор собственной души
Оставь себе. Об этом не пиши.
Не выдавай разброд свой за исканья.
И говорить о шквале не спеши,
Когда вода чуть дрогнула в стакане.
Поэт ранимее, но и тот не груб,
Кто не поэт. Несказанное слово,
Оно за твёрдым очертаньем губ –
Таков наш век – у каждого второго.

Не утаить своё, а уберечь!
Ведь боль твоя подчас других калечит,
А грусть, бездумно скинутая с плеч,
Тоской ложится на чужие плечи.

Одним из первых в Новокузнецке Александра Ефимовича приняли в Союз журналистов СССР. Он был тесно связан с редакцией новокузнецкой городской газеты, публиковал в ней свои заметки и произведения. Руководил литературной студией, которая работала при газете. В редакции Александр Ефимович всегда был желанным гостем, несмотря на занятость в институте, находил время для воспитания молодых литераторов и журналистов. Он стал первым литературным наставником кузбасских поэтов и писателей Е. Буравлёва, А. Волошина, В. Сапожникова, В. Мазаева, которые впоследствии стали известными членами Союза писателей СССР.

То, что советовал он молодым поэтам, стало для самого Пинаева жизненным кредо. Видимо, это и есть вторая причина того, что написано Александром Пинаевым не очень много, – считают почитатели его творчества. Гражданин и поэт, Александр Пинаев говорил с молодёжью, вступающей в жизнь, по велению сердца, стремясь научить её жить. Научить жить в широком смысле слова: любить жизнь, а в ней – борьбу за светлое и радостное. Поэтому-то многие стихи и поэмы его сборников так оптимистичны и боевиты.

«Александр Ефимович Пинаев большой любитель и защитник природы, – пишет во вступительной статье к пинаевскому творчеству другой кузбасский поэт Виктор Баянов. – Душа его всегда была раскрыта перед нею. Он никогда не замыкался в узком мирке радости и печали малой родины. Эти понятия у него всегда находились в живой, неразъединимой связи с масштабными событиями всей огромной страны. Обращаясь к России в одном из своих стихотворений, поэт безоглядно верит, что она, светлая душою, будет стоять вечно». А заканчивается это стихотворение так:

И если есть во мне частица
Тебя самой – частицей той
Я буду больше всех гордиться
В итоге жизни прожитой.

У кузбасского поэта Михаила Небогатова есть стихотворение «Река», посвящённое Александру Пинаеву:

...Бывало, скроет до плечей,
Едва ты с берега соступишь,
А нынче – узенький ручей,
Где донный камень кажет кукиш.
Да, незавидное житьё.
Была река, звалась Барзасом,
И вот – как не было её.
Не заблудился ли я часом?..
Но, без особого труда
Сдвигая каменную гряду,
Вдруг мощно хлынула вода
Через открытую запруду!
Река привольно разлилась,
Как в половодье, в полдень вешний.
И обрела былую власть,
И обрела свой голос прежний!
...Не торопитесь хоронить

Поэта, коль молчит подолгу.
Не перестал он жизнь любить,
Молчит по внутреннему долгу.
Он силы копит в тишине,
Распределяет их умело,
Чтоб на высокой на волне
Его поэзия взлетела!

1964 г.

(Из сборника «Свет в окне», 1969 г., с. 138)

Александра Ефимовича не стало 21 марта 1978 года. Похоронен в Новокузнецке. Нина Михайловна Инякина – дочь поэта Михаила Александровича Небогатова, который очень уважал и ценил А. Е. Пинаева, предоставила интересную деталь из дневника своего отца:

«1981 год, 16 октября, пятница, 4 ч. 30 м. дня:

О своих юбилейных днях. После этой торжественной части вечера все пошли в Союз писателей, где уже стояли накрытые столы, а меня на несколько минут задержали телевизионщики. На товарищеском ужине в СП было 60-70 человек. Его открыл (поднял первый тост) Владимир Михайлович (Мазаев, ответственный секретарь Союза писателей Кузбасса. – Прим. Н. Инякиной), а затем сказал, что тамадой избирается Банников. (Банников Виталий Васильевич, директор Кемеровского книжного издательства. – Прим. Н. Инякиной). Я попросил у него слово и поднял тост в память о тех, кто совсем недавно был среди нас и кого уже нету с нами (Саши Волошина, Жени Буравлёва, Виталия Рехлова, Александра Пинаева, Коли Пискаева, Владимира Поташова). Выпили за них все стоя». (В кн.: Михаил Небогатов. ПОЭТ: Дневниковые записи разных лет. / Сост. С. Небогатова. – Кемерово, 2006).

**«Не могу представить, чтобы кто-то,
встретясь с ним, его не полюбил»...
(Памяти педагога, редактора и издателя
Анатолия Ивановича Кыкова)**

Анатолий Иванович Кыков прошёл хорошую школу жизни, сумел набраться преподавательского, журналистского и редакторского опыта. Он был известен в Кемеровской области и как один из первых редакторов литературного альманаха «Сталинский Кузбасс».

Родился Анатолий 10 декабря 1912 года в селе Камышенка Томской губернии (ныне эта территория относится к Алтайскому краю) в семье кустаря.

Его малая родина расположилась в стороне от больших городов: чтобы добраться до Бийска, надо было преодолеть не менее ста километров, включая просёлки и бездорожье, а до Барнаула – и того больше – все 220-230 километров.

Мальчишкой Толя любил бродить со сверстниками по заросшим берегам мелкой речки Большая Камышенка, которая протекала прямо по селу, огибая большие деревянные дома зажиточных крестьян и скромные хижины бедноты, или удить карасей на ближнем озере. Пожалуй, единственным архитектурным украшением поселения была церковь, которую когда-то строили всем миром. Была и небольшая школа.

Осваивать основы грамоты и азы разных наук он начинал в своей сельской школе. Больше других предметов мальчику нравилась словесность. А в 1929 году он сумел получить аттестат о среднем образовании, успешно окончив десять классов в большой школе в соседнем селе.

С 1930 года он работал учителем в начальной и средней школах Алтайского края. В 1937 году переехал на территорию будущей Кемеровской области и два года преподавал русский язык и литературу в одной из школ посёлка Яшкино.

В 1939 году молодого парня призвали на службу в Красную Армию. Однако подробностей этого отрезка его жизни установить не удалось.

С 1941 года А. И. Кыков был лектором Кемеровского горкома ВКП(б). Но вскоре 29-летнего молодого перспективного специалиста назначают заведующим Кемеровским городским отделом народного образования. В этой должности он работал до 1943 года. Школьному образованию в годы войны приходилось испытывать немало проблем. Одна из них – нехватка площадей, так как часть школьных зданий передали под госпитали для раненых бойцов.

В этот же период – в феврале 1942-го – его принимают в ряды ВКП(б).

В 1943 году Анатолия Ивановича назначают директором Кемеровского педагогического училища (ныне Кузбасский педагогический колледж), одновременно он преподаёт свои любимые предметы в Кемеровском горном техникуме (ныне Кемеровский горнотехнический техникум имени В. Г. Кожевина).

Наконец, в 1944-м он перешёл на партийно-преподавательскую работу – стал преподавателем областной партийной школы, где трудился до 1952 года.

Анатолий Иванович хорошо понимал необходимость получения высшего образования. Поэтому в 1947 году поступил на факультет литературы и русского языка Томского государственного педагогического института (ныне Томский государственный педагогический университет). Учился заочно и в 1951 году, успешно сдав выпускные госэкзамены, получил вузовский диплом.

В областной партшколе Кыков давал для слушателей уроки литературы. Кроме того, писал статьи в областную газету «Кузбасс», читал лекции. Кемеровская общественность хорошо знала этого опытного специалиста, интересного собеседника, активного оратора.

Вот как описал один из примеров ораторского мастерства Анатолия Ивановича Кыкова поэт и публицист, многолетний редактор альманаха «Красная Горка», почётный гражданин Кемерово Геннадий Евлампиевич Юров в статье, посвящённой митингу на открытии памятника Александру Сергеевичу Пушкину ленинградского скульптора М. Г. Манизера. Монумент установили на одноимённой городской площади 6 ноября 1954 года (статья «Пушкин в Кемерове», газета «Кузбасс», 28 апреля 1999 г.):

«...Главное слово о Пушкине говорит очень близкий мне человек – преподаватель литературы областной партийной школы Анатолий Иванович Кыков. Дело в том, что я выросал в учительской семье. А кемеровские учителя – это такая среда, где все друг друга знают. Имя Анатолия Ивановича Кыкова часто называлось моими родителями. В свою очередь многие кемеровчане знают моих родителей – Евлампия Гавриловича и Ксению Тимофеевну. У них учились известные журналисты Павел Антипов, Марат Шагиахметов, Юрий Котляров, заслуженная артистка Галина Николаевна Кузнецова, первый профессиональный художник Кузбасса, почётный гражданин области Павел Афанасьевич Чернов и многие другие. Последние годы жизни Анатолий Иванович Кыков был директором издательства, а я в это время работал ответственным секретарём редакции газеты «Кузбасс». Так что мы стали к тому же сослуживцами.

Кыков говорит о Пушкине:

«Затаив дыхание, его чудесные сказки слушает ребёнок, ещё не умеющий читать. Школьник заучивает наизусть дивные стихотворения и прозаические отрывки и

помнит их всю жизнь. С благоговением перелистывает страницы пушкинского тома убелённый сединами старец.

...Пушкин на площади искусств таков: в движении головы, в жесте правой руки, в развороте корпуса воплощено пафосное настроение: «Да здравствует солнце, да скроется мгла!»

В 1957 году бюро Кемеровского обкома партии утвердило Анатолия Ивановича директором Кемеровского книжного издательства. Назвать это серьёзным участком работы, значит, почти ничего не сказать. Подобного рода организациям в СССР уделялось особое внимание. Это был и идеологический, и, одновременно, культурный фронт работы.

Этому государственному учреждению в регионе отводилась серьёзная роль. «Кемеровское книжно-журнальное издательство «Кузбасс» организовано в 1947 году на основании решения обкома партии и находилось в ведении финхозсектора обкома ВКП(б), – пишет журналист-исследователь Тамара Малышкина в статье «Звёзды и тернии кемеровской книги» (газета «Кузбасс», 16 июня 2012) – В марте 1956 года решением Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся № 188 оно передано в областное управление культуры и получило название «Кемеровское книжное издательство». А в 1964 году на основании решения Совета Министров РСФСР книжное издательство передано в ведение Госкомитета Совмина по печати...».

Уже с первых лет наше небольшое по союзным и даже российским меркам издательство было хорошо известно в стране. На совещаниях и семинарах в Москве, проводимых Госкомиздатом РСФСР, при знакомстве редакторов Кемеровского издательства с коллегами из других регионов, уточнялось: «Кемеровское книжное издательство? Это где выходила...», – и назывался какой-нибудь бестселлер.

Так что более ответственного поста для Анатолия Ивановича трудно было сыскать. Кемеровские издатели специализировались на выпуске экономической, сельскохозяйственной, краеведческой, детской и художественной литературы. Выпускали книжные серии «Слава труду» и «Школьная библиотека». Особое внимание уделялось целевым программам по выпуску статистических сборников «Шаги пятилетки», литературы по передовому опыту основных отраслей промышленности и других подобных брошюр. Специалисты до сих пор считают их бесценным материалом для изучения советской экономики, новейшей истории региона и страны...

Кыков хорошо справлялся с этим поручением. За те пять лет, что он стоял у издательского «руля», здесь выпустили немало известных книг. Напомним лишь некоторые, наиболее популярные из этого периода книги, вышедшие в Кемерово: Ф. Сологуб, «Мелкий бес» (1958); Н. Якушин, «Достоевский в Сибири» (1960); Д. Голсуорси, Новеллы (1961); А. Замеров, «Молодой хозяйке» (1961). И многие другие. Последняя книга из этого списка из-за высокого спроса читателей выдержала несколько переизданий.

Причём, книжную продукцию кемеровчане выпускали, как правило, многотысячными тиражами для всего Советского Союза. При Кыкове издатели работали стабильно и прибыльно. При директоре регулярно проходили заседания редакционного и художественного советов, отдел главного редактора и книжные редакторы были загружены подготовкой к печати изданий массово-политической и производственно-технической литературы, книг по сельскому хозяйству и научно-популярному направлению, художественной и детской литературы. Особое внимание уделялось внешнему оформлению томов, над чем серьёзно и раздумчиво корпел художественный редактор...

Работы было на годы вперёд!

В одном из отчётов в областном комитете КПСС А. И. Кыков отмечал, что «формирование тематики местной книжной продукции предопределяет возрастание роли Кузбасса как угольно-сырьевой базы страны».

Но было у издательства и другое – не менее серьёзное, особое направление – печатание книг кузбасских поэтов и прозаиков. И тут мы снова обязаны А. И. Кыкову тем, что до сих пор имеется очень много дошедших до наших дней стихов, рассказов, повестей и романов местных авторов, бережно хранимых любителями в домашних библиотеках, а также в обширных фондах публичных библиотек всех уровней.

Он лично знал многих кузбасских поэтов и прозаиков, поддерживал с ними дружеские и деловые отношения. Помогал профессиональным советом при подготовке их книг к печати. Сошлюсь всего на один пример – выпуск в «кыковский период» в Кемеровском книжном издательстве стихотворных сборников большого кузбасского поэта Михаила Небогатова. Это – «Моим землякам: Стихи и поэмы» (1958), сборник стихов «Лирика» (1961). Сюда же можно отнести небогатовский сборник «Родные просёлки», который хоть и вышел из печати в 1963-м, но «благословлён» был в план печатной продукции издательства ещё при Кыкове...

Анатолий Иванович при любой должности не был «кабинетным начальником», любил выходить «в люди», всегда слыл публичной личностью.

Например, 29 января 1960 года в Кемеровском драмтеатре состоялся торжественный вечер, посвящённый 100-летию русского писателя А. П. Чехова. И здесь перед публикой с докладом о жизни и творчестве выдающегося художника слова выступал наш уважаемый директор Кемеровского областного книжного издательства А. И. Кыков. Затем, как и положено, состоялся концерт, программа которого была составлена из произведений писателя.

А вот ещё свидетельство его активной публичности – участие в теле- и радиопередачах, посвящённых кузбасской литературе и литераторам. «Это он, выступая однажды на Кемеровском телевидении, назвал Михаила Александровича «старейшим поэтом Мишей Небогатовым», – делится воспоминаниями дочь поэта, литературовед Нина Михайловна Инякина.

Даже когда в 1962 году Анатолий Иванович оставил директорскую должность, и на посту директора Кемеровского книжного издательства его сменил Фёдор Ефимович Дёмин, работавший до этого редактором областной газеты «Кузбасс», литераторы продолжали обращаться за советом к Кыкову. Тот же М. А. Небогатов в своём дневнике отмечает: «9 апреля 1966 г. Сейчас отнёс А. И. Кыкову три стихотворения в подготовляемый им сборник «Родная природа». От него зашёл в издательство – и там мне выдали пять авторских экземпляров «Майского снега» (новый сборник. – Прим. ред.), (Н. Инякина, книга «Я в души к вам стучусь!» – Кемерово, 2014).

А в биографии А. И. Кыкова важно выделить и такой факт: в 1958 году ему – параллельно с директорством в книжном издательстве – поручили совместить весьма непростой, ответственный пост редактора литературного альманаха «Огни Кузбасса».

Уточним, история этого издания началась в 1949-м, когда в Кемерово вышел первый номер литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Сталинский Кузбасс». В 1954 году он был переименован в «Огни Кузбасса». Сегодня это – полноценный журнал. В разные годы его главными редакторами были известные писатели и поэты Г. Молостнов, А. Волошин, Е. Буравлёв, В. Мазаев, Г. Юров, В. Махалов, В. Баянов. С 2004-го по 2024-й год журнал возглавлял поэт Сергей Лаврентьевич Донбай.

С первых же номеров альманах заявил о себе как о главном периодическом печатном литературном издании региона со статусом издания писателей России. Так вот, около года его редактором был и Анатолий Иванович... Дело, порученное ему, оказалось весьма неординарным. Надо было хорошо знать литературное «поле» Кемеровской области, суметь разобраться в многообразии его талантов, настойчиво, ответственно и аккуратно «отделять зёрна от плевел».

Впрочем, и сам Анатолий Иванович многократно брался за перо, оставив после себя «прозаический» след. Правда, проза эта не художественная, а – деловая, партийная. Тем не менее...

В «закромах» Государственной научной библиотеки Кузбасса имени В. Д. Фёдорова отыскалась 24-страничная брошюра А. И. Кыкова «Коммунизм – дело рук наших», вышла в Кемеровском книжном издательстве в 1964 году в серии «В человеке должно быть всё прекрасно» под рубрикой «Коммунистическая мораль».

С другой авторской работой А. И. Кыкова можно познакомиться в фондах Центральной городской библиотеки имени Н. В. Гоголя (Новокузнецк). Она включена в сборник статей, очерков, стихов о природе родного края «Родная природа» (1969). Больше чем уверен, при желании этот список можно продолжить...

Жизнь Анатолия Ивановича Кыкова была не длинной, но яркой. К сожалению, его не стало в ноябре 1969 года.

Его памяти Михаил Небогатов посвятил такие душевные строчки:

Не могу представить, чтобы кто-то,

Встретясь с ним, его не любил.

Доброта, внимательность, забота –

Вот чем он всем дорог был и мил.

Трудно привыкать к таким утратам.

Что ни говори тут, ни пиши –

Был для многих нас он другом, братом,

Человеком редкостной души.

Не согреет больше тёплым взглядом,

Не приветит больше никого...

Но поныне он как будто рядом.

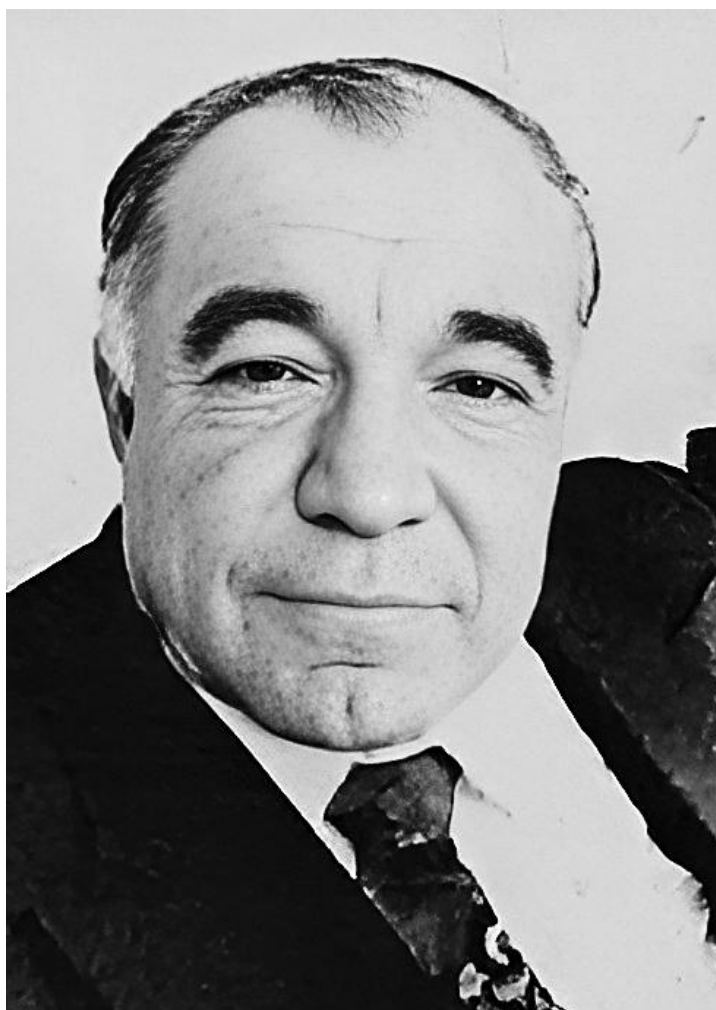
С нами обаятельность его...

Известно, что 30 декабря 1969 года поэт передал это стихотворение жене Анатолия Ивановича Елене Николаевне Ярославцевой.

«Надо сказать, что горькие строчки писал Небогатов не только в память об ушедших собратях по перу – поэтах и писателях, – подчёркивает дочь поэта Нина Инякина. – Немалое место в его большом и добром сердце занимали и журналисты, и издатели. И все потери он воспринимал, как потери очень близких ему, почти родных людей. Некоторых из них мы сейчас и вспомним с его помощью...».

Что ж, вспомним и мы добрым словом учителя, редактора, издателя Анатолия Ивановича Кыкова. Труд его был не раз отмечен почётными грамотами и благодарственными письмами Кемеровского обкома КПСС и облисполкома. Но особо он гордился медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Василий Афанасьев: «Не зря приехал он на Кузнецкстрой»

Василий Степанович Афанасьев родился 21 августа 1919 года в селе Кисла Бугурусланского района Оренбургской губернии (ныне Оренбургская область) в семье крестьянина.

В 1932 году его родители с детьми переехали в Новокузнецк – на строительство Кузнецкого металлургического комбината. Сам Вася с десяти лет начал работать на КМК рядом с отцом. Поэтому для продолжения учёбы после школы и выбрал вначале инженерную специальность. И хотя он с детства писал стихи, по окончании средней школы в 1936 году поступил в Сибирский металлургический институт.

Так сложилось, что всю Великую Отечественную войну Василий проработал на КМК. Сначала был молотобойцем, затем мастером-инструктором. Дальше начальником комсомольско-молодёжной смены второго механического цеха комбината. Смена, руководимая им, все военные годы была лидером в городе в соревновании комсомольско-молодёжных коллективов.

Однако чем взрослее становился Василий, тем всё больше его тянуло к гуманитарным дисциплинам. Поэтому вскоре он пошёл учиться в Сталинский учительский институт (ныне Кузбасская государственная педагогическая академия), где готовили учителей среднего и старшего звена для школ.

Здесь впервые по-настоящему начал проявляться его творческий талант. Нередко студенту Афанасьеву поручали написать заметку в многотиражную газету.

В послевоенные годы он уже твёрдо намеревался стать литератором, для чего решил продолжить учёбу заочно. Его зачислили в Литературный институт имени А. М. Горького. Изучал тут гуманитарные и социальные дисциплины, участвовал в семинарах по различным литературным жанрам, включая прозу, поэзию, драматургию, детскую литературу, литературную критику. Заодно учился писать полноценные статьи для популярной прессы.

Постепенно в его жизнь вошла журналистика. Василий работал литсотрудником в новокузнецких многотиражках. А в 1953 году его назначили редактором газеты «Металлург» – одной из старейших заводских газет Новокузнецка да и всей Кемеровской области. (Первый номер «Металлурга» на КМК вышел в свет 10 января 1932 года. В лучшие годы тираж издания доходил до 38 тысяч экземпляров).

В бытность В. С. Афанасьева редактором на газетных полосах каждого номера публиковались материалы о ключевых производственных событиях на комбинате, о внедрении перспективных технологий. «Металлург» активно освещал трудовые будни КМК, рассказывал о лучших представителях кузнецких металлургов. Газета печатала публикации и о культурных, спортивных мероприятиях на комбинате.

Сам Василий Степанович тоже часто брался за перо. Его статьи нередко печатали в городских и областных газетах.

А он снова продолжал учиться. На этот раз – на очном отделении Новосибирской высшей партийной школы, которую успешно окончил в 1958 году.

После этого опытного журналиста пригласили на работу в самую крупную в Кемеровской области городскую газету «Кузнецкий рабочий». Здесь он трудился целую пятилетку: заведовал отделом промышленности, потом – отделом городской культуры. Вёл занятия литературной группы, которая собиралась в редакции. В том, что «Кузнецкий рабочий» имел среди читателей высочайший авторитет, есть немалая заслуга журналиста Василия Афанасьева.

В 1959 году его принял в свои ряды Союз журналистов СССР.

Поработал он редактором ещё одной крупной новокузнецкой многотиражки – «Строитель транспорта», которая была органом объединённого стройкома и управления треста «Кузбасстрасстрой». Сотрудники этой редакции освещали строительство западной части железнодорожной линии Новокузнецк-Абакан, возведение Южно-Сибирской магистрали («Южсиба») и других объектов.

А в 1963 году в судьбе Афанасьева новый большой поворот – он назначен директором Новокузнецкой городской типографии.

История этого крупного в полиграфической отрасли Кемеровского региона предприятия шла в ногу с развитием в городе газетного дела. Когда в начале 1930-х годов в Новокузнецке появилась первая полноценная газета, вместе с ней возникла и типография. Если точнее, это случилось в марте 1930 года, с выпуском первого номера «Сибирского гиганта», положившего основу нынешнего «Кузнецкого рабочего». Тогда же начала свою работу типография Новокузнецка (сегодня это ООО «Полиграфист»).

Вплоть до 1953 года городская газета и типография были единым целым. Поначалу они даже располагались в соседних бараках на Кузнецкстрое. В 1953-м типография отделилась от редакции и стала городской. В таком статусе её и принял десять лет спустя директор Афанасьев. 1 ноября 1973 года типография под его началом была преобразована в Новокузнецкий полиграфический производственный комбинат.

Вскоре город приступает к строительству нового – большого и светлого – здания для полиграфистов. Василий Степанович бдительно следит за возведением объекта, часто бывает на стройплощадке. Наконец, в декабре 1980 года

новокузнецкие полиграфисты и журналисты «Кузнецкого рабочего» переезжают в специально построенное для них здание по адресу: улица Орджоникидзе, 11.

Началась новейшая эра развития городской полиграфической промышленности. В 1985 году в Новокузнецком полиграфкомбинате освоили офсетную печать газет. В начале 1990-х годов здесь произошёл переход от ручного и линотипного набора к компьютерному, цифровому; в 1992 году был создан участок цветной печати. Предприятие стало центром выхода в свет 30 городских, районных и многотиражных газет юга области. Здесь печатают не только газеты, но и журналы, книги, выпускают различную полиграфическую продукцию.

Но всё это уже без В. С. Афанасьева: в 1980 году он ушёл на заслуженный отдых, проработав директором новокузнецкой полиграфии 17 лет.

Свободного времени стало больше, и он всерьёз увлёкся литературным творчеством. Писал стихи. В Кемеровском книжном издательстве вышли его стихотворные сборники «Второе дыхание» (1989) и «Сибирская душа» (1990).

Интересный факт. В сентябре 1981 года по инициативе новокузнецких литераторов, а затем и по решению Кемеровской организации Союза писателей РСФСР в Новокузнецке был организован «Литературный пост альманаха «Огни Кузбасса». Руководить этим «постом» поручили члену СП Павлу Майскому. Вскоре «пост» начал работать как литературная студия КМК.

С того времени литераторы города стали собираться в большой аудитории на втором этаже Дворца металлургов КМК, а не искать «углы» у добрых дядей, как бывало раньше. Появился своего рода клуб «усатых литераторов», как именовали его местные остряки, в нём числилось более шестидесяти человек.

Основная задача «поста» заключалась в поиске творческих дарований и отборе рукописей для публикаций. А если говорить более приземлённо, творческим людям надо было отвести душу, показать себя, посмотреть на других – то есть попросту пообщаться, разрядиться.

Так вышло, что костяком «поста» оказались люди, близкие к металлургии, более того, тесно связанные с жизнью Кузнецкого металлургического комбината. Стоит упомянуть несколько известных в Новокузнецке литераторов, которые так или иначе были связаны с КМК: Игорь Агафонов, Галина Дик, Василий Берляков, Надежда Каркавина, Владимир Кабанов, Александр Репин, Василий Сапрыкин, Людмила Иванова. И, конечно же, Василий Афанасьев, который с раннего возраста начал трудовую биографию именно на меткомбинате.

Его стихотворения: «Военный хлеб», «С добрым утром, металлурги!», «У заводских ворот», «Ветераны», «Руки», «Кузнецкая броня», «Дети», «Дамский вальс», «В войну я был молотобойцем...», «У Кузнецкой крепости», «Второе дыхание», «Последняя бессоновская хата», «Разлука», «Глаза – в глаза» – воспевают созидательный труд, любовь, жизнь простого человека, малую родину.

Скажем, в стихотворении «Огни» Василий Афанасьев показывает страдания и муки, через которые пришлось пройти людям, чтобы город Новокузнецк обрёл мощь и могущество:

Не зря приехал он на Кузнецкстрой,
Задиристый, весёлый, молодой.

Когда под утро улеглась пурга
И засинели пышные снега,

Он сам сойти с лесов уже не смог:
Заиндевел и до костей продрог.

Мы занесли его в палатку-дом,
Согрели чаем, дружеским теплом.

А он, согревшись, за своё опять:
– Умрём, тогда и будем отдыхать!»

«Писал Василий Степанович грамотно, с присущей ему ответственностью, – вспоминает о нём другой новокузнецкий литератор Александр Савченко в статье «История одной фотографии» (<https://proza.ru/2022/10/01/548>). – Его стихи печатались в газетах Кузбасса, в сборниках поэтов-металлургов... Вспоминаю, как в один из сумеречных дней запоздалой осени на трамвайной остановке около «Дома быта» лоб в лоб столкнулся со Степанычем. Он был небывало возбуждён, его болезненно постаревшее лицо светилось. После краткого приветствия Василий Степанович вытащил из кармана сборничек в голубоватой обложке.

– Ты, понимаешь, Сань, ждал всю жизнь! Наконец, вышли мои стишатики... При случае подарю тебе.

Но, как часто бывает в жизни, такого случая не подвернулось. Следующей встречи у нас просто не было. Василия Степановича не стало... Зато остались стихи».

Стихи В. Афанасьева: «Секрет Победы», «На чужбине», «Земля», «В трамвае», «Дюймовочка», – включены в сборник «Ради жизни на Земле», выпущенный к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (Новокузнецк, 2015). Но об этом автор уже не узнал. Его не стало 9 мая 1990 года.

Исследователь его поэтического наследия Анастасия Романовна Рукавишникова отмечала, что «поэт в своих стихах говорит о трудном довоенном детстве – он начал свой трудовой путь на КМК, будучи ещё подростком. Особое место в его творчестве занимает тема Великой Отечественной войны и участие в ней наших земляков».

В частности, его занимает судьба полковника Виктора Ивановича Полосухина, командира 32-й Гвардейской Краснознамённой стрелковой дивизии, участника битвы за Москву. В. И. Полосухин погиб 18 февраля 1942 года под Можайском. Ему присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Также В. И. Полосухину посмертно присвоено звание почётного гражданина Новокузнецка. Его подвигу поэт посвятил немало стихотворений, в их числе «На славном поле Бородинском».

Многие стихи Василия Степановича легко ложатся на музыку и становятся песнями. Поэтому А. Р. Рукавишникова отдельно рассматривает стихотворные произведения В. С. Афанасьева, музыку для которых написал новокузнецкий композитор Владимир Максимович Гольцов.

Например, их общая известная работа – «Песня о Новокузнецке». Одна из ведущих тем в творчестве композитора – тоже героико-патриотическая. Она звучит в песнях «Виновата война», «О чём вспоминают солдаты». В содружестве с поэтом Василием Афанасьевым композитором создано много песен, и лирических, и патриотических. Одно из последних их совместных музыкальных произведений – «Баллада о комдиве Полосухине».

Супруга Василия Степановича – журналист Юлия Тимофеевна Жилина также обладала стихотворным даром. Работала в многотиражке «Металлист» Новокузнецкого машзавода, в городском обществе «Знание» читала лекции о поэзии. Гордилась тем, что она – жена творческого человека.

«Иначе и быть не могло, других мужчин она не признавала, – пишет о ней Ольга Волкова (зарисовка «Душа не просит славы, но хочет петь», газета «Кузнецкий рабочий», 26 декабря 2015):

– Мой муж был бескорыстный, скромный, талантливый, – говорит Юлия Тимофеевна. – Он постоянно печатался в московском журнале «День поэзии» и во многих других изданиях СССР, считался даровитым. Как-то он читал свои стихи на

семинаре поэтов Кузбасса, в гостях были московские поэты, и известный поэт Михаил Львов сказал: «Афанасьев нас всех положит на лопатки». Когда мы с ним поженились, стали писать вместе, с авторством не считались. В его стихах – мои слова, в моих – его. А подпись – как Бог на душу положит...».

Когда Василия Степановича не стало, первые десять лет для Юлии Тимофеевны были простоем. «Горевала, – всхлипывает она, – плакала и плакала. Какие уж тут стихи».

Однако, время лечит. И она всё же снова взялась за перо, наверное, чтобы продлить память об их совместной счастливой жизни:

«Мол, за стихи не платят деньги,
Чего корпеть?

Ну, а куда же душу денешь,
Коль хочет петь.

Мои стихи – моя забава,
Твои цветы.

Душа не столько просит славы,
Сколь красоты».

Василий Афанасьев. Стихи

В войну я был молотобойцем

Нечасто ездил я в трамвае,
С работы шёл домой пешком.
Меня однажды там назвали
Не как-нибудь, а ... медным лбом.
От слов бабёнки мне – хоть в гроб:
– В тылу торчишь? У, медный лоб!
Бывало, к спинам жмусь в сторонке,
Как будто здесь, в родном краю,
Я виноват за похоронки,
За всех, израненных в бою.
И долго бьёт меня озноб
От этих слов: «У, медный лоб!»
– Смотри, а шея-то воловья!
Для фронта – хвор. Хитёр, как поп!
...И я краснею за здоровье,
За свой широкий «медный лоб».
Наверно, если был бы хил,
Не так бы женщин я сердил!

«На славном поле Бородинском»

(посвящается Виктору Ивановичу Полосухину)

Идут бои на поле Бородинском,
Спешат к Москве фашистские полки;
Но насмерть встали силой исполинской
Сибирские гвардейские полки.
Шесть дней и шесть ночей сплошного ада,
Шесть дней и шесть ночей грохочет бой,
Калечат землю бомбы и снаряды,
Изматывает душу минный вой.

Идут в атаку вражьи танки ходко.
Попробуй-ка драконов этих тронь!
Звучит команда всем:
«Прямой наводкой по врагу огонь!»
А Полосухин, кажется, спокоен,
Могучий, сероглазый, волевой,
Испытанный в боях хасанских воин
На самой жаркой точке огневой.
Сказал комдив стрелкам слова такие,
Кутузовские вещие слова:
«Родимые! Стоять, как часовые!
Назад – ни шагу! Позади Москва!»
Разя врага, ломая и круша,
Когда во гневе – не страшны снаряды,
Всё выдюжит сибирская душа.
И дрогнул враг. Бежал он с поля боя.
И слышим мы сквозь годы огневые
Святые те бессмертные слова:
«Родимые! Стоять, как часовые!
Назад – ни шагу! Позади – Москва!»

Кузнецкая броня

Рвались на фронт, а нас не отпускали.
– Вы здесь нужнее! – говорили так.
Броню варили из кузнецкой стали,
В неё одет был каждый третий танк.
Подростки, малолетки комбината!
Мы не узнали фронта и атак,
Но жар сердец вложили в автоматы,
А ненависть и ярость – в каждый танк.
В броню вдохнули мы свою отвагу
И мужество мальчишеских сердец.
И наша ярость била по рейхстагу,
Был фронтом трудовым Новокузнецк.
Характер наш и крепость нашей стали
Узнал разбитый наголову враг.
Не зря стоит у нас на пьедестале
«Тридцатьчетвёрка» – наш кузнецкий танк.

Текст стихов с сайта <https://kemrsl.ru>

Максим Васильевич Мальцев: «Считаю, мне повезло в жизни»

«Считаю, мне повезло в жизни, – писал о себе журналист Максим Васильевич Мальцев. – Любил и люблю свою работу. Газетчик – это, прежде всего, правозащитник. Всех обиженных и униженных, обманутых и потерпевших. Журналисты острее видят доброе и злое в жизни. Но рассказать о зле – ещё полдела. «Красное знамя» всегда было сильно тем, что добивалось действенности своих выступлений. Так что не бейте по частностям, не палите из пушек по воробьям, а смело ищите самую суть явления. И читатель, уверен, поддержит, оценит и полюбит вас».

Он родился в селе Белогородка Мариинского уезда Томской губернии (ныне Кемеровская область). Его родители происходили из прибалтийских крестьян Виленской губернии – беженцы из Прибалтики, изгнанные из родных мест ураганом Первой мировой войны. Весной 1917 года они переселились в Томскую губернию на вольные земли. А уже 12 августа 1917-го появился на свет их сын Максим. Поэтому он с полным правом стал считать себя сибиряком.

В 1933 году Максим окончил в Мариинске школу крестьянской молодёжи. А в 1935-м уехал в столицу Западно-Сибирского края – Новосибирск, учился в школе фабрично-заводского ученичества при заводе «Труд», где выпускают гравитационное обогатительное оборудование для металлургии, горнодобывающей и строительной индустрии.

В 1937 году поступил чертёжником на завод «Труд». Потом его назначили заместителем редактора заводской многотиражной газеты и приняли в партию ВКП(б). «Тяга к печатному слову преодолевала, кажется, всё, – вспоминал позднее Максим Васильевич. – Хотя работа журналиста в 1930-40-е годы была чрезвычайно опасной. Достаточно было одного неверно употреблённого не слова, а даже знака...».

В августе 1938 года Максим Мальцев вернулся в Мариинск. Работал здесь ответственным секретарём редакции газеты «Знамя коммунизма» – печатного органа Мариинского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов (ныне газета «Вперёд»). В первые годы Великой Отечественной войны – с 1941-го по 1942-й – трудился уже редактором этой газеты.

В сентябре 1942 года Мальцева утвердили заведующим отделом райкома партии в один из районов Томской области. Потом решением Томского обкома ВКП(б) он стал редактором газеты «Большевик Севера» Тегульдетского района, расположенного на границе Томской области и Красноярского края.

Сам он так рассказывал об этом отрезке своей жизни:

«Из Мариинска в Тегульдетский район я попал в августе 1942 года при следующих обстоятельствах. Кому-то в райкоме пришло в голову перевести молодого редактора в заведующие отделом пропаганды райкома.

Сел я в кабинет с мебелью, отделанной под орех, и не пойму, зачем? Не моё это дело – бумажки перекладывать. Обратился в обком с просьбой освободить. В кадрах мой однофамилец Мальцев спросил: «Куда ехать хочешь редактором?» Потом подошёл к карте, ткнул пальцем, выбрал Тегульдет. Приехал. Глушь. Грусть. Тайга. Болота. Одно хорошо – ореха кедрового много. Не пропадёшь с голода при дневной норме хлеба 200 граммов...».

В марте 1946-го Максим Васильевич стал редактором газеты «Советский Север» города Колпашево, что на правом берегу Оби, в 270 километрах к северо-западу от Томска. В городе в то время проживало немногим более 15 тысяч человек. И почти каждая семья выписывала местную газету.

В 1947-1948 годах М. В. Мальцев выучился на курсах переподготовки руководящих газетных работников при Высшей партийной школе ЦК ВКП(б). После этого его позвали в областную газету «Красное знамя» – печатный орган Томского обкома партии.

В «Красном знамени» имя Максима Мальцева впервые прозвучало в 1949 году. До 1957-го он был заведующим отделом партийной жизни этого областного издания. Частые летучки, заседания и собрания пришлись не по душе новому сотруднику, как и редакторский диктат. И однажды Мальцев хлопнул дверью, на семь лет переехав в село Мельниково – административный центр Шегарского района, где стал редактором районной газеты. Почти пять возглавлял здесь районку «Путь к коммунизму».

Окончательное возвращение его в главную газету Томской области состоялось в 1964 году. 15 лет, вплоть до ухода на пенсию в 1978-м, вёл Максим Васильевич главную деревенскую тему в газете, совмещая должность заместителя редактора с заведованием отделом сельского хозяйства.

Сотрудники издания вспоминают своего старшего наставника только добрым словом: в редакции его называли Патриархом газеты, знатоком сельской темы, чьи статьи не один десяток лет украшали страницы «Красного знамени».

«Имя Максима Васильевича Мальцева рождает самые добрые чувства, какие только может вызвать строгий учитель, внимательный наставник и терпеливый друг, – написал о нём журналист Владимир Фёдоров в зарисовке «Осень

патриарха» (книга «Век с любимой газетой», Томск, 2018. С. 35). – Да, он бывал крут, но всегда справедлив. Он не любил и малейших признаков разгильдяйства, ценил порядок, воспитывал у молодых ответственность и чувство долга.

Работать в газете было всегда сложно. На должности заместителя редактора – тройне. Но он никогда не терял присутствия духа, любил острое слово, юмор, меткий анекдот. Кажется, проработав рядом долгое время, знаешь друг о друге если не всё, то много. Максим Васильевич всегда умел найти свежую тему, вспомнить нечто необыкновенное, поучительное и смешное из собственной биографии, из пережитого им...».

Михаил Васильевич – член Союза журналистов СССР. Автор книги «По чести, по совести» (о сельском хозяйстве Томской области, 1963).

За большой вклад в развитие региональной журналистики ему присвоили звание «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1967). Кроме того, он награждён орденом «Знак Почёта» (1976), медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1956), «За трудовое отличие» (1962) и другими наградами.

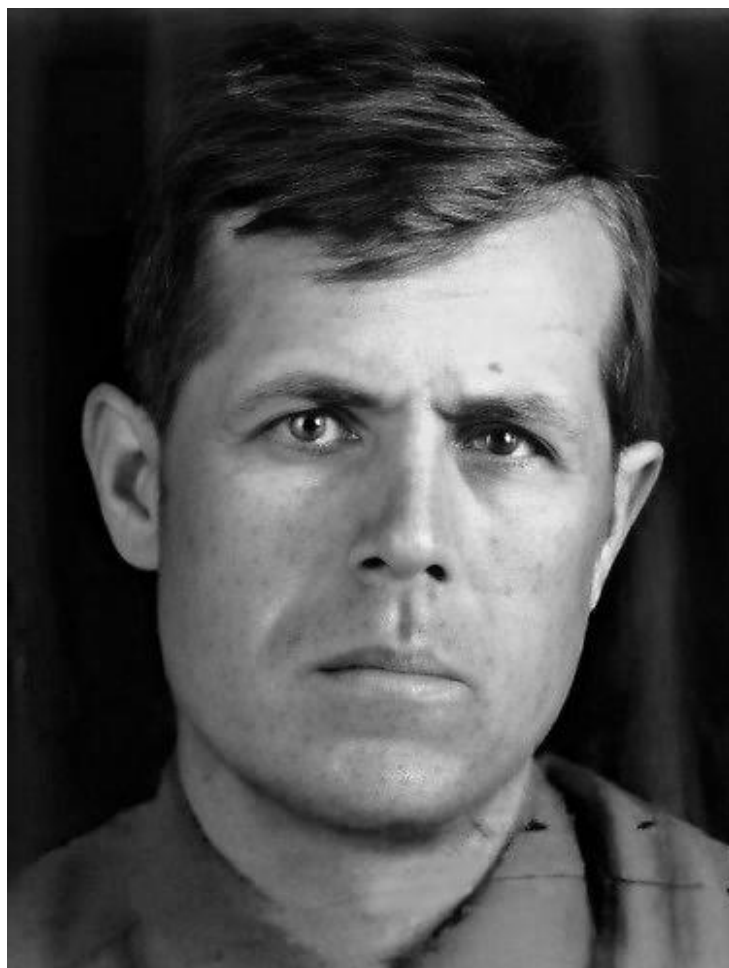
Патриарха журналистики не стало 23 мая 2002-го...

Часть 2.
Служили
Отчизне
в бою

Иван Андреевич Бабанакоев был редактором гурьевской газеты «Знамя Ильича» в начале 1940-х годов

Первый номер газеты «Знамя Ильича» – органа Гурьевского РК ВКП(б) и райисполкома – вышел 8 марта 1935 года тиражом 3 тысячи экземпляров. Создание этой газеты было связано с образованием Гурьевского района. Район организовали по решению правительства страны, территорию для него «собрали» в основном из Беловского и части Ленинск-Кузнецкого районов.

Первая в районе газета начала выходить под редакторством Н. Голубева при поддержке Гурьевского металлургического завода. Мы же решили вспомнить начало 1940-х годов, когда издание возглавлял главный редактор Иван Андреевич Бабанакоев.

В книге «Гурьевский район в годы Великой Отечественной войны» (КемГУ, Институт экологии человека СО РАН. Кемерово, 2010. С. 14) говорится: «Нельзя не отметить, что районная газета («Знамя Ильича») была не только одной из лучших в области, но и самой лучшей из газет этого вида.

В феврале 1941 года отдел пропаганды и агитации Новосибирского обкома ВКП(б) (Кемеровская область в этот период входила в состав Новосибирской области) представил гурьевскую газету кандидатом для участия во Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ, г. Москва). В то время редактором издания работал Бабанакоев Иван Андреевич, ответственным секретарём – Федосов Фёдор Данилович».

Известно, что Иван Андреевич Бабанакоев родился 25 октября 1911 года в деревне Беково Беловского района Новосибирской (ныне Кемеровской) области. Учился в сельской школе, служил срочную службу в Красной Армии. Редактором «Знаменки» его назначили за несколько месяцев до начала войны.

Во время его редакторства газета много писала о том, как живут и развиваются сельские территории, входящие в Гурьевский район. А их было немало, в него входили сельские советы: Гавриловский, Малосалаирский, Новопестерёвский, Сосновский, Ур-Бедаревский, Дмитриевский, Косьминский, Кочкуровский, Урской и Горский. Корреспонденты и рабселькоры призывали с газетных станиц к тому, чтобы работать ударно, бороться за высокую производительность труда и учиться...

Главным героем «районки» был человек. На страницах газеты – множество фамилий земляков, в публикациях – много критики и разных эмоций: «Надо беречь лошадей», «Колхоз к севу не готов», «Иванов самоуправничает»... Газета в каждом номере пишет о тех, кто отличился, кто провинился, кого похвалили, а кого поругали, сообщает обо всём и обо всех, борясь за справедливость и порядок.

За хорошую работу, интересное и боевое – с точки зрения того времени – содержание «Знамени Ильича» коллектив и был награждён поездкой в Москву, на ВДНХ, которую наметили на лето 1941 года.

А 22 июня фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

По всему СССР прокатились митинги и собрания. Митинг состоялся и в объединённом коллективе редакции и издательства гурьевской газеты. На нём выступил Иван Андреевич. Говорил о том, что надо каждому на своём рабочем месте помогать нашей армии биться с врагом. Выразил готовность: если Родина скажет, сам отправится на фронт. Закончил свою пламенную речь известным призывом: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» – это была заключительная фраза обращения к советскому народу, которое заместитель Председателя Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотов зачитал в 12 часов дня 22 июня 1941-го.

Экономика Гурьевского района, как и экономика всей страны, стала перестраиваться на военный лад. Мужчины уходили на фронт. Их места на производстве и в сельском хозяйстве занимали женщины. Резко выросли требования к выпуску продукции, к урожайности и качеству продуктов. Газета теперь пишет об этом: «Выполнить план поголовья скота», «Хороший пример остальным», «В огнеупорном цехе Гурьевского металлургического завода».

Удивительно, но поездку газетчиков на ВДНХ из-за военных действий не отменили. И Иван Андреевич несколько дней провёл в столице. Возвратился домой, вдохновлённый увиденным и услышанным на главной выставке СССР.

Однако враг рвался к Москве. Красной Армии требовались новые силы, военкоматы активно призывали мужчин на службу. Первым из редакции «Знаменки» ушёл в действующую армию ответсекретарь Ф. Д. Федосов. В сентябре получил повестку Гурьевского райвоенкомата и Иван Андреевич Бабанакоев. На военную службу он поступил 10 сентября 1941 года.

К этому можно добавить, что и другие сотрудники редакции и издательства гурьевской газеты принимали участие во фронтовых битвах. В буклете, посвящённом одному из юбилеев «Знамени Ильича» (ныне «Знаменка»), читаем: «В разные сроки были призваны в ряды защитников Родины печатник Михаил Колмогоров, переплётчик Иван Торопецкий, литсотрудник Дмитрий Селивёрстов, бухгалтер Анатолий Пьянов, счетовод Иван Преснецов. Добровольно санитарками ушли на фронт заведующая типографией Татьяна Борисова, наборщица Любовь

Богадюк. Все они храбро сражались с немецко-фашистскими полчищами, не щадя ни крови своей, ни самой жизни».

Из них вернулись с войны только А. Пьянов, И. Преснецов и Т. Борисова.

Трудно приходилось газете в эти годы из-за нехватки кадров. Однако оставшиеся на репортёрском посту товарищи работали за двоих. В названной уже выше книге о Гурьевском районе есть такие строки: «В курсе всей жизни района, источником новостей с фронта боевого и трудового, безусловно, была районная газета «Знамя Ильича», выходящая 2 раза в неделю тиражом 2800 экземпляров. 31 декабря 1942 г. на заседании бюро Новосибирского обкома ВКП(б) было принято решение об увеличении периодичности газеты до 3 раз в неделю. Однако в 1943 и 1944 гг. в неделю выпускался лишь 1 номер, к 1 января 1945 г. тираж вырос до 3060 экземпляров. Выпуском газеты занимались всего 2 члена редакции и 8 сотрудников типографии. Однако газета имела широкую сеть селькоров, количество которых накануне войны достигало 280 человек. Ответственным редактором в 1941 г. работал И. А. Бабанакон, с декабря 1941 г. Е. Трашкова, с 1942 (1943) г. обязанности ответственного редактора исполняла А. Егорова». («Гурьевский район в годы Великой Отечественной войны». С. 138).

Сберегла судьба на войне и Ивана Андреевича. Отыскать некоторые подробности его фронтовой жизни мне помог известный российский писатель, беллетрист, автор исторических романов Виктор Королёв, проживающий ныне в Екатеринбурге. А в 1976 году Виктор Владимирович работал в Гурьевске заместителем редактора газеты «Знамя Ильича». Редактором издания тогда был Павел Владимирович Бодунов.

Поскольку мы с Виктором Королёвым давно знакомы, я и обратился к нему с вопросом: не знает ли он что-нибудь об И. А. Бабанаконе? Виктор отыскал следы бывшего гурьевского редактора на странице сайта «Память народа», содержащем подлинные документы о Второй мировой войне, в том числе и информацию об Иване Андреевиче:

(https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92010408/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DBabanakov).

Призванному в армию И. А. Бабанакону было присвоено офицерское звание. Короткие предфронтовые военные сборы он прошёл в одной из тыловых частей Сибирского военного округа.

Если точнее, – в сентябре 1941-го бывшего редактора «Знаменки», ставшего теперь военным политработником, вначале направили в редакцию газеты «За Родину», которая выходила при 95-й запасной стрелковой бригаде СибВО. В военные годы руководство страны приняло решение о повсеместном издании таких газет при войсковых соединениях, призванных морально помогать бойцам громить врага.

Ответственность, которая возлагалась на редакцию фронтовой многотиражки, была высока: содержание каждого газетного номера, каждой публикации должно было затрагивать сердца тех, кто готовится к отправке на фронт или уже находился на передовой.

Потом Бабанакон попал в сформированную на станции Асино Томской железной дороги 370-ю стрелковую дивизию (370 сд). Дивизию включили в состав 58-й резервной армии.

В ноябре 1941 года 58-ю армию переправили на территорию Архангельского военного округа. Воины 370 сд выгрузились на железнодорожной станции Няндомы Северной железной дороги. Это на ветке Коноша – Архангельск: в 342 километрах

к югу от Архангельска и в 790 километрах от Москвы. По прибытии дивизия совершила марш через Каргополь, Кречетово к Волго-Балтийскому каналу между Онежским озером и озером Белым, где стала готовить оборонительные рубежи.

Во второй половине февраля 1942-го дивизию перебросили на Северо-Западный фронт. В Новгородской области она вошла в состав 34-й армии.

Южнее станции Пола Новгородской области подразделение, где служил Иван Андреевич Бабанак, получило первое боевое крещение. В соответствии со сводками Совинформбюро – весной 1942 года войска 34-й армии перешли в наступление, воинам дивизии после многих атак удалось освободить новгородские деревни Курляндское, Стрелицы, Росино.

Однако, сдержав наступление советских частей, немецкие войска нанесли деблокирующий удар. Это резко ухудшило положение наших войск на северо-западном направлении.

В этих боях 370 сд потеряла половину своего боевого, лучшего по выучке, личного состава. Так, на 1 марта 1942 года дивизия насчитывала 11509 человек, а через месяц боёв в строю осталось 5540 воинов.

С конца апреля 1942-го 370 сд перешла в подчинение 11-й армии и заняла жёсткую оборону. И. А. Бабанак коротко писал в эти дни родным, что вместе с товарищами беспощадно бьётся с врагом, защищая нашу землю от захватчиков.

Всё лето и осень того года подразделения дивизии, проявляя стойкость, сдерживали наступательный порыв немцев, изредка переходя в контрнаступление. В конце 1942 года Военный совет 11-й армии своим приказом объявил благодарность личному составу дивизии «за стойкую и героическую борьбу против немецко-фашистских оккупантов».

В феврале 1943 года 370-я дивизия вывели в резерв 27-й армии в район станции Парфино в центральной части Новгородской области. А к 1 марта наши войска вышли к реке Ловать, тем самым ликвидировав так называемый Демянский плацдарм немцев.

После этого дивизию вновь включили в состав 34-й армии. Наш Иван Андреевич участвовал в Старорусской операции, где бои за Старую Руссу были настолько ожесточёнными, что в сентябре дивизию снова вывели в резерв для пополнения и отдыха. Затем она перешла в 6-ю гвардейскую армию 2-го Прибалтийского фронта. Бог хранил нашего героя.

В конце 1943-го дивизия в составе 93-го стрелкового корпуса 3-й Ударной армии повела наступление западнее города Невеля Псковской области. Бабанак с бойцами участвовал в освобождении 60 населённых пунктов, вместе с товарищами по оружию вышел к реке Ливица, что примерно в 200 километрах от Пскова. А весной 1944-го дивизия наступала, освобождая от врага деревни Идрицкого района Липецкой области.

Предположительно в мае 1944-го Ивана Андреевича ранило. И 30 мая того года капитан Бабанак был комиссован на «гражданку». А 370-я дивизия шла дальше, с боями освобождая Украину.

К сожалению, не удалось установить, как и где проживал после увольнения наш герой, чем занимался в мирные годы.

Известно лишь, что капитана И. А. Бабанак по окончании войны наградили медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Другая награда нашла его уже в 1947-м. Это – медаль «За отвагу», которой он был удостоен приказом № 223/65 от 6 ноября 1947 г. (Издан Президиумом ВС СССР.

Документ находится в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. Фонд: 1691. Описание: 2. Дело: 17).

Эти документы были рассекречены в соответствии с приказом Министра обороны РФ от 8 мая 2007 года № 181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского Флота за период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» (с изменениями на 30 мая 2009 года).

Любе Богадюк выпало воевать всего четыре дня

Любы Богадюк не стало 21 июля 1942 года. Это был жаркий день. Он был жгучим от нестерпимых солнечных лучей и от яростных боёв с немецко-фашистскими захватчиками, которые наступали под городом Воронежем. Любе выпало всего неполных четыре дня быть на той страшной войне. А прожить – лишь восемнадцать лет. Но память об этой симпатичной скромной девчонке, отдавшей жизнь за Родину, будет храниться вечно...

Она родилась в 1924 году в деревне, вернее, в небольшом старинном селе Нижний Чулым Здвинского района Западно-Сибирского края (ныне Новосибирской области). Затем судьба перенесла её в город Гурьевск, который в те годы тоже относился к Новосибирскому региону и лишь в 1943-м был включён в состав вновь образованной Кемеровской области. Здесь она проживала с родителями по адресу: улица М. Горького, дом 135, квартира 2.

В 1941 году Люба окончила среднюю школу. А через несколько дней началась война, которая перечеркнула все мечты выпускников. До этого девушка предполагала учиться дальше, но теперь надо было помогать стране выстоять против фашистской чумы. Поэтому она пошла работать.

Устроилась ученицей в типографию при гурьевской городской газете «Знамя Ильича» (ныне «Знаменка»). Место было бойкое и интересное, ведь редакция всегда в курсе всех городских событий.

В начале 1940-х годов газету Гурьевска считали одной из лучших городских изданий Новосибирского региона. Так, незадолго до начала Великой Отечественной войны – в феврале 1941 года – отдел пропаганды и агитации Новосибирского обкома ВКП(б) за содержательную работу журналистов представил «Знамя Ильича» кандидатом для участия во Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ, г. Москва).

В то время редактором газеты работал Бабанакон Иван Андреевич, ответственным секретарём – Федосов Фёдор Данилович. Награда высокая, есть чем гордиться! И поездка представителей редакции летом того года состоялась, несмотря на войну. Об этом можно узнать из книги «Гурьевский район в годы Великой Отечественной войны» (КемГУ, Институт экологии человека СО РАН. Кемерово, 2010).

Редактор газеты часто заглядывал в типографию, узнавал, как дела у печатников, вносил правки в текущие полосы очередного номера. Отмечал редактор и работу старательной юной наборщицы Любы Богадюк.

В то время газету набирали вручную: букву к буквке вынимали из специальной буквенной кассы и складывали в слова, предложения, абзацы. Дело трудоёмкое, кропотливое, требующее большого внимания и старания. Через несколько месяцев обучения и практики у Любы это получалось не хуже, чем у более опытных коллег.

Кроме материалов местных репортёров ей приходилось набирать для печати и сводки Совинформбюро о сражениях Красной Армии с фашистами, а ещё – письма с фронта, сообщения о подвигах земляков в боях со страшным врагом. Нередко после трудовой смены она обсуждала эти новости со своими сверстницами – вчерашними одноклассницами. Девчонки часто говорили о желании попасть на фронт, чтобы тоже принимать посильное участие в битвах с фашистами.

Фронту требовались санитарки. Курсы медсестёр можно было пройти прямо в Гурьевске, что Люба и сделала. И, когда в 1942-м ей исполнилось восемнадцать лет, заявила о желании добровольно уйти на фронт. В Гурьевском райвоенкомате желание её учли, и вскоре девушка получила повестку – её призвали на службу, присвоили звание рядового Красной Армии, назначили санитаркой в формирующийся в Гурьевске 847-й стрелковый полк 303-й Кузбасской стрелковой дивизии.

Между прочим, этот полк начали создавать ещё в ноябре 1941 года. Местом формирования стал Гурьевский Дворец культуры, здесь расположился полковой административный пункт. В этом же здании размещалась мужская казарма. Штаб полка был расположен в деревянном здании на улице Карла Маркса (сейчас на этом месте располагаются здания полиции и суда).

В полк добровольцами записывались парни и девушки из Гурьевска, Салаира и Беловского района. Добровольцы, в числе которых со временем оказалась и Люба, оформляли документы, переходили на казарменное положение и проходили курс молодого бойца.

Женская казарма была в деревянном двухэтажном здании на Партизанской улице, сейчас это рядом с городским Управлением котельных и тепловых сетей.

В состав 847-го полка вошли более 200 девушек, в основном, добровольцев-санитарок. Всех их коротко остригли, одели в военную форму, выдали вещмешки, санитарные сумки, противогазы и начали обучать военному и медицинскому делу. Вчерашних школьниц учили стрелять, ползать по-пластунски, пользоваться противогазами, оказывать помощь раненым.

Старожилы города вспоминают, что кормили будущих защитников в солдатской столовой на улице Ленина. Теперь в этом здании продуктовый магазин «Магнит».

На фронт Любу проводили 22 апреля 1942 года. Гурьяне устроили торжественные проводы на войну своих мужей, сыновей и дочерей. Сначала 847-й полк отправился в Кемерово, а уже оттуда эшелонам в составе 303-й Кузбасской дивизии двинулись на передовую. «Дом позади, фронт впереди», – шутили девчата санроты.

Несколько раз за время пути состав бомбили фашистские самолёты. Тогда все выскакивали из вагонов и прятались в оврагах.

Из эшелонов дивизия разгрузилась в Липецке в середине июля 1942 года. Приказ был такой: совершить марш-бросок с полной солдатской выкладкой в сторону фронта, который проходил под Воронежем. Там шли кровопролитные бои. Надо было влиться в нашу 60-ю армию, встать щитом, преградив фашистам путь на юг страны, и сорвать планы гитлеровского командования.

Ценой этого стали жизни большинства солдат и санитарок 847-го стрелкового полка...

Расстояние в 120 километров до линии соприкосновения с врагом они прошли за двое суток. Дни стояли жаркие. Палило солнце. Дороги покрылись пылью. Всюду виднелись неубранные поля спелого урожая.

Бойцы не спали, как следует не ели. Едва держались на ногах, но передохнуть возможности не было – немецкие войска рвались к Сталинграду и Воронежу, и новобранцев с ходу отправили в бой.

Оставшиеся в живых ветераны дивизии вспоминали, что день первого сражения – 18 июля 1942 года – запомнили навсегда. Получив задачу: овладеть станцией Воронеж-II и выйти на юго-западную окраину города, – сибиряки пошли в наступление по абсолютно голой местности на хорошо укрепленные позиции немцев.

«Предстояло пройти каких-то 200-250 метров, – читаем в одном из документов-воспоминаний участницы тех событий, – но сделать это было практически невозможно, немцы как ошалелые лупили из пулемётов, накрывая огненным валом наших солдат. Земля дрожала от взрывов мин и снарядов. Наступление сорвалось, но был дан приказ: назад ни шагу!»

В том первом бою убитых было очень много, раненых – не меньше. Санитарки, среди которых была и наша Люба, впервые с ходу приступили к выполнению своей задачи, своего долга.

Полевой госпиталь организовали недалеко от линии огня. Быстро установили палатки, чтобы создать хоть какую-то защиту от солнца для раненых, которых санитарки приводили, приносили, а часто просто волоком доставляли сюда с поля боя. Скоро мест в палатках не осталось. А среди раненых и убитых были и сами юные медсёстры. В первый же день боев погиб командир Кузбасской дивизии Лев Иванович Остроухов. Командование принял Константин Федоровский.

К 75-летию отправки из Гурьевска на фронт 847-го полка гурьевская газета «Знамёнка» опубликовала большой материал, посвящённый этому событию (О. Силиванова, «Всё отняла проклятая война», 24 апреля 2017). Здесь размещены и воспоминания доживших до юбилея санинструкторов этого полка.

Вот строчки из воспоминаний санинструктора Александры Татауровой-Тереховой, одной из землячек и фронтовых подруг Любви Богадюк: «Первый бой я практически не видела. Было много раненых, они лежали в палатках и вокруг них. Юные медсестрички поначалу оплакивали каждого раненого, но потом слёз не стало хватать, а сердце окаменело от горя. В тот день, 18 июля 1942 года, я потеряла много своих боевых подруг».

В минуту затишья Александра писала письмо маме, причём, в стихах:

«Родная мать, твоё письмо простое
Мне принесли вчера, но лишь сейчас
На берегу речушки после боя
Его прочесть сумела первый раз...

...Здесь все бойцы одно имеют свойство –
И побеждать, и жертвовать собой.
И нету в том особого геройства,
Что выдержала я свой первый бой...».

Этот страшный первый день боёв выдержала и Люба.

Приказ был держаться. И сибиряки стояли насмерть. В первые дни боёв Кузбасская дивизия потеряла почти половину своего состава.

Люба Богадюк получила смертельное ранение 21 июля. Но за это короткое время наша землячка, бывшая наборщица гурьевской газеты «Знамя Ильича», проявила храбрость, успела спасти несколько раненых солдат...

Из таких, как Люба, и состоял гурьевский 847-й полк. А всего 180 дней и ночей, не отступая ни на шаг, 303-я Кузбасская стрелковая дивизия отбивала бешеные атаки противника. Сибиряки встали под Воронежем стальным щитом, преградив фашистам путь на юг. А закончил войну 847-й полк в 1945-м после освобождения Праги. Но Люба этого уже не узнает...

Похоронили Любовь Степановну Богадюк в братской могиле в Воронеже. У места её вечного упокоения есть точный адрес: город Воронеж, улица Юных натуралистов, братская могила № 15.

Здесь покоятся около 3 тысяч погибших воинов. Известны имена лишь 1224-х. И среди сотен имён есть имена санитарок из сибирского города Гурьевска, оставшихся в этой земле навсегда: Надя Маташкова, Нина Сидельникова, Катя Ядченко, Оля Курочкина, Люба Богадюк...

Это место захоронения погибших в Великой Отечественной войне советских солдат и офицеров «спряталось» в глубине улицы, застроенной частными домами, в окружении садов.

На невысоких стенах справа и слева от обелиска располагаются металлические плиты с именами погибших солдат и офицеров. Про многих мало что сейчас известно, но есть имена, о которых сохранилась хоть какая-то информация.

Сотрудники управы Центрального района Воронежа, а также студенты и преподаватели Воронежского государственного педагогического университета ухаживают за могилой: следят за порядком, в дни памятных дат приходят почтить память павших. А 26 мая 2018 года, к 100-летию Пограничной службы, на территории братской могилы установили пограничный столб и памятный камень «Пограничникам всех поколений».

После войны сотрудники Воронежского сельскохозяйственного института (ныне это Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I) вывели особый высокоурожайный и неприхотливый сорт вишни и назвали его в честь медсестёр-сибирячек «Гурьевчанка». Потом на окраине Воронежа, на том самом месте, где в июле 1942 гремели жестокие бои, раскинулся роскошный вишнёвый сад. Специалисты отмечают, что эти вишнёвые деревья выдерживают любую непогоду...

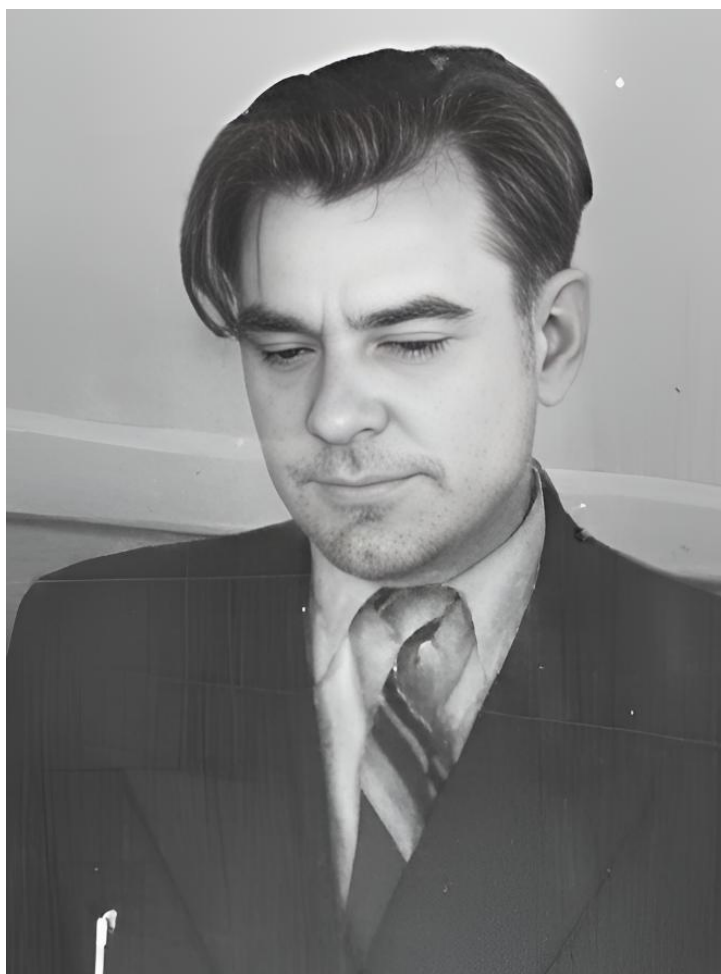
К этой истории надо добавить – напомнить, что и другие сотрудники редакции и издательства гурьевской газеты принимали участие во фронтовых битвах.

В буклете, посвящённом одному из юбилеев «Знамени Ильича» («Знаменки»), читаем: «В разные сроки были призваны в ряды защитников Родины печатник

Михаил Колмогоров, переплётчик Иван Торопецкий, литсотрудник Дмитрий Селивёрстов, бухгалтер Анатолий Пьянов, счетовод Иван Преснецов. Добровольно санитарками ушли на фронт заведующая типографией Татьяна Борисова, наборщица Любовь Богадюк. Все они храбро сражались с немецко-фашистскими полчищами, не щадя ни крови своей, ни самой жизни».

Из них вернулись с войны только А. Пьянов, И. Преснецов и Т. Борисова.

Иван Николаевич Васильев: «Мы будем выпускать самую лучшую газету в области!»

О газете «Вперёд» города Мариинска и Мариинского района написано немало. Её бывшие сотрудники, ветераны издания создали целую серию интересных очерков и заметок об истории своего издания. В одной из публикаций под названием «Вперёдовцы» читаем:

«Вперёдовцы». Так или каким другим званием объединить всех работавших в нашей газете? На вопрос этот однозначно не ответишь. Газета в разные годы выходила под разными названиями: «Известия Мариинского ревкома», «Луч красного солнца», «Пахарь», «Знамя коммунизма», «Заря»... И каждому, трудившемуся в ней, особенно близка газета своих лет.

Но для нас, сегодняшних газетчиков, дороги все эти пожелтевшие от времени листки. И жаль, что сохранились они далеко-далеко не все. Особенно – довоенных и военных лет. И помним, к сожалению, мы не все имена наших предшественников. Но вот что примечательно, по рассказам ветеранов очень живо представляем их, и атмосферу в редакции, и где какие были кабинеты, и какая мебель стояла. И байки редакционные передаются из уст в уста от поколения поколению». (https://inkhazadum.ucoz.ru/blog/oчерki_ob_istorii_mariinskoy_gazety_vperjod/2012-11-09-107).

Редактором мариинской газеты сразу в послевоенные годы был Семён Михайлович Жаворонков. Фронтовой газетчик, прошедший через войну, как в известной песне «с лейкой и блокнотом, а то и с пулемётом». «Суровый, жёсткий человек, – говорили о нём. – Но горой всегда стоявший за своих...».

А в 1950-е годы его сменил на редакторском посту Иван Николаевич Васильев, во всеуслышание заявивший, что будет выпускать самую лучшую газету в области. «Как воспринималось это заявление в разных кругах, неведомо, – пишет о нём мариинский журналист Иван Ефремов. – Только Иван Николаевич, опытнейший, большой интуиции журналист, собрал крепкий коллектив».

Во времена Васильева в «Заре» – так называлась при нём мариинская газета – работали и росли профессионально такие журналисты, как ставший доктором философских наук Виктор Александрович Колеватов; бывший впоследствии главным редактором отдела Западно-Сибирского книжного издательства Яков Мефодьевич Кузнецов; известный российский социолог и автор вузовских учебников Владимир Николаевич Колюбакин; прославленный кузбасский публицист, лауреат многих журналистских премий, в том числе республиканских, долгие годы проработавший в областной газете «Кузбасс» Александр Гаврилович Зайцев. И много кто ещё...

И. Н. Васильев родился в 1914 году. Вот строки из его автобиографии: «Я, Васильев Иван Николаевич, родился в селе Ельцовском на Алтае. Отца не помню: убит в Первую мировую войну. Жил с матерью. В 1929 году окончил восьмилетку. В том же году вступил в комсомол...».

Это, пожалуй, единственные строки из биографии», – сообщает Ф. Е. Дёмин в зарисовке «По путёвке комсомола» (журнал «Журналист Кузбасса», № 4, апрель 1983 г. С. 21-23), посвящённой мариинскому редактору.

Сегодня большое село Ельцовка на реке Чумыш известно в Алтайском крае России как крупный административный центр Ельцовского района и сельского поселения. А до этого древнее, основанное аж в 1770 году, поселение было знаменито на Алтае тем, что отсюда вышло немало известных людей. Иван Николаевич – один из них. Правда, если в память о родившейся здесь актрисе Е. Ф. Савиновой – той самой, которая сыграла главную роль Фроси Бурлаковой в знаменитом кинофильме «Приходите завтра» (1963 г.), – в селе открыли музей, то музея памяти редактора И. Н. Васильева здесь нет. Пока нет...

Впрочем, ни в отрочестве, ни в юности Ваня Васильев ни слова не говорил о журналистской работе. Об этой профессии крестьянский сын тогда и не думал.

Трудовая жизнь И. Васильева началась в алтайском селе Ново-Каменка после окончания школы. Ельцовский райком ВЛКСМ рекомендовал юного комсомольца на работу избачом.

Село было немалое: более 450 дворов, в которых проживало около 2,5 тысячи человек. Известно, что в 1928 году в селе, кроме избы-читальни, работали школа, лавка общества потребителей. Имелась и церковь, но была ликвидирована в период атеистической пропаганды. В административном отношении Ново-Каменка являлась центром сельсовета Ельцовского района Бийского округа Сибирского края. В Ельцовку, к матери, Иван часто ездил на попутной телеге или ходил пешком, благо, расстояние между сёлами не превышало и десяти километров.

В Ново-Каменке проживало немало молодёжи, которая часто собиралась у Васильева в избе-читальне. Здесь и вечеринки с песнями и танцами устраивали. Ваня, известно, был отменным гармонистом и плясуном. Худощавый, чуть выше среднего роста, симпатичный крестьянский парень – сапоги гармошкой и кепка восьмиклинка – он подкупал окружающих своим неуёмным характером. Эти качества в совокупности с должностью повышали его авторитет среди сверстников.

В конце концов, комсомольцы-новокаменцы избрали его секретарём местной комсомольской ячейки. И не ошиблись: его лидерские качества здорово помогали

ему быть вожаком сельской молодёжи, организовывать её на разные интересные и полезные для поселения дела.

Уже в 1930 году Ивана избрали заведующим орготделом райкома комсомола. Однако, скоро Ельцовский район упразднили. Часть его сёл и деревень отошла в Тогульский район, а остальные передали в Кузедеевский район.

А Васильев «загорелся» всесоюзной стройкой – в Кузнецке (ныне Новокузнецк) развернулся Кузнецкстрой, началось сооружение грандиозного сибирского гиганта металлургии – Кузнецкого меткомбината. Над большой стройкой первой пятилетки шефствовал Ленинский комсомол. Окружной комитет ВЛКСМ в городе Бийске направил на Кузнецкстрой группу молодёжи. В неё вошёл и Иван, добившись направления по комсомольской путёвке.

Размах строительства поразил его с первых дней пребывания в Кузнецке. Но он не растерялся, «выложил» членам строительного штаба свои таланты. И его назначили культмассовиком на сооружении первой комсомольской доменной печи.

Немаловажным для алтайского комсомольца стало знакомство с поэтом, который подписывался псевдонимом Сергей Холодный. Одним из главных заданий для культмассового сектора от руководства строительством печи № 1 стала организация стенной печати, где отражали бы ход сооружения объекта, хвалили передовиков, критиковали отстающих.

Васильев вместе с Холодным начали выпускать газеты-молнии, сатирические листовки. У этих стенгазет, которые прозвали «стенновками», собирался народ, рабочие читали вслух заметки, смеялись, узнавая в сатирических листках кого-то из коллег.

Начинающим репортёрам помогала бригада журнала «Крокодил» и сотрудники выездной редакции «Рабочей газеты» – органа ЦК ВКП(б). «Стенновки» вскоре начали пользоваться популярностью и авторитетом у строителей.

В распоряжении культмассового сектора была и небольшая радиостудия. Здесь Иван Васильев начал озвучивать свои заметки, утром и вечером передавал сводки о ходе строительных работ, об ударных бригадах опалубщиков и монтажников. Отправлял информацию о стройке и в городскую газету «Большевик Кузнецкстроя» (позднее переименована в «Кузнецкий рабочий»).

«Ведущие журналисты газеты «Большевик Кузнецкстроя» Павел Бондарев и Борис Ямпольский заметили паренька, – пишет в своём материале Фёдор Ефимович Дёмин. – Они-то и рекомендовали редактору газеты Александру Ивановичу Власову взять Васильева в редакцию». Так Иван перешёл в редакцию горгазеты, где началась его жизнь профессионального журналиста.

Мастерство нашего героя росло с каждым днём. Расторопный Васильев успевал не только побывать за день на нескольких объектах, он ещё и отписываться успевал, чтобы к сроку сдать материал в секретариат. Даже с начальником Кузнецкстроя Сергеем Мироновичем Франкфуртом (ставшим впоследствии первым директором Кузнецкого металлургического комбината) сумел познакомиться, а это вообще считалось в редакции «высшим пилотажем».

В 1930 годы на крупных предприятиях Новокузнецка начинают выходить многотиражные газеты. Горгазета, как правило, курировала их. Стала выходить многотиражка и на Куйбышевском руднике, называлась «За уголь». Редакция «Большевика» поручила её выпуск Ивану Васильеву.

Конечно, молодому журналисту были близки газетные призывы и лозунги тех напряжённых будней: «Даёшь чугун!», «Даёшь сталь!», «Даёшь рельсы!» Он стал участником торжественного пуска первой комсомольской домны.

У репортёров есть шутовское расхожее выражение: «Вставить фитиль коллегам», – это значит, опередить их в чём-то, сделать лучше всех. Вот на пусковом торжестве Вася и «вставил» коллегам свой первый в жизни «фитиль».

Было так. На первую плавку наехали корреспонденты центральных газет и зарубежных агентств. А редактор «Большевика Кузнецкстроя» поручил Васильеву во что бы то ни стало заранее заполучить рапорт строителей народному комиссару (по-нынешнему – министру) тяжёлой промышленности СССР Серго Оржоникидзе о пуске домны.

Мариинский журналист, известный кузбасский фельетонист Александр Гаврилович Зайцев в своих воспоминаниях описал в красках, как тогда в приёмную начальника строительства С. М. Франкфурта набилось много журналистов, все ждали этот документ. Сергей Миронович вышел из кабинета в приёмную с текстом рапорта, оглядел собравшихся, узнал Васильева и вручил ему текст для опубликования в газете. Маститые репортёры окружили парня со всех сторон. А он – довольный, «в стоптанных сапогах, кепчонке набекрень» – еле выбрался из окружения и помчался в редакцию. Рапорт наркому вышел на первой полосе «Большевика Кузнецкстроя» раньше других СМИ...

Когда в Новокузнецке начала выходить новая комсомольско-молодёжная газета «Стальная Смена», Новокузнецкий горком комсомола рекомендовал Васильева на должность заведующего отделом рабочей молодёжи редакции. Эта первая комсомольская газета в Кузбассе выходила до 1935 года. Её возглавляли редакторы Павел Канаев и Павел Партолин, которых утверждали в Москве, в ЦК ВЛКСМ.

В газете печатались боевые статьи и заметки. Но внимание читателей привлекали не только заголовки или содержание, но и подписи под ними: Борька Зубков, Ванька Васильев. «Не Иван, а именно Ванька, – уточняет Ф. Е. Дёмин. – А для меня, комсомольца 1930-х, необычная эта подпись как бы открывала форточку в мир нашей боевой, задорной юности: в ту пору, когда мы носили юнгштурмовки, подпоясанные скрипучими ремнями, наши девушки повязывали головы красными косынками, и мы после каждого комсомольского собрания пели «Молодую гвардию». ...И в ту пору в редакции «Стальной Смены» я сделал свой первый шаг в большевистскую печать. Долго мы с Иваном Васильевым шли по тернистому пути газетного дела – от юнкоров до редакторов газет. Журналистика стала нашей профессией».

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. 27-летнего Ивана Васильева из редакции направили на курсы в военное училище. В 1942 году назначили командиром взвода автоматчиков.

Он сражался на самых опасных участках Западного фронта, который в течение всего 1942-го и зимы 1943 года вёл тяжёлые бои на центральном стратегическом направлении. В кровопролитных сражениях Ржевско-Сычёвских операций соединения фронта освобождали от врага Московскую, Тульскую, ряд районов Калининской, Смоленской и Воронежской областей. Однако потери советских войск были очень большие.

В бою за деревню Каменка (на территории современной Воронежской области) пехотный полк, где служил Васильев, сражался отчаянно, наступающая немецкая дивизия потеряла более 450 человек личного состава. Только и Иван получил здесь сразу несколько тяжёлых ранений. С перебитыми ногами и простреленными лёгкими он попал в госпиталь в столице Бурятии – городе Улан-Удэ. Там был прикован к больничной кровати едва ли не целый год.

В конце 1943-го Ивана комиссовали, и он вернулся в Новокузнецк. Здесь стал заведовать отделом партийной жизни редакции газеты «Большевицкая сталь» (так к тому времени переименовали «Большевик Кузбасса»).

– Однажды сижу за своим столом в редакции, костыли поставил в угол, – вспоминал Иван Николаевич, – вдруг заходят секретарь обкома партии Александр Фёдорович Кожемякин, заведомо пропаганды и агитации Новокузнецкого горкома партии Александр Иванович Пулях, редактор газеты Павел Сергеевич Канаев. Секретарь обкома обвёл взглядом комнату, увидел костыли: «А это что – противотанковые орудия?» Тут началась беседа о работе газеты. Потом Пулях сказал: «Есть в обкоме предложение послать тебя в Гурьевск редактировать городскую газету».

Так в конце 1940-х годов Иван Васильев, уже опытный журналист, деловой, инициативный, честный, принципиальный, воспитанный на традициях легендарного Кузнецкстроя, стал редактором газеты «Знамя Ильича» (ныне «Знамя») в городе Гурьевске.

А должность на новом месте оказалась несладкой. В самом Гурьевске и в Гурьевском районе сложилась нездоровая обстановка. «Некоторые руководители помногу лет работали на одном месте, сжились с негативными явлениями, спелись», – отмечает Ф. Е. Дёмин. Однако, – пишет он, – с приходом Ивана Николаевича «на страницах газеты подул свежий ветер».

Редактор смело выступал на заседаниях бюро, пленумах райкома партии. Написал докладную записку на имя руководителя Кемеровской области – первого секретаря партийного обкома Василия Михайловича Мокрушина о сложном положении дел в районе, выступил со статьёй в газете «Кузбасс».

Впрочем, и тогда были «рычаги», с помощью которых всегда можно было отправить неугодного газетчика на повышение или, например, на учёбу. Подумали вышестоящие начальники над поведением непокорного Васильева, помозговали и... направили его учиться в Новосибирскую высшую партийную школу.

А когда он её успешно окончил, получив высшее образование, его назначили заведующим отделом промышленности и транспорта райкома партии, дескать, вот тебе партийный «руль», поди-ка, сам порули.

Но Иван Васильевич рвался в газету. Тогда его снова направили на учёбу – на этот раз в Москву, на курсы редакторов городских газет при ЦК КПСС. И уже после этого бюро обкома партии утвердило его редактором мариинской газеты «Заря» (ныне газета «Вперёд»).

Первый номер «Зари», подписанный Васильевым, – это выпуск за 1 октября 1952 года, № 118 (902). Напомним, Иван Николаевич встал на редакторский «мостик», сменив на этом посту фронтовика С. М. Жаворонкова.

Все, кому посчастливилось работать в редакции с Иваном Николаевичем, вспоминают эти годы как лучшие в жизни. Первое, что он заявил своим новым подчинённым: «Мы будем выпускать самую лучшую газету в области!»

Не все, наверное, тогда ему поверили, но промолчали.

Если воспроизвести «протокольную» фразу: особое внимание редактор сосредоточил на подборе и воспитании репортёрских кадров, – значит, не сказать почти ничего. Готовые журналисты в Мариинске никогда на дороге не валялись. Приходилось обходиться теми, кто есть, и среди них было много молодых. Но Васильев умел в каждом видеть зерно таланта, которое надо терпеливо проращивать.

Звёзды местной, да и кузбасской журналистики, выросшие при нём в «Заре», уже названы в этой публикации. На самом деле, надёжных журналистских перьев здесь было гораздо больше. И редактор умел всерьёз, а иногда и в шутку, ценить это.

– Это же интеллигенты, – обводя широким жестом свой спаянный коллектив, с пафосом восклицал редактор. – Лучшая газета в области!

«Иван Николаевич сильно преувеличивал, конечно, насчёт нашего интеллектуализма, да и высочайшей оценки газеты тоже, – иронично вспоминал Александр Зайцев (статья «Редакторская хватка», книга «Журналистика Кузбасса: строки истории», Кемерово, 2008. С. 218-222) – Почти все мы были ещё довольно зелёные, и опытный редактор, начинавший репортёрскую работу в «Большевицкой стали» на Кузнецкстрое и бравший интервью у самого Бардина (И. П. Бардин в 1929-1937 годах являлся главным инженером Кузнецкстроя. – Прим. С. Ч.), ещё только ставил перед собой и нами эту непомерно высокую цель. А пока школил и натаскивал нещадно».

С приходом Васильева в «Заре» началось не только становление нового коллектива. Газета переходила на четырёхполосный формат (до этого печаталась на двух).

Ответственный секретарь редакции Иван Ефимович Винников припоминает, что «объём работы увеличивался в два раза, соответственно рос и штат. В редакцию пришли Пётр Герасимов, Виктор Колеватов, Илья Гавриленко, Яков Кузнецов, Владимир Колюбакин, Александр Зайцев. Это были влюблённые в своё дело люди, умеющие работать, а в час досуга способные на дружеские розыгрыши...» («Газета «Заря» в моей памяти», «Очерки об истории мариинской газеты «Вперёд», 9 ноября 2012).

В редакции царил не просто творческая, товарищеская атмосфера. Даже тогда, когда Васильев журил кого-то, он делал это как-то уважительно, по-отечески. Набрался, видно, руководящего опыта всё в том же Новокузнецке и Гурьевске.

А. Г. Зайцев воскрешал в памяти эпизоды о том, как проходили редакционные летучки:

«Ванечка! Опять ты в галстучке и с проборчиком буржуем недорезанным по Ленинской, словно по зарубежной авеню, гуливаешь, – отчитывал редактор на планёрке всегда в отличие от некоторых других опрятно одетого ответсекретаря Винникова. – А родная газетка сегодня в колонтитуле второй полосы названа не «Заря», а «Зря».

Или заведующему отделом писем и культуры Кузнецову адресовал:

– Ты, Яшенька, шляпочку надел, а то, что статья учительницы Кулешовой второй месяц под сукном маринуется, у тебя и пузырь не всплыл. Хотя, можешь ведь, варнак, когда возьмёшься. Вон какую полосу о Чумайском восстании выдал. Редактору и пером ткнуть негде. Хворостины на тебя не хватает...».

Редактор имел на это «ворчание» полное право. Потому что сам был образцом районного журналиста – спорый на перо, умело формулирующий свои мысли для уровня местного, не всегда искушённого, читателя, лаконично и глубоко раскрывающий любую, казалось бы, непростую тему. Он и строчки своих подчинённых редактировал так искусно, с таким знанием дела, что обижаться на редактора было просто грешно.

«Мы своим неискушённым рабоче-крестьянским нутром чувствовали, однако, душевную незлобивость, а иногда и горячую отцовскую любовь к нам этого матёрого газетного «волка», – подчёркивал Александр Гаврилович Зайцев. – Замирали в восторге, вслушиваясь, как шеф «с выражением» диктовал (диктовал!) секретарю Гале – прямо из блокнота передовую в номер. А мы-то ночами

вымучивали свои жалкие корреспонденции, утром делая вид, что написано это всё только что, за сорок минут, за письменным столом редакции.

Иван Николаевич прочитывал. Бурчал: «Сено-солома». Но в корзину не бросал, а одной-двумя точными фразами приводил «произведение» в товарный вид.

– Ты мне не муссируй, ты мне гвоздь подай, – говаривал Иван Николаевич».

«Гвозди», вспоминают мариинские журналисты, добывали по-разному. Так, литсотрудник сельхозотдела Илья Васильевич Гавриленко с раннего утра уходил пешком, на протезе, в ближайшие деревни – Предметкино, Раевку, 2-ю Пристань, Антибес, Корики. И к обеду уже заканчивал репортаж.

Заведующий сельхозотделом Пётр Тихонович Герасимов уезжал в деревню на весь день. Вечером привозил фактуру на несколько корреспонденций и три-четыре подборки информации типа «Вчера в Колеуле» или «У нас в Благовещенке».

«Иван Николаевич по натуре своей был демократ, в смысле организации рабочего дня: в рамки журналистов он не ставил – сам планируй свое рабочее время, но вовремя сдавай материал, – возвращается к прошлому И. Е. Винников. – Он был опытным газетчиком, умел находить и предвидеть главную тему дня сегодняшнего и на перспективу. Жёсткого планирования в редакции не было. Планировалось отражать жизнь, зато оперативно. Знающий журналист, он мягко, образно поправлял нас.

Как-то при чтении моего материала сказал мне (он всегда называл всех только по именам): «Ваня, ты если хвалишь – так захлеб, если критикуешь – размахиваешь дубиной. Надо во всём иметь меру». Такое замечание я хорошо усвоил, потом, в секретарской работе, мне приходилось нечто подобное говорить начинающим сотрудникам, случалось, и обижались молодые коллеги, но вскоре сами усваивали это незыблемое журналистское правило».

Профессиональные подходы к делу Иван Васильев умел оценивать по достоинству. Умел он и «удары» держать, которые в непрерывном газетном потоке нет-нет и случаются. Один из них – курьёзный –

вспоминается даже через много лет.

Однажды Иван Николаевич поручил завотделом Владимиру Колюбакину осветить групповую комсомольско-молодёжную свадьбу сразу шести пар новобрачных. А тот допустил стратегическую ошибку: не переписал попарно женихов и невест до застолья, а сделал это после свадебного обеда. И... все пары перепутал.

В день выхода заметки в редакцию явились все шесть разъярённых пар молодых супругов. Володя же благоразумно смылся с рабочего места. Пришлось редактору несколько часов горячо убеждать парней и их рыдающих жен, что ничего страшного в их молодой жизни пока не произошло, что он с этого «писателя», который, к сожалению, уехал в командировку, шкуру спустит... Словом, кое-как погасил конфликт. Но и смеху потом в редакции было!

А редактор искал новые пути улучшения содержания «Зари», повышения её авторитета среди читателей и местных органов управления. Переводил сотрудников из одного отдела в другой, чтобы умели глубже разбираться в разнообразной тематике местной жизни, становились профессионалами-универсалами. И нередко свежий взгляд репортёра помогал подать тему ново и нестандартно.

И надо отметить, что газета при Васильеве становилась всё популярнее, рос престиж и тираж издания. «Тираж подскочил вдвое, – с удовлетворением отмечал Александр Зайцев. – Читают, выходит, не завёртывают. И как вообще однажды в День печати признала передовая статья «Кузбасса», мариинская «Заря» стала одной из лучших газет области...».

Вот она – мечта редактора!

«Заря» пользовалась большой популярностью у читателей остротой постановки вопросов, злободневностью тем. Иван Винников пишет: «Проводились целые газетные кампании. Бралась важные вопросы жизни города: торговля, благоустройство, экономика. Заводилась постоянная рубрика, во вводной ставились конкретные цели. Кампания могла длиться месяцами. Затем давался итоговый материал, по которому принимались соответствующие меры на исполкоме или сессии горсовета».

Опытный Васильев хорошо понимал большую пользу совместной работы газеты и местных властей. Ведь очень важно находить точки соприкосновения и вместе идти к цели. Цель-то одна – благо людей.

И атмосфера при нём в редакции была самая что ни на есть творческая. И шутили, и смеялись, если время позволяло. Работа для большинства сотрудников была в удовольствие. В редакции свою стенгазету делали с дружескими шаржами – и тут опыт, полученный Васильевым в культмассовом секторе Кузнецкстроя, пригождался.

Умел редактор держать вольный редакционный люд в трудовом тоне, пресекал тех, кто мог на рабочем месте предаться известной «дружбе» с Бахусом. Но если надо, мог поддержать человека, проявить заботу, найти нужные слова участия. Тот же Александр Зайцев, который до газеты трудился в мастерских пункта технического осмотра вагонов станции «Мариинск», признавался:

«Мне, вчерашнему токарю, было, наверное, труднее всех. Ведь, стоя у станка, работу газетчика представляешь не пыльной и денежной. А она оказалась ломовой, изнуряющей и предельно низкооплачиваемой. Был момент, когда не выдержал, запросился назад в родные вагонные мастерские. Но Иван Николаевич провёл вдохновенную двухчасовую беседу и переубедил...».

Известно, не одного Зайцева Васильев сумел переубедить и перевоспитать, поставить на прочные репортёрские «рельсы». Строго требовал не выдумывать в публикациях лишнего, жёстко придерживаться фактов, чёрное не называть белым и – наоборот. Если возникала необходимость справедливо покритиковать зарвавшегося чинушу, – редактор давал «зелёный свет». Но за птенцов своего редакционного «гнезда» Васильев умел постоять перед вышестоящим начальством.

Вспоминают случай, когда Владимир Колюбакин крепко высмеял в фельетоне одного высокопоставленного «товарища», как впоследствии оказалось, постоянного партнёра горкомовского начальства по преферансу. «Куда только не вызывали «опробочивого» сатирика, – пишет А. Г. Зайцев, – вплоть до КГБ... Редактору тоже записали: «Указать». Но, что самое любопытное, никто и не подумал извиниться, или как говаривал Иван Николаевич, «ни у кого в горкоме и пузырь не всплыл», когда вскорости того прохиндея по фактам фельетона посадили на семь лет строгого режима...».

Вот как! А нам сегодня продолжают твердить, что в те времена не было никакой свободы слова. Зайцев знает, что говорит: «Ерунда, что у нас – газетчиков – был застой. Само это дело, живое и несговорчивое, никакого застоя не терпит... Нас наши мудрые редактора (к сожалению, не везде они были таковыми) приучали смолоду быть всегда и везде честными, порядочными, не боящимися ради правды лезть на рожон».

Иван Николаевич полюбил и сам Мариинск с его патриархальной несуетностью, купеческой жилкой, своеобразной архитектурой. Конечно, с размахом Кузнецкстроя трудно сравнить, но есть в этом городе своя аура, какой нет ни у одного кузбасского

поселения. Может, оттого выросло и живёт здесь немало писателей и поэтов, которые, как умеют, славят свою малую родину, а вместе с ней – Кузнецкий край и всю Россию.

И к этим талантам Васильев относился с пониманием, мудрой осторожностью и терпением. При нём при редакции успешно действовала литературная студия, которой руководил сам редактор вместе с известным в Мариинске директором школы рабочей молодёжи № 1, преподавателем словесности Илларионом Ивановичем Алексеевым. Вот они-то и открывали «широкую дорогу» творчеству для юных дарований Мариинска, произведения которых публиковались на «Литературной странице» газеты. И здесь, видно, пригодился Васильеву опыт первых лет жизни в Новокузнецке, его знакомство с поэтом Сергеем Холодным...

Своими воспоминаниями о литературной студии поделился один из литстудийцев – Владимир Михайлович Залесов, выпускник мариинской средней школы № 2, проживающий ныне в Москве. Он начал посещать литстудию с сентября 1954 года: «Меня, школьника-десятиклассника, ждали и встретили приветливо. Так произошло моё знакомство с очень доброжелательными и интересными людьми: руководителем литературного объединения И. И. Алексеевым и редактором газеты И. Н. Васильевым».

В. М. Залесов пишет, что на собраниях литературной студии всегда царила доброжелательная атмосфера, непременно отмечались удачи, «мягко, щадя самолюбие авторов», показывались «слабые места в представленных рукописях».

На этих встречах давали высказаться каждому желающему, умело гасили неоправданные эмоции, активно использовали примеры из отечественной литературы: «Споры и дискуссии не всегда заканчивались в стенах редакции, а продолжались и на лестнице, и на автобусной остановке. Большинству участников литобъединения чаще всего не хотелось расходиться по домам, разрушать своеобразную атмосферу коллективного творчества и поиска».

Забегая вперёд, скажем, что после ухода из газеты И. И. Алексеева и И. Н. Васильева, литстудия в Мариинске на долгие годы прекратила своё существование. Новая литературная студия при редакции газеты «Вперёд» появилась почти через 20 лет – в 1982-м...

А пока грянул 1962 год – период реформ административно-территориального деления в СССР, когда в краях и областях создавались совнархозы, партийные органы делились по производственному признаку. В Кузбассе стало сразу два обкома КПСС – сельский и промышленный. Мариинский район соединили с Чебулинским...

Подверглись реорганизации и городские, и районные газеты. Так, были ликвидированы Тисульская, Тяжинская и Чебулинская газеты. Вместо них учреждалась одна – межрайонная, сразу на несколько районов – газета «Вперёд» в Мариинске. В то время она являлась органом обкома КПСС. (Лишь в январе 1965 года газета «Вперёд» вновь стала работать на город Мариинск и Мариинский район).

В эти дни предстоящей чехарды и неразберихи – в конце мая 1962-го – редактор доживающей последние часы «Зари» Иван Николаевич Васильев находился на лечении в санатории, место замредактора было вакантным.

«По журналистской иерархии я тогда оказался старшим в газете с правом подписи номера «в свет», – ворошит прошлое бывший ответсекретарь «Зари» И. Винников. – Мы в редакции знали о грядущих переменах, которые ничего хорошего не сулили:

многим предстояло потерять любимое дело. В такой обстановке ни о каком творчестве не могло быть и речи. Работа была парализована.

24 мая поступил звонок из сектора печати обкома: двадцать шестым числом выпустить последний номер газеты, дать на первой полосе извещение о прекращении издания. Немного активных творческих штыков оказалось под моим началом: два корректора, бухгалтер, техничка. Но выпускать надо. Собрал всё, что есть в папках отделов, остальное заполнил перепечатками. Всё!»

Итак, последний выпуск «Зари» пришёл к читателям 26 мая 1962 года. К концу этого дня, – уточняет Винников, – в редакции появилось новое руководство новой межрайонной газеты – редактор Григорий Михайлович Шинкаренко.

«Складывалась другая атмосфера, другие порядки – подчёркивает И. Винников. – Из старого состава в газете, которая получила новое название, остались двое – Пётр Герасимов и я...».

«Зари» нет, – писал и А. Г. Зайцев. – Другое название у газеты, целеустремлённое и властное – «Вперёд». И народ другой, такой же, как и во множестве других редакций. Деловой, серьёзный, интеллектуальный, пьют чай, спорят о сексуальной раскрепощённости, плюрализме и альтернативе».

А И. Н. Васильева перевели на новую работу. Вскоре он перебрался в Москву, где жила его дочь Маргарита Ивановна. Об этом периоде его жизни рассказывает Владимир Михайлович Залесов в статье «Словесники» (газета «Вперёд», 3 сентября 2004):

«Знакомство с И. Н. Васильевым возобновилось или, точнее сказать, продолжилось почти через 30 лет после памятного для меня первого захода в редакцию... Мы общались с ним по телефону. У него сильно болели фронтовые раны. Но он не терял интереса к жизни».

Иван Николаевич продолжал творческую работу, печатал свои статьи в московских изданиях – «Московской правде», «Вечерней Москве». О нём, как о фронтовике, писала «Красная звезда» и другие газеты.

«Мы передавали друг другу вести, доносившиеся из Кузбасса, и делились сибирскими газетами, – продолжает В. М. Залесов, – связующим звеном в нашем общении была дочь Ивана Николаевича Маргарита Ивановна – выпускница нашей же школы № 2...»

Ивана Николаевича очень волновали изменения в общественно-политической жизни, перестроечные потуги руководителей СССР. Его душу согревали успехи и внимание коллег, с которыми он долгое время проработал в газетах Кемеровской области. Интересными были его суждения и оценки книжных новинок, в особенности произведений В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина и других...».

К сожалению, осенью восемьдесят пятого Ивана Николаевича не стало. «В светлый и тёплый сентябрьский день 1985 года, – сообщил печальную весть В. М. Залесов, – родственники и земляки проводили Ивана Николаевича в последний путь...».

Тяжкие ранения доконнали-таки мариинского редактора. Похоронен И. Н. Васильев на Покровском кладбище в Москве.

Но нынешние коллеги не раз вспоминали, вспоминают и будут вспоминать редактора, который смело ставил перед коллективом высокую цель: «Мы будем выпускать самую лучшую газету в области!» И верится, что дух товарищества и святого поклонения любимому ремеслу, бытовавший в стенах мариинской редакции во времена Ивана Николаевича Васильева, здесь не выветрится никогда...

История о том, как электромонтёр ОблРадио Михаил Иванович Вдовиченко был военным моряком

Михаил Иванович Вдовиченко поздно связал свою судьбу со средствами массовой информации Кузбасса. Но выбор ветерана, участника Великой Отечественной войны, боевого моряка был неслучаен. Слушать по утрам новости и передачи по радио для него стало хорошей традицией в мирной жизни. Поэтому, когда в 1971 году он узнал, что на ОблРадио (ныне «Радио России – Кузбасс» ГТРК «Кузбасс») требуется электромонтёр, предложил свои услуги. И его приняли.

К этому времени, в свои 50 лет, Михаил Иванович уже находился на пенсии, но сидеть дома не привык. Трудолюбивый, ещё полный энергии и сил, он хотел и дальше быть полезным в работе. И несколько лет добросовестно трудился, помогая коллективу областного радиовещания решать возникающие время от времени в кемеровском Доме радио проблемы с электричеством.

Был скромным, говорили о нём старожилы ОблРадио. Не любил вспоминать ратные дни, проведённые на службе в Военно-Морском флоте СССР. И лишь в праздничные дни Победы над фашистской Германией его грудь украшали боевые награды, которыми награждают только настоящих героев.

Поскольку его мирная часть биографии довольно-таки известна, постараемся раскрыть, насколько представляется возможным, подробности военного периода его жизни.

Родился Михаил Иванович в городе Щегловске (ныне город Кемерово) в 1920 году в семье рабочего. Окончил здесь школу, а также получил среднее профессиональное образование. Когда парню исполнилось 19 лет, Кемеровский горвоенкомат призвал его на срочную армейскую службу. Так в 1939 году «сухопутный кемеровчанин» оказался на образованном недавно Северном флоте, штаб и главная флотилия которого располагались в рабочем посёлке Ваенга (ныне город Североморск), что недалеко от Мурманска, а второстепенные части флота – в районе большого Кольского залива.

Сибиряк своими глазами увидел, как в то время на Севере нашей страны активно строились базы и аэродромы, создавались береговая охрана и судостроительная база. К слову, первое боевое крещение Северный флот принял в войне с Финляндией в 1939-1940 годах.

Вновь испечённого матроса Михаила Вдовиченко обучили первым навыкам воинской службы на берегу, затем он изучал материальную часть на макете судна, получил воинскую специальность котельного машиниста корабля. В его обязанности входили не только хорошие знания устройства, но и умение обслуживать котлы, системы, управлять механизмами, средствами автоматизации и контрольно-измерительными приборами, связанными с котельной установкой корабля.

В действующей армии Михаил Иванович оказался всего за несколько недель до начала войны – 1 июня 1941 года. Руководство страны и Красной Армии, конечно же, знало, что прямого столкновения с Гитлером и его европейскими союзниками не избежать, и методично готовилось к этим грозным событиям...

Вдовиченко направили служить на новый эскадренный миноносец «Баку», прибывший на Северный флот с Дальнего Востока, где корабль уже сумел зарекомендовать себя. Впрочем, на истории легендарного судна, ставшего лидером эсминцев СССР, надо остановиться подробнее.

По тем временам это бы самый современный военный корабль в своём классе. Он относился к так называемому «проекту 38», предполагавшему создание многоцелевого боевого быстроходного маневренного корабля для борьбы с подводными лодками, самолётами и кораблями противника, охраны и обороны соединений кораблей или конвоев на переходе морем. Мог использоваться также для разведывательной, дозорной служб, артиллерийской поддержки при высадке десанта и для постановки минных заграждений.

Построили судно на Дальнем Востоке – вначале его заложили на судостроительном заводе № 198 в Николаеве, затем доводили «до ума» на стапеле завода № 199 в Комсомольске-на-Амуре. Корабль спустили на воду 25 июля 1938-го. После испытаний эсминец включили в состав Тихоокеанского флота, приписали к 1-му дивизиону ТОФ. И уже с июня 1940 года он начал принимать участие в постановках минных заграждений и сопровождении транспортов.

Известие о вероломном нападении Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года команда «Баку» встретила на Тихом океане. На западе страны начались тяжёлые бои по всей линии тысячекилометрового фронта – не только на суше, но и на море. И первые месяцы боевых действий показали слабость эскортных сил Северного флота, для защиты северных коммуникаций решено было усилить эту военную флотилию за счёт других флотов страны.

В мае 1942 года Ставкой Верховного Главнокомандования было принято решение перебросить с Тихого океана по Северному морскому пути на Северный флот бригаду эсминцев вместе с лидером «Баку». С 15 июля по 14 октября в составе Экспедиции особого назначения эсминец, несмотря на опасные льды, благополучно дошёл из Владивостока до пролива Югорский Шар, что расположен

между берегами острова Вайгач и Югорского полуострова материка Евразия, где соединяет южные части Баренцева и Карского морей.

Лидер стал одним из первых советских боевых кораблей, совершивших переход Северным морским путём с востока на запад. Преодолев 7360 морских миль, он прибыл в Североморск. После завершения перехода приказом командующего Северным флотом Арсения Григорьевича Головки от 24 октября 1942 года «Баку» возглавил 1-й дивизион новой бригады эсминцев СФ.

Вот на каком корабле начал воевать наш земляк! Для корабельного машиниста Вдовиченко начался новый этап морской службы. За короткий период времени он изучил не только вверенный ему участок машинного отделения, не раз обошёл и облазил все углы и закоулки судна. В представлении Михаила эсминец выглядел, как боевая крепость, небольшой, но грозный военный городок.

Длина корабля составляла около 130 метров – длиннее футбольного поля, водоизмещение – 2265 тонн, максимальная скорость крейсерского хода в форсированном режиме – 41,6 узла (около 85 километров в час), не всякий автомобиль тех лет был способен на такое на суше. На палубе красовались пять 130-мм артиллерийских орудий, два зенитных орудия, две полуавтоматические зенитные пушки и два зенитных пулемёта. Кроме того, эсминец имел на борту два счетверённых аппарата для торпед, комплекты мин различного образца, четыре комплекта параван-тралов, запас глубинных бомб, аппаратуру для постановки дымовой завесы.

Если лидер вступит в бой, противнику мало не покажется, – был уверен наш Михаил Вдовиченко вместе со всем экипажем более чем в триста человек.

Начавшиеся военные будни были для него нелёгкими. Порой, долгие часы несения вахты, согласно судовому расписанию, путались в голове моряка со временем отдыха. Случалось и так, что – по указанию старшего механика – котельного машиниста привлекали к работам по техобслуживанию и ремонту различных судовых узлов, к другим делам, не входящим в круг его прямых обязанностей, включая швартовные операции, крепление груза. Михаил любое задание выполнял безотказно и добросовестно.

Но, главное, в его смены в котловом хозяйстве был полный порядок.

Корабль и его команда начали принимать активное участие в боевых действиях Северного флота. Лидер «Баку» под командованием капитана 2-го ранга Б. П. Беляева уже через месяц после прибытия в Североморск совместно с другими кораблями привлекли к операции по защите союзного конвоя «QP-15», вышедшего с военным грузом из Архангельска, с которой моряки успешно справились.

Надо особо отметить, что и в 1943, и в 1944 годах эсминцы, пришедшие с Тихого океана, активно использовали для защиты внутренних и внешних конвоев, а также для действий на морских коммуникациях противника, для нанесения ударов по прибрежным немецким военным объектам. Бывали очень трудные ситуации, в которых моряки проявляли смелость и мужество, умело применяли боевую выучку и выигрывали сражения.

Один из тяжёлых боёв произошёл 20 января 1943 года. Эсминцы «Баку» и «Разумный» во время патрулирования морской акватории обнаружили вражеский конвой из двух транспортных кораблей в сопровождении охраны, состоящей из эсминца, тральщика и сторожевого корабля фашистов. Наши решили атаковать врага. В начале атаки лидер «Баку» дал торпедный залп. Одновременно оба наших корабля открыли артиллерийский огонь. В результате был потоплен транспорт «Танья», второй транспорт повреждён.

Тот скоротечный бой очень запомнился Михаилу Вдовиченко, как и вся команда, он на своём участке действовал чётко, как часовой механизм. Главной задачей расчёта машинного отделения было обеспечить отличный ход и манёвренность судна...

В боевых буднях быстро пролетали дни, недели, месяцы. Корабль лишь ненадолго заходил в порт приписки, чтобы пополнить боекомплект, запасы горючего и еды, и снова выходил в море. Капризы погоды командование не принимало во внимание. Вдовиченко и его боевые товарищи давно уже чувствовали себя настоящими морскими волками.

Вот хронология морских операций, в которых принимал участие наш земляк. В летней кампании 1943 года «Баку» входил в состав кораблей охраны, обеспечивавших переход ледоколов «Микоян», «Красин», «Адмирал Лазарев», «Монткальм» и ледореза «Литке» из Северодвинска в Карское море. На переходе имели место торпедные атаки немецких подлодок, но ни одна из них не увенчалась успехом, так как они своевременно пресекались кораблями охраны.

В ноябре 1943 года эскадренный миноносец «Куйбышев» и эсминец «Разумный» сопровождали конвой «АБ-55» в составе ледокола «И. Сталин» и ледореза «Литке» из Мурманска в Архангельск. А эсминцы «Баку» и «Разъярённый» обеспечивали прикрытия конвоя. В течение 16-18 ноября эсминцы неоднократно срывали атаки немецких подводных лодок. Причём, во время одного из бомбометаний потопили немецкую подводную лодку. 18 ноября конвой без потерь прибыл в Молотовск (ныне город Северодвинск).

В декабре 1944 года лидер «Баку» и эсминец «Разумный» с другими кораблями приняли участие в поисковой операции по уничтожению немецких подводных лодок. Действие происходило в районе Кольского залива и закончилось удачно – была потоплена вражеская субмарина «U-387».

В целом, за годы войны корабли, прибывшие на Северный флот с Тихого океана, успешно выполняли боевые задачи по эскортированию внутренних и внешних конвоев, поиску и уничтожению германских подлодок, уничтожению судов и кораблей противника. Личный состав эсминцев всегда проявлял отвагу и мужество, неоднократно отмечался в приказах командования.

Приведу строки из приказа № 7 от 10 июля 1944 года командира бригады эскадренных миноносцев Северного флота о награждении личного состава:

«От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество – награждаю: орденом «Красная Звезда»... краснофлотца Вдовиченко Михаила Ивановича, машиниста котельного третьего класса ЛД «Баку» бригады ЭМ СФ».

Командир эскадры ЭМ контр-адмирал

П. И. Колчин,

начальник штаба бригады ЭМ капитан 2-го ранга

Е. М. Крашенинников.

Морская служба Михаила Вдовиченко шла своим военным чередом. Командир корабля был доволен показателями работы службы машинного отделения, которая ни разу не подводила судно. Подчинённых старшего механика «Баку» не раз представляли к поощрениям, которые касались и Вдовиченко. За отличное несение службы он получал очередные звания и повышения – стал старшим матросом, затем старшиной II статьи, спустя год ему присвоили звание старшины I статьи и назначили командиром отделения котельных машинистов.

А командование флота ставило перед экипажем эсминца всё новые задачи. Вот короткие выписки из судового журнала корабля, отражающие нелёгкие будни многочисленных походов:

«24-26 августа 1944 года – «Баку» встречал и сопровождал союзный конвой «JW-59»; 25-26 октября 1944 года – «Баку» и три эсминца под флагом контр-адмирала В. А. Фокина вышли для обстрела береговых целей и гавани порта Вардё (порт в Норвегии, которая была союзником Германии во Второй мировой войне, находится на южной оконечности одноименного острова Вардё). Одновременно корабли произвели поиск кораблей противника у Тана-фьорда.

28 октября 1944 года – «Баку» встречал и сопровождал конвой «JW-61»; 6-8 декабря 1944 года – встречал и сопровождал конвой «JW-62», после чего принял участие в противолодочной поисковой операции. 1-2 января 1945 года – «Баку» охранял советский транспорт «Тбилиси», повреждённый немецкой подлодкой у мыса Олений. 3-5 января 1945 года – «Баку» участвовал в охране конвоя «БК-41», следовавшего из Молотовска в Мурманск. 7-9 января 1945 года – сопровождал беломорскую группу конвоя «JW-63». 16-18 января 1945 года – «Баку» сопровождал конвой «КБ-1» из Кольского залива в Молотовск»...

В начале 1945 года за участие в боевых операциях Северного флота Михаил Иванович был удостоен медали «За оборону Советского Заполярья». А лидер «Баку» за успешные боевые действия, высокую организованность и героизм личного состава Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1945 года наградили орденом Красного Знамени. Не ошибёмся, если отметим, что в этой высокой награде есть немалый вклад и нашего Вдовиченко.

В победном 1945-м в судьбе моряка Михаила Вдовиченко произошли перемены. Его перевели в Северную Тихоокеанскую военную флотилию (СТОВФ), расположенную в заливе Советская Гавань в Хабаровском крае. Война в Европе уже закончилась разгромом фашистской Германии и полной её капитуляцией. Однако в августе – сентябре 1945-го предстояла ещё война с имперской Японией. Поэтому США продолжали поставки вооружения для армии СССР по ленд-лизу.

В августе 1945 года в состав СТОВФ предстояло принять от союзников новый патрульный фрегат «Берлингтон» (класс «Такома»). Союзники в рамках секретной программы передали его советскому военно-морскому флоту в ожидании вступления Советского Союза в войну против Японии. В ВМС Советского Союза судно получило название сторожевого корабля ЭК-21.

По соглашению между ВМФ СССР и США советский экипаж для этого судна, в котором числился и Михаил Вдовиченко, проходил обучение на американской базе в Колд-Бэй (на Аляске). После завершения обучения нового экипажа корабль был сразу же передан Советскому Союзу. Вскоре он покинул Колд-Бэй, направился в Петропавловск-Камчатский, где служил патрульным судном на советском Дальнем Востоке.

Однако в крупных боестолкновениях корабль уже не успел принять участие, поскольку 2 сентября состоялось подписание Акта о капитуляции Японии, и Вторая мировая война завершилась.

Повезло старшине I статьи Михаилу Вдовиченко: 8 сентября 1945 года он был «списан на берег» в связи с демобилизацией. И вернулся в родной город Кемерово. В Кузбассе его нагнала ещё одна награда – медаль Ушакова. Документ о награждении нашего земляка – Приказ подразделения № 30/н – задержался где-то в штабных кабинетах и вышел лишь 7 декабря 1945-го.

Уточним, что этой медалью награждаются военнослужащие Военно-Морского Флота за личное мужество и отвагу, проявленные при защите Отечества и

государственных интересов страны на морских театрах военных действий, при защите государственной границы, при выполнении боевых задач кораблями и частями Военно-Морского Флота. По всему выходит, Михаил Иванович честно заслужил этот ратный знак. Вот что написал в его наградном листе командир ЭК-21 (СТОВФ), капитан-лейтенант Николай Васильевич Сайгушев:

«Вдовиченко Михаил Иванович, старшина I статьи, командир отделения котельных машинистов... представляется к награде за выполнение боевых заданий в Великой Отечественной войне. ...В период приёмки корабля от флота США исполнял по совместительству обязанности старшины котельной группы. За короткий срок он хорошо освоил механизмы и обеспечил бесперебойную работу всей котельной группы. Тов. Вдовиченко, отстояв свою вахту, оставался в котельном отделении и обучал молодой личный состав управлению механизмами. Котельные механизмы за время перехода и в настоящее время содержатся в образцовом состоянии, несмотря на большую изношенность...».

Оказавшись на гражданке, Михаил прошёл обучение на двухгодичных курсах повышения квалификации инженерно-технических работников-практиков. Работал по специальности «Техник химической промышленности узкой специализации» с правом занимать инженерно-технические должности на Ново-Кемеровском химическом комбинате (ныне АО «Азот»).

Отработав необходимое время в химической отрасли и заработав положенный льготный стаж, он досрочно – в 50 лет – вышел на пенсию. А дальше, как известно, устроился электриком на ОблРадио. Активно участвовал в обеспечении надёжной и качественной работы радио Кузбасса. И надо отметить, что в бытность Михаила Ивановича все вверенные ему источники электропитания работали исправно...

Окончательно уйдя на заслуженный отдых, М. И. Вдовиченко не разорвал связей с коллективом ГТРК. Приходил сюда на встречи с ветеранами, участниками Великой Отечественной войны. Не раз бывал на праздничных мероприятиях в честь Дня Победы, участвовал и в других событиях в телерадиокомпании.

Ушёл из жизни Михаил Иванович Вдовиченко в 1990 году, в возрасте 70 лет. Похоронен в Кемерово.

Собкор Всесоюзного радио Виталий Фёдорович Галдаев

Виталий Фёдорович Галдаев родился 16 января 1922 года в селе Кайла Судженского района Томской губернии (ныне это территория Яйского района Кемеровской области). Окончил сельскую школу. Трудовую деятельность начал в деревне. Здесь же он вступил в комсомол.

Как только парню исполнилось 18 лет, райвоенкомат Томского района призвал его на срочную службу в ряды Красной Армии. Это случилось в январе 1940 года. Попал в артиллерию. Его первым местом службы был 3-й зенитный артиллерийский полк противовоздушной обороны Тихоокеанского флота. Вскоре ему присвоили звание ефрейтора.

В ходе Великой Отечественной войны Виталия Фёдоровича перевели в другую часть – в 301-й гвардейский миномётный полк. Он был сформирован в августе 1942 года в Москве. Ветеран вспоминал, что для формирования полка в Москве было выделено здание и территория школы-интерната на Первомайской улице, где бойцы проживали и изучали новую секретную матчасть, прошли теоретический курс в течение трёх месяцев.

На вооружение полка поступили реактивные установки БМ-8 и БМ-13, позже названные «Катюшами». Это был один из первых миномётных полков, на вооружении которого находились реактивные установки. Вместе с новой военной частью в 1942 году Галдаева направили на фронт.

Полк состоял из трёх дивизионов, по три батареи каждый. Батарея имела четыре боевые машины. Полк получил наименование «гвардейского миномётного полка

артиллерии Резерва Верховного Главного командования». Тем самым подчёркивалось то значение, которое придавалось его вооружению и подбору кадров.

Вскоре полк своим ходом направили на Брянский фронт. Первый бой, первый залп – самые трудные, волнующие и ответственные моменты в боевой биографии каждой воинской части. Перед первым залпом во всех дивизионах и батареях прошли партийные и комсомольские собрания, в одном из них участвовал комсомолец Виталий Галдаев.

10 октября 1942 года полк дал первый залп по немецко-фашистским завоевателям. Разведка подготовила боевое задание, узнала координаты цели. Дивизионы полка скрытно выдвинулись на огневую позицию на краю деревни Круглая.

Полковая разведка установила, что в трёх километрах от передовой линии расположены немецкие склады с горюче-смазочными материалами и боеприпасами, а дальше немецкий штаб. Восемь огневых установок выстроились в одну линию. Командиры батарей и установок подали команду «К бою!» Расчёты на установках быстро перевели в боевую готовность свои машины. Прозвучала команда «Все в укрытие!». При этом в кабине машины остаются только шофёр и командир установки. Все остальные должны быть в укрытии. И вот командиры дивизионов подают команду: «За нашу Родину, по фашистским гадам, огонь!»

В декабре 1942 года нашего земляка перевели в 309-й аналогичный миномётный полк. Он воевал на Северо-Западном, Воронежском, Степном, 2-м Украинском фронтах. Артиллеристы поддерживали огнём «Катюш» соединения фронтов, участвовали в крупных войсковых операциях.

Вот строки из приказа по полку (представление к медали «За отвагу»):

«Командира отделения разведки управления разведки 309-го Гвардейского миномётного полка гвардии ефрейтора Галдаева Виталия Фёдоровича – за проявленное мужество и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками при форсировании реки Днепр. В боях смелый, решительный и инициативный. В любых условиях боевой обстановки все задания командования выполняет точно и своевременно».

Медаль «За отвагу» В. Ф. Галдаеву вручили в октябре 1943 года.

А через некоторое время наш земляк пошёл на повышение: ему присвоили звание младшего лейтенанта и доверили командование дивизионом реактивных установок. Он успешно руководил действиями своих подчинённых. Освобождал Украину, Молдавию, Венгрию.

Ветеран отмечал, что фашисты были буквально ошеломлены, когда на них обрушивался огненный смерч «Катюш», кому из них везло, те в панике спасались бегством. Врага потрясла невиданная сила уничтожающего огня. И противнику требовалось значительное время, чтобы собрать разбежавшиеся и деморализованные подразделения.

Но не только бои запомнились Виталию Фёдоровичу. В заметке «Ветеран войны и журналистики» (Т. Микельсон, газета «Кузбасс», 21 мая 2020) он рассказывал, как в перерывах между боями участвовал вместе с бойцами полка во фронтовой художественной самодеятельности...

Демобилизовался гвардии младший лейтенант Галдаев в марте 1947 года. И вернулся на малую родину.

А его путь в журналистику начался в Анжеро-Судженске – здесь он устроился литсотрудником в городскую газету «Борьба за уголь». В городе также была редакция проводного радиовещания, с которой Василий установил тесные

отношения. Не раз городской радиоредактор просила его озвучить, какую-либо из его газетных заметок, чтобы она прозвучала по динамикам городского радио.

Его радиорепортажи, которые возникали из печатных публикаций, стали время от времени выходить на областном радио Кузбасса. В результате журналистский талант Виталия Фёдоровича был замечен в Кемерове, и его позвали в редакцию ОблРадио. Он с удовольствием принял это предложение. И в 1970 году был зачислен в штат областной радиоредакции.

Работоспособный, пробивной, разговорчивый, он довольно скоро стал одним из лучших репортёров ОблРадио. Поэтому ему последовало приглашение – стать собственным корреспондентом Всесоюзного радио по Кемеровской области.

Замечательные репортажи Виталия Галдаева о кузбасских шахтёрах, селянах, металлургах, химиках, врачах и учителях не раз украшали эфир Центрального внутрисоюзного радиовещания, главная дирекция программ которого положительно отмечала работу кузбасского журналиста.

Ветеран ОблРадио (ныне «Радио России – Кузбасс») Тамара Алексеевна Зиндович отмечает, что Виталия Фёдоровича кемеровские коллеги называли «наш «златоуст» за то, что он умел разговорить самого неразговорчивого тракториста или шахтёра, даже самого молчаливого, не умевшего связать двух слов собеседника... Другой ветеран, отдавший работе на ОблРадио почти полвека, Юрий Усольцев говорит о Галдаеве: «Искромётный, талантливый человек, фронтовик. Можно так много вспоминать о нём, что эфирного времени, честно говоря, не хватит...».

Коллеги с областного радио часто помогали В. Ф. Галдаеву в работе, если надо организовывали ему необходимую техническую поддержку в подготовке материалов для Москвы, хотя рабочее место собкора Всесоюзного радио было организовано прямо у него на квартире на улице Островского, где проживала семья Галдаевых. Здесь одна из комнат представляла собой корпункт, её стены были опутаны проводами. Отсюда Виталий Фёдорович мог передавать новости, репортажи или комментарии – любую информацию о текущих событиях в Кузбассе в ходе прямых эфиров для столицы в любое время суток.

Когда Галдаев уволился из радиоредакции, его позвали на Кемеровский механический завод. Там он возглавил новую многотиражную газету. Первый номер многотиражки «Темп» вышел 11 апреля 1974 года. Партком предприятия с особой гордостью подчёркивал, что первым редактором этой газеты стал известный кузбасский журналист Виталий Фёдорович Галдаев.

Хочется отметить, что у героя нашего повествования была замечательная семья. Со своей женой Розалией Назаровной Виталий Фёдорович познакомился сразу после войны в военном санатории. Автор публикации «Ветеран войны и журналистики» Татьяна Микельсон пишет, что «это была любовь с первого взгляда». Фронтовичка Розалия в войну была госпитальной медсестрой. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями. День Победы встретила в Югославии.

Виталий Фёдорович уговорил красавицу-украинку поехать жить на его родину в Сибирь, в Анжеро-Судженск. И она стала сибирячкой. Здесь у них родились дети Людмила и Евгений. В послевоенные годы Розалия Назаровна работала в здравоохранении, в третьей горбольнице Кемерова. Её медицинский стаж насчитывает полвека.

Сын Евгений окончил исторический факультет Кемеровского госуниверситета. Сейчас проживает в Ростове-на-Дону. Вспоминает, что Виталий Фёдорович очень любил читать: «Отец еженедельно брал по шесть-семь книг в библиотеке имени

Гоголя на Весенней (ныне Библиотека городских историй) и прочитывал их. И приучил меня к этому. Подпитывал интеллект.

Он знал и записывал массу анекдотов, заразительно смеялся, прочитывая Чехова. Обладал чувством юмора и легко разряжал любую обстановку при общении... Это передалось от него и мне. И очень помогает в жизни. И моим сыновьям это тоже передалось». (Газета «Кузбасс», 21 мая 2020).

Михаил Васильевич Гвоздиков стал первым директором РТЦ в составе Кемеровской областной студии телевидения

Было время, когда Кемеровская студия телевидения (ныне ГТРК «Кузбасс») и радиотелецентр (ныне Кемеровский областной радиотелевизионный передающий центр – ОРТПЦ) были единым целым, находились под одной «крышей» Кемеровского телецентра, начавшего вещание в Кузбассе 22 апреля 1958 года. В этом едином комплексе и начал работать в первой половине 1960-х инженер-связист, участник Великой Отечественной войны Михаил Васильевич Гвоздиков.

Он родился 13 октября 1921 года в одной из деревень Рославльского уезда Смоленской губернии (ныне Екимовичский район Смоленской области) в крестьянской семье.

Учился в сельской школе. В 1940 году парня призвали на срочную службу в ряды Красной Армии. Здесь он впервые познакомился со специальностью военного связиста, пройдя обучение на специальных курсах. Вскоре ему присвоили воинское звание инженерно-технического состава – техник-лейтенант.

Михаила зачислили в 277-й отдельный батальон связи 115-й стрелковой дивизии, которой командовал опытный военачальник, генерал-майор Василий Фомич Коньков.

Эта армейская часть с первых дней участвовала во фронтовых действиях. В июне 1941 года дивизию передислоцировали на участок Варне – Курманпохья, который находится в северо-западной части Ладожского озера, – для обороны

государственной границы Советского Союза и Финляндии. Протяжённость участка по фронту составляла 47 километров.

В конце июля финские войска – верные союзники гитлеровской Германии – развернули здесь мощное наступление с выходом на станцию Сайрала (ныне посёлок Бородинское Выборгского района Ленинградской области). Связистам 277-го отдельного батальона выпало много работы: надо было обеспечивать непрерывную устойчивую связь со штабом армии, частями дивизии. Оборудование часто выходило из строя. В связи с этим радиотехника Михаила Гвоздикова, умеющего разобраться и устранить поломку, перевели в ремонтную мастерскую Финским войскам в первые дни августа удалось прорвать оборону дивизии, и в течение августа 1941 года части 115-й дивизии отступали в район восточнее Выборга. Нередко всем бойцам, включая связистов, приходилось ходить в атаку, сдерживая наступление врага.

В конце августа дивизия оказалась в окружении, с боями прорывалась к Ленинграду. В сентябре остатки дивизии вместе с частями 4-й бригады морской пехоты скрытно переправились на другой берег Невы, создав там плацдарм, известный в дальнейшем как Невский пятачок, который имел стратегическое значение в ходе битвы за Ленинград.

Куда бы ни бросала потом Михаила Васильевича военная судьба, он вспоминал, что под Ленинградом было самое трудное место войны. Невский пятачок сковывал силы врага, стал одним из символов мужества, героизма и самопожертвования советских воинов.

После тяжёлых боёв 1942 года под Ленинградом дивизию отвели в резерв для пополнения. И к концу сентября 1943 года она была переброшена на Брянский фронт.

Весь 1944 год Михаил Гвоздиков с соратниками провели в наступлениях. Позади остались схватки с гитлеровцами в январе 1944 года в ходе Старорусско-Новоржевской операции, освобождение города Холм, бои за так называемый Стрежневский плацдарм, что неподалёку от Пушкинских Гор.

Весной 1944 года дивизию перебросили на южный фланг 2-го Прибалтийского фронта, где в июле того года она вела наступление в ходе Режицко-Двинской операции, освобождала Латвию. Затем дивизия была переведена на северо-восточные подступы к немецкому городу Тильзит, била врага на Земландском полуострове, продвигалась на запад вдоль берега Балтийского моря (ныне всё это территория Калининградской области).

В мае 1945 года на Земландском полуострове 115-я стрелковая дивизия завершила боевые действия. И была расформирована. Демобилизовался и старший инженер-лейтенант Михаил Гвоздиков, которому к тому времени шёл всего 25-й год.

Китель молодого офицера украшали орден Красной Звезды, вручённый ему в апреле 1944 года. В мае 1945-го его наградили медалями: «За оборону Ленинграда», «За взятие Кёнигсберга», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Михаилу хотелось учиться. Он прознал, что в недавно освобождённую от фашистов Одессу вернулся бывший в эвакуации известный Одесский институт инженеров связи (ныне Государственный университет интеллектуальных технологий и связи).

У этого вуза, как и у всей страны, в годы войны была нелёгкая судьба. Первоначально институт эвакуировали в казахстанский город Гурьев, однако там он не смог начать работу из-за отсутствия помещений и был перебазирован в Ташкент.

В самой Одессе лабораторные корпуса института были разрушены и восстановлению не подлежали. Во время оккупации Одессы в учебном корпусе немцы расположили госпиталь. После освобождения в городе организовали изготовление учебной мебели, лабораторных стендов, это позволило уже в октябре 1944 года принять первых 60 студентов. Так как полуразрушенное здание студенческого общежития на Манежной улице было временно предоставлено преподавателям, студенты жили и учились в институтских аудиториях.

Нередко Михаил с одногруппниками выходил по просьбе ректората, возглавляемого тогда ректором Самуилом Давыдовичем Ясиновским, на субботники для восстановления нормальной учебной базы «альма-матер».

Михаил знал, что немало довоенных выпускников института стали признанными специалистами в области электросвязи. Но особо, на его взгляд, выделялся доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР С. М. Плахотник, окончивший ОИИС в 1931 году, возглавивший со временем Главное управление Министерства промышленности средств связи СССР. Сергей Митрофанович один из первых в Советском Союзе сконструировал телевизор. В середине 1930-х под руководством С. М. Плахотника впервые в Советском Союзе осуществили дальние передачи малострочного телевидения – из Одессы в Москву.

В те годы в стенах вуза часто велись разговоры о перспективах развития телевидения в СССР. И они не могли пройти мимо выпускника ОИИС М. В. Гвоздикова. Он окончил институт в 1951-м и по распределению поехал в Сибирь, в Кемерово, – столицу нового молодого сибирского региона.

Работал в одном из учреждений связи до тех пор, пока в 1964-м его не позвали в Кемеровский телецентр на должность главного инженера радиотелевизионного центра.

Это было время, когда телестудия и РТЦ работали, как единое учреждение, обеспечивающее выход в эфир передач Кемеровской студии телевидения (КСТ), которая вещала в Кузбассе с 22 апреля 1958 года.

Напомню, что РТЦ появился чуть раньше – в апреле 1957 года. И его специалисты выполняли большой объём работы для того, чтобы телевидение пришло в дома кузбассовцев не только в Кемерове, но и в Новокузнецке, Прокопьевске, других городах и районах нашего региона. Кроме того, подразделения РТЦ развивали и технические возможности творческих коллективов кемеровской студии телевидения и областного радио Кузбасса.

К середине 1960-х под чутким присмотром главного инженера РТЦ находились такие подразделения, как цех телевидения, участок передвижных телевизионных средств (ПТС), цех кинопроизводства, цех радиовещания, автотранспортный цех, отдел материально-технического снабжения и другие. А в 1967 году к ним прибавился и участок видеозаписи. Хозяйство хлопотное, от которого зависело – увидят или нет телезрители очередные телевизионные передачи. И бывший фронтовик Михаил Васильевич Гвоздиков справлялся с поставленными задачами на «отлично».

А в 1969 году в стране произвели телевизионную реформу. В результате Кемеровский телецентр оказался разделённым на два учреждения. Часть РТЦ осталась, как и прежде, при студии телевидения, в составе Комитета по телевидению и радиовещанию Кемеровского облисполкома; другая часть РТЦ – приказом министра связи СССР № 240 «Об организации радиотелевизионных передающих станций» (1969 г.) – трансформировалась в отдельную самостоятельную единицу: Кемеровскую областную радиотелевизионную передающую станцию (ныне Кемеровский областной радиотелевизионный передающий центр).

У РТЦ, оставшегося при телестудии, главными задачами стали производство и выпуск в эфир телепередач. А главной задачей ОРТПС с тех пор стало развитие любых средств связи, включая телевидение, строительство в Кузбассе телевышек, теле- и радиопередатчиков.

После реорганизации 1969 года первым директором РТЦ при Кемеровской телестудии стал Михаил Васильевич Гвоздиков. 8 декабря того года председателем Комитета по телевидению и радиовещанию Кемеровского облисполкома назначили Дмитрия Ивановича Култаева, а директором КСТ – Юлиана Ароновича Вишневого. И надо отметить, что в результате возник замечательный тандем для успешного развития в Кузбассе телевидения и радио.

Из особых достижений М. В. Гвоздикова на своём посту можно смело отметить запуск в январе 1970 года в Кемерове второй общесоюзной телепрограммы Центрального телевидения СССР. При нём пустили в работу аппаратно-студийный блок № 2 (АСБ-2), который состоял из аппаратной студии и павильона площадью 60 квадратных метров. С 1970 года отсюда можно было выходить в эфир так же, как и из привычной АБС-1. Это позволило увеличить производство передач областного телевидения.

Новокузнецкий корпункт Кемеровской студии получил передвижную телевизионную станцию (ПТС-3У), что увеличило оперативность подготовки новостных сюжетов с юга Кузбасса.

В аппаратной видеозаписи (АВЗ-1) были введены в эксплуатацию видеомагнитофоны «Кадр-3». Кстати, видеомагнитофоны такого типа находились в использовании до конца 1980-х годов благодаря высокому качеству и хорошей сохранности видеозаписей.

В 1971 году М. В. Гвоздикова на посту директора РТЦ сменил Геннадий Алексеевич Кокоулин – выпускник Новосибирского электротехнического института связи, пришедший инженером на Телецентр в одно время с Михаилом Васильевичем.

Дальнейший трудовой путь М. В. Гвоздикова уточнить не удалось. Известно, что в 1981 году он вышел на заслуженный отдых. А накануне 40-летия Победы над фашизмом – 6 апреля 1985 года ему вручили орден Отечественной войны II степени...

Владимир Алексеевич Гончаров более 45 лет трудился в районных газетах Кузбасса

Журналистом Владимир Гончаров стал после окончания Великой Отечественной войны, в которой принимал непосредственное участие. Фронтовые дороги наложили свои особенности на характер ветерана. Он до конца жизни помнил своих однополчан, ярость боёв с фашистскими захватчиками.

Он родился 10 октября 1926 года в городе Ленинске-Кузнецком Новосибирской (ныне Кемеровской) области. В 1943 году окончил среднюю школу. Почти сразу после этого получил повестку из военкомата: шла война, надо было защищать Родину.

В 1943 году по направлению райвоенкомата Владимир поехал в Иркутскую военную школу авиационных механиков. Ему хотелось научиться летать, но свободных мест в учебном заведении не оказалось. Даже всплакнул тогда, – вспоминал потом ветеран. Однако от судьбы не уйдёшь. Из-за переполненности авиашколы парня в декабре того же года направили в учебно-пехотный полк, где он принял присягу, прошёл военную подготовку и получил звание младшего сержанта. Предлагали учиться на офицера, только он отказался, хотел поскорее попасть на фронт.

Военный эшелон привёз молодых, необстрелянных бойцов в Подмоскowie. Оттуда они ещё неделю добирались пешком до передовой. И вот в пять утра загрела двухчасовая артподготовка, после которой Владимир Гончаров впервые в жизни пошёл в атаку на врага.

«В первый день много наших ребят полегло, – вспоминал В. А. Гончаров в интервью («Страшен лик войны», газета «Новая жизнь» Тисульского района, 24 апреля 2015). – Шли мы в атаку вторым эшелоном, потом первым. Очень потрясли меня тогда два момента...».

Увидел он, как в ходе боя один из наших солдат одной рукой держался за ствол берёзы, другой придерживал вываливающиеся из пробитого живота внутренности. А в следующем эпизоде застал в освобождённом от немцев окопе раненого врага с оторванной ногой. Растерялся, пожалел, стал бинтовать немца. Оказавшийся тут

же командир роты приказал оставить врага и догонять уходящую цепь наступающих...

Чем дальше шёл на Запад солдат с наступающими частями Красной Армии, тем больше видел смертей и пожарищ. В одном месте, рассказывал он, фашисты сожгли наш госпиталь с ранеными и медиками. Сердце воина черствело, укреплялась в нём ненависть к врагу.

А вскоре ему доверили пулемёт. Воевал пулемётчиком в 166-й стрелковой дивизии. В составе 1-го Прибалтийского фронта участвовал в наступательных операциях. Был пулемётчиком ручного пулемёта системы Дегтярёва, который весил 12 килограммов, диски с патронами к нему помогал носить второй номер пулемётного расчёта. Но при этом для воина возросла и опасность, ведь пулемётные точки противник подавлял в первую очередь. Их высматривали и уничтожали и снайперы.

Однажды немец штыком пропорол ему ногу, случайно не угодив в бок. Бежавший рядом боец пристрелил фашиста. В одном из боёв солдат получил более серьёзное ранение. А было так. В начале сентября 1944 года при освобождении Латвии наши войска взяли небольшой городок Ба́уска, километрах в 70-ти к югу от Риги. И с ходу пошли дальше. Остановились только в лесу, оказавшись в окружении врага. Во время разведки боем обнаружили впереди подозрительные кучи хвороста. И вдруг эти кучи начали разваливаться, а под ними оказались немецкие танки. Кругом стали рваться снаряды и мины. Одна из мин упала рядом с Гончаровым, осколок впился ему в локоть. Он закатал рукав, как мог, перевязал рану. Затем попал в полевой госпиталь.

Там выяснилось, что задета кость. Рана ещё окончательно не зажила, как солдата снова отправили на фронт, опять стал пулемётчиком, но уже в 357-м стрелковом полку стрелковой дивизии.

Однажды разрыв снаряда вывернул большой ком земли, которым полностью накрыло пулемётный расчёт Гончарова. Хорошо, что свои увидели и быстро откопали бойцов. В том бою Владимир получил контузию, месяц болела голова, ничего не слышал, стал заикаться.

Однажды во время передышки после нескольких бессонных суток солдат крепко заснул в окопчике и не услышал, как его часть ушла дальше. Проснулся, и только тогда заметил, что своих рядом нет, и недалеко немцы устанавливают орудие. И тут вражеский снайпер ранил его в плечо навывлет. Кое-как уполз в сторону своих по картофельному полю. Командир отправил его в санбат, там промыли рану, перебинтовали...

До мая 1945 года он принимал участие в боях на территории Литвы и Латвии, где наши бились с курляндской группировкой противника вплоть до её капитуляции.

Для сержанта Владимира Гончарова война закончилась на берегу Балтийского моря. За храбрость и стойкость наградили его двумя самыми уважаемыми фронтовиками медалями «За отвагу». Добавим, что уже в мирное время к ним добавились орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», другие награды.

Демобилизовался из армии в октябре 1946 года в звании капитана. А ведь участнику самой кровавой войны исполнилось только 20 лет.

Вернулся в Кемеровскую область.

И в декабре 1946 года устроился в редакцию газеты «По Сталинскому пути» (с 20 августа 1954 года она была переименована в «Красное знамя», а с 1 февраля 1992 года – газета «Эхо») Промышленновского района. Именно этот район граничит с его родным городом Ленинском-Кузнецким.

Вскоре начал работать в должности ответственного секретаря редакции. Вместе с коллегами писал районную историю, умело руководил и направлял работу газетчиков-репортёров, формировал выпуски очередных номеров районки, которая начала выходить три раза в неделю.

Целых 20 лет трудился Владимир Гончаров в газете Промышленновского района. Но спустя годы его потянуло к перемене мест. В 1966-м узнал, что есть вакансия на другом конце Кемеровской области – на её северо-востоке – в редакции газеты Тисульского района. И переехал в посёлок Тисуль.

Его приняли в районную газету «Новая жизнь», где он стал заведующим отделом партийной жизни редакции. Главными героями его публикаций были не просто члены партии, а, в первую очередь, хлеборобы и животноводы, учителя и медики, добытчики угля и нефелинов.

Прошло время, и Владимира Алексеевича назначили заместителем редактора этого издания. Не раз и не два, бывало, оставался в газете и за редактора, успешно руководил небольшим коллективом, заставляя журналистов выезжать в населённые пункты района и разрабатывать сразу несколько тем разных направлений. Делал всё, чтобы читатель чувствовал пульс района, жил его успехами и проблемами.

В. А. Гончаров трудился в тисульской редакции до 1991-го – 25 лет. И выйдя на пенсию, нередко заходил в редакцию, любил порасспросить сотрудников о житье-бытье. Газете верен был до конца своей жизни.

Не стало ветерана 2 сентября 2007-го. Ему шёл 82-й год. Похоронили участника войны, журналиста В. А. Гончарова в Тисуле.

Многие передачи Кемеровской студии ТВ своим успехом не в последнюю очередь были обязаны талантливому художнику-постановщику Рудольфу Желеховскому

Художник театра и кино Рудольф Францевич Желеховский, работавший в 1960-1970-х годах на Кемеровской студии областного телевидения, несомненно, был одарённой творческой личностью. Участник Великой Отечественной войны, своим более чем десятилетним мирным трудом он оставил заметный след в истории телевидения Кузбасса, о котором надо рассказать.

В 1925 году в большом селе Тогур Сибирского края (ныне посёлок в Колпашевском районе Томской области) в семье Франца и Марии Желеховских родился сын, родители назвали его Рудольфом.

Село, где жила семья, – одно из старейших поселений в Сибири. Издревле его образовали селькупы (остяки-самоеды) – малочисленный коренной народ, проживающий на севере Западной Сибири. В начале XVII века сюда стали приезжать русские переселенцы, позже здесь обосновывались и ссыльные люди. Благодаря новым жителям в поселении оживилось ремесленничество, торговля, в Тогурском проходила знатная ярмарка.

В своё время село было крупным административным центром с каменным Воскресенским храмом в самой его середине. Окружённое речными просторами, густыми хвойными перелесками, поселение жило не только активной экономической жизнью, здесь родилось немало талантливых известных россиян. Среди них – большой советский писатель Вадим Кожевников, автор знакомых

многим повестей «Знакомьтесь, Балуюев», «Щит и меч», «Великий призыв»; журналист и писатель Виль Липатов, произведения которого «Деревенский детектив», «Инженер Прончатов», «Анискин и Фантомас» и другие были экранизированы.

Также родились и окончили здесь местную школу популярные политики, герои войны, сибирские поэты и мастера живописи. Художник Рудольф Желеховский – один из них. Его родословная утекает корнями в царство Польское. Однако его родители давно прикипели душой к Сибири, привили сыну любовь к своей стране, к малой родине.

Мальчишкой любил он вглядываться с высокого берега – в том месте, где река Кеть впадает в полноводную Обь, – в красивые пейзажи окружающей природы. С детства у мальчишки прорезалась способность переносить на бумагу то, что однажды увидел. Сначала это были первые неумелые рисунки карандашом, а потом – и красками на холсте. Уроки рисования в школе стали для него самыми любимыми.

К окончанию школы он уже хорошо рисовал. Но всё же до конца ещё не решил: станет он ли портретистом, живописцем, а, может быть, баталистом. Однако природные задатки определили его дальнейшее призвание. Хотя реализовать его на первом этапе Рудольфу помешала война.

Когда комсомольцу Рудольфу Желеховскому исполнилось восемнадцать лет, его призвали в армию. В начале августа 1943-го он получил повестку из райвоенкомата. Сначала его направили на обучение в Военно-авиационную школу, расположенную в Троицке – городе в Челябинской области. Здесь готовили авиамехаников по эксплуатации самолётов, стрелков авиавооружения и воздушных стрелков.

Желеховский попал в группу стрелков. Прежде всего, на земле их обучили стрелять из пулемёта. Потом были первые вылеты с боевой стрельбой. Ещё курсанты школы проходили тактику воздушного боя, приобретали навыки оказания медицинской помощи. И самое главное – от них требовали уверенности в себе!

Через несколько месяцев ефрейтор Рудольф Желеховский освоил специальность воздушного стрелка и очередное воинское звание, став сержантом. И к весне 1944 года прибыл в действующий авиаполк в составе 810-го штурмового авиационного полка, входившего в 15-ю Воздушную армию 2-го Прибалтийского фронта.

Для воздушного стрелка Желеховского начались военные будни, состоящие из вылетов на задания командования, участие в воздушных боях.

В летних наступательных операциях 1944 года 15-я ВА содействовала наземным войскам Прибалтийского фронта при прорыве сильно укреплённой обороны противника в районе поселений Идрица и Себеж – Псковской области, Дрисса – в Белоруссии, участвовала в Режицко-Двинской операции. В сентябре-октябре принимала участие в боях за освобождение Латвии и её столицы – Риги. Враг не хотел сдаваться, поэтому у Рудольфа Желеховского и его фронтовых товарищей боевой работы было много.

В 1945 году в составе 2-го Прибалтийского, а с 1 апреля – в составе Ленинградского фронтов 15-я Воздушная армия участвовала в ликвидации курляндской группировки противника. Авиаполки армии участвовали в наступательной операции по разгрому группировки противника в районе Клайпеды.

Воздушному стрелку в составе лётного экипажа порой приходилось очень непросто. «Летишь в самолёте задом наперёд, обороняя самолёт, себя и жизнь экипажа, – вспоминал после войны Рудольф Францевич. – Ничем не защищён,

сидишь под прозрачным колпаком, как воробей на блюдечке. Вся защита – пулемёт, которым должен отбиваться от нападающих истребителей».

Во время одного из вылетов самолёт был сбит. Но Рудольфу удалось выжить, вернуться к своим.

Подсчитано, что за годы Великой Отечественной войны лётчики 15-й Воздушной армии совершили около 160 тысяч самолёто-вылетов. Часть из них пришлась на долю Рудольфа Желеховского.

В феврале 1946 года его демобилизовали. И он решил выбрать для проживания столицу недавно созданной Кемеровской области. Работал на разных должностях. В свободное время снова начал рисовать. Рудольф хотел учиться, а для продолжения образования выбрал открывшийся в 1949 году Кемеровский учительский институт.

В то время молодой вуз имел всего два отделения: физико-математическое и историко-филологическое. Рудольф выбрал второе. А когда окончил его и получил диплом школьного учителя, несколько лет трудился в школе. При этом он продолжал развивать свой природный дар живописца. Рисование постепенно становилось его второй специальностью, призванной всё полнее раскрывать его талант.

В апреле 1958 года в Кемерово пришло телевидение – Кемеровская телестудия начала постоянное вещание в эфире. В годы становления ТВ Кузбасса многие профессии телевизионщиков по популярности были чем-то сродни первым космонавтам. Телезрители хорошо знали наших первых дикторов Галину Скударнову и Татьяну Болотникову, режиссёра Виктора Руденского, умно и обстоятельно рассказывающего с экрана о новинках искусства. В титрах, которыми сопровождалась телесюжеты, часто мелькали одни и те же имена первых тележурналистов и операторов. Их любили, им завидовали, с ними хотели знакомиться. А потому работа на телевидении была престижной, многие молодые мечтали о ней.

Впрочем, не только молодые... Ведь судьба привела Рудольфа Желеховского на Кемеровскую телестудию, когда ему «стукнуло» уже 39 лет. Однажды он узнал, что на КСТ требуется художник-постановщик (эту должность ещё называют «главный художник»), предложил свои услуги, и его приняли. Приказ о его назначении подписал директор Кемеровской студии ТВ Дмитрий Иванович Култаев.

Роль художника на заре телевидения была особенно важной. На студии не хватало кинокамер, не было видеозаписи. От художника на ТВ требовалась быстрая и точная работа, поскольку часто серия поясняющих рисунков заменяла в телесюжетах фото- и киносъёмку.

Начало 1960-х годов – ещё и время расцвета телеспектаклей на КСТ. Жанр телевизионного спектакля возник на областном телевидении как вынужденная мера заполнения эфира, когда других собственных программ не было или их не хватало, чтобы привлечь зрителей.

Первые телевизионные спектакли Кемеровской студии: «Орлиная степь» и «Гранатовый браслет», «Горное гнездо», – вышли в эфир в 1960-1961 годах. Их первым режиссёром, как правило, был В. Я. Руденский. Потом были телепостановки «Ветер», «Сибирская новелла», «Чрезвычайное», «Рассказы А. Чехова» и многие другие.

Для каждого из спектаклей требовались костюмы для актёров, специальные декорации. Кстати, декорации нужны были не только для телеспектаклей. С самого начала работы телевидения в Кузбассе из-за отсутствия видеозаписывающей

техники все передачи шли в прямом эфире. И для их внешнего оформления – для красивой картинке на экранах – работала большая служба декорационно-постановочного цеха (ДПЦ), куда, кроме художников, входили, декораторы, столяры, швеи.

Вот где постоянно были необходимы организаторские навыки и дар художника. Рудольф Францевич – а именно так его теперь всё чаще называли на студии – с головой погружается в работу, рисует эскизы, ставит задачи перед коллективом ДПЦ.

Художник-постановщик Желеховский под руководством главного режиссёра КСТ или других режиссёров телевидения создает оформление телевизионных спектаклей, документальных фильмов и передач, готовит эскизы декораций, костюмов, реквизита, создаёт эскизы титров, принимает участие в их изготовлении, контролирует их производство и последовательное использование в процессе съёмок.

При этом надо помнить, что у телепередач – жёсткие временные рамки. Передача – телеспектакль или, к примеру, детская программа «Весёлый Карандаш» – должна была выйти в эфир согласно заранее опубликованной в газетах программе ТВ-передач. Поэтому оправдания типа: «Не успели», «У нас не получилось», – здесь не принимаются. Мало того, всё необходимо подготовить уже к тракту: генеральной репетиции-прогону перед выходом в эфир, – которую проводили с использованием всех необходимых телевизионных технических средств. Все трактовые репетиции проводили при смонтированных декорациях и с полной установкой в студии микрофонов, освещения, все участники должны были репетировать в сценических костюмах и гриме.

По оценкам коллег того периода, Рудольф Францевич с текущими задачами справлялся успешно, быстро схватывал задания и требования режиссёров, часто на ходу делая наброски будущих телевизионных сцен. Часто проявлял инициативу, предлагая свои варианты для лучшей реализации режиссёрских задумок. С особым мастерством расписывал задники большой студии ТВ. Поэтому сослуживцам нравилось с ним взаимодействовать.

Среди работ Р. Ф. Желеховского особо можно выделить оформление таких телепостановок, как оперетта «Прекрасная Елена» (1965), оперный спектакль «Риголетто» (1965), спектакль по пьесе Булата Окуджавы о декабристах «Глоток свободы» (1968) и другие.

Заметим, что последний из названных спектаклей телезрители увидели уже не в прямом эфире, а в видеозаписи. Телевизионная техника не стояла на месте: первая техника видеозаписи на КСТ появилась осенью 1967 года. «Но, чтобы вовремя снять и смонтировать постановку, наша группа затратила две бессонные ночи», – вспоминал потом режиссёр КСТ, постановщик пьесы Анатолий Григорьевич Моисеев (1934-1993).

Про талант Рудольфа Желеховского прознали в театре оперетты Кузбасса и стали привлекать его к сотрудничеству без отрыва от основной работы. Сначала – в качестве консультанта. Но вскоре он, как художник-постановщик, смог самостоятельно поставить в стенах театра спектакль, который назывался «Улыбнись, Света!» Это произошло в 1965 году.

Музыкальную комедию в двух действиях по пьесе Б. Рацера и В. Константинова советский композитор Георгий Портнов написал в 1962 году. После премьеры в Ленинграде пьеса была поставлена ещё в двадцати двух театрах страны, в том числе в Кемерове. У кузбасских любителей оперетты спектакль имел успех.

Чем его объяснить? Завязка действия проста. Студент пединститута однажды встретил стюардессу. И родилась любовь с первого взгляда. Вначале она не может так же радостно и безмятежно, как он, смотреть на мир. Ей уже пришлось испытать измену близкого человека. Она осталась одна с ребёнком, и ей кажется, что она больше никогда не поверит в добро. Но её окружают хорошие, отзывчивые люди из студенческого бюро добрых услуг. И её сердце начинает оттаивать. Она снова ощущает вкус к жизни, снова начинает верить в возможность настоящей любви...

Согласитесь, сюжет просто беспроектный. А во-вторых, режиссёр, конечно, не без помощи художника, – модными костюмами, яркими декорациями, лёгкой музыкой, другими сценическими средствами сумел организовать на сцене непринуждённую атмосферу лёгкой интриги и последовавшего за ней счастливого соединения двух молодых сердец.

«...Ещё одна незаменимая на телевидении профессия – художник, – подчёркивал в своих воспоминаниях бывший главный режиссёр областного телевидения Фёдор Мефодьевич Ягунов. – И сейчас, когда на телевидении широко используется компьютерная графика, и раньше, когда создавали игровое пространство с помощью кисти и красок. Многие передачи КСТ своим успехом не в последнюю очередь были обязаны талантливым художникам-постановщикам Рудольфу Желеховскому, Михаилу Бакшаеву, Александру Островскому...».

Кроме рисования у Рудольфа Желеховского были и другие таланты, которые тоже оказались востребованными. Он хорошо играл на баяне, прилично пел. Всё это пригодилось в 1960-1970-е годы – время расцвета художественной самодеятельности во многих коллективах Кузбасса. Кемеровская студия не стала исключением – здесь тоже любили петь, хористы-телевизионщики даже принимали участие в конкурсах самодеятельных исполнителей.

А организовал и слаживал хоровиков телестудии для участия в смотрах художественной самодеятельности именно Рудольф Францевич. Он же и сопровождал певца на баяне...

К сожалению, Р. Ф. Желеховский рано ушёл из жизни. Это случилось в 1975 году. Ему было всего 50 лет.

Легенда ОблРадио Василий Кириллович Жутяйкин

Ветерана Великой Отечественной войны Василия Кирилловича Жутяйкина кузбасские радиослушатели хорошо знали как автора многочисленных радиоочерков и радиопостановок о кузбасских горняках и передовиках других профессий.

Он родился 30 сентября 1926 года в селе Большое-Маресево Чамзенского района Симбирской губернии (ныне территория Республики Мордовия) в семье крестьянина. Об его отце подробных сведений найти не удалось. Его маму звали Прасковьей Никифоровной.

В 1943-м военном году Василий окончил школу. Жил он в это время уже в селе Лыс (входило в состав Кузедеевского района, недалеко от города Сталинск (ныне Новокузнецк)). В школе его приняли в ряды ВЛКСМ.

Юноши 1926 года рождения, по достижении 18 лет, ещё подлежали призыву в воюющую с фашистами Красную Армию. Поэтому, когда Васе исполнилось восемнадцать, его поставили на воинский учёт в Кузедеевском райвоенкомате. А через несколько месяцев, точнее, 3 февраля 1945-го, парня призвали в действующую армию. В документах о призыве сказано, что гражданской специальности он не имел. Сначала Василий попал в Кемеровский военно-пересыльный пункт, откуда 19 февраля его направили в воинскую часть.

Первым местом службы рядового красноармейца Жутяйкина стал 288-й запасной стрелковый полк 23-й запасной стрелковой дивизии. Полк дислоцировался на территории Новосибирской области. Тот, кто, как Василий Жутяйкин, ранее службу

не проходил, должен был обучиться началам военного дела и только затем направлялся в маршевые части.

Наш начинающий солдат, попавший в подразделение связи, осваивал азы военной науки, учился стрелять, ходить в атаку, преодолевать препятствия, окапываться. Получил Василий и военную специальность – стал телеграфистом-радиистом.

Затем подготовленное к битвам подразделение, куда входил В. Жутяйкин, направили в действующий 289-й стрелковый полк 120-й стрелковой дивизии на 1-й Прибалтийский фронт. Потом был 1-й Украинский фронт, были бои на территории Верхней Силезии (Германия), битвы за освобождение Чехословакии.

289-й стрелковый Нарвский ордена Александра Невского полк закончил боевые действия 11 мая 1945 года в районе города Костелец-над-Чёрными-Леси (Чёрни-Костелец или Шварцкостелец) в Среднечешском крае Чехословакии.

120-я стрелковая Краснознамённая Гатчинская дивизия была расформирована в августе 1946 года. Окончание службы Василия Жутяйкина (свидетельствуют документы Центрального архива Министерства обороны – ЦАМО. Учётно-послужная картотека. Шкаф 388. Ящик 16) состоялось 10 апреля 1946 года.

После демобилизации Жутяйкин вернулся в Кузбасс.

Отыскать информацию о том, чем Василий Кириллович занимался в первые послевоенные годы, к сожалению, не представилось возможным. Тем не менее, судьба привела его в журналистику. Несколько лет он был редактором многотиражной газеты на одной из шахт Кемеровской области. Получил высшее профессиональное образование – в 1961 году окончил Новосибирскую высшую партшколу.

Вот что рассказала Тамара Алексеевна Зиндович, старейший журналист Кузбасса, точнее, радиожурналист с более чем 40-летним стажем, которая 30 июля 2024 года отметила своё 88-летие:

– Я пришла на областное радио (ныне «Радио России-Кузбасс», входит в состав ГТРК «Кузбасс») в 1960 году после окончания филфака Уральского государственного университета имени Горького. Работала редактором в новостях и в молодёжной редакции ОблРадио. Василия Жутяйкина тогда ещё у нас не было. Его приняли позже – в 1964-м.

До него в промышленной редакции основательно делал сюжеты о нелёгком шахтёрском труде Александр Яковлевич Волков. Но когда его сменил Василий Кириллович, в радиоэфире начали появляться и очерки, и радиокomпозиции, и спектакли о горняках.

С его приходом передачи нашего радио на промышленные темы стали интереснее. А ведь это всегда была самая сложная тематика – что об угольном производстве, что о сельском хозяйстве, что о строительстве или транспорте. Везде же – в каждой отрасли – своя специфика. Для меня многие проблемы экономики были просто ой-ёй-ёй! Как донести их до слушателя? Придётся, бывало, за советом к Жутяйкину, он всё толково, без выпендривания, разъяснит, разжуёт. Мне всё становится понятным. А, значит, понятно и тем, кто потом услышит по радио мой репортаж. При этом Василий Кириллович был очень скромным, трудолюбивым, делал своё дело профессионально, но без шумихи, как-то незаметно.

– О военных своих подвигах не очень-то любил вспоминать, – продолжает Тамара Зиндович. – Разве что в День Победы... Обычно 9 мая в конце 1980-х годов в наш Кемеровский областной Дом радио по улице Красноармейской, 137-а, наши сотрудники – участники Великой Отечественной войны – приходили с орденами на груди. Среди них два «гренадера» – Василий Фёдорович Холодок, бывший политрук, участник парада 7 ноября 1941 года на Красной площади, бывший

учитель, участник Сталинградской битвы Николай Ильич Степанов. Также наш «златоуст», собкор Всесоюзного радио Виталий Фёдорович Галдаев и фронтовой корреспондент, редактор «Новостей» ОблРадио Михаил Васильевич Ялин, бывший фронтовой разведчик Пётр Михайлович Попов. А Иван Андреевич Сокол и Павел Викентьевич Бельский по-джентльменски сопровождали нашу единственную женщину с боевыми орденами и медалями Наталью Фёдоровну Микушину, связиста на фронте, а после войны – инженера центральной аппаратной областного радио. Был среди них и парнишкой ушедший на фронт Василий Кириллович Жутяйкин.

Гостей встречали накрытые столы и настоящая, но только новая, не пробитая осколками, полевая палатка, позаимствованная в областном драматическом театре, из которой наши девчонки в солдатских пилотках выносили фронтовикам «наркомовские» сто граммов и горячую кашу...

На радиоработу В. К. Жутяйкина в 1964 году принимал Пётр Михайлович Попов, который тогда возглавлял ОблРадио. Сначала Василий Кириллович был корреспондентом редакции промышленности и транспорта, а потом возглавил её.

По радио тогда ежедневно транслировались последние известия Кемеровской области – о производственных, культурных и спортивных успехах, об итогах выполнения пятилеток, звучали сводки погоды, концерты, выступления писателей, поэтов, производственников, политические и информационные беседы, литературные и молодёжные передачи.

Участвовал Жутяйкин вместе с коллегами и в субботниках на стройплощадке нового Дома радио, сооружение которого началось в середине 1960-х годов. Потом в 1973 году в новом светлом просторном здании ОблРадио на улице Красноармейской, 137-а, ему и его редакции выделили отдельный кабинет. Талант радиожурналиста раскрывался всё полнее.

Алла Михайловна Кузнецова, с 1964 года работавшая заведующей фонотекой ОблРадио, рассказывает, что Василий Кириллович Жутяйкин ей запомнился человеком скромным, приветливым, улыбчивым:

– Он у нас на радио был парторгом. Считаю Василия Кирилловича очень талантливым человеком. О его передачах всегда тепло отзывались коллеги и радиослушатели. А ещё он писал стихи. И его поэтические поздравления получал каждый из нас, его коллег, в день рождения. Он с удовольствием помогал молодёжи, пришедшей на радио, осваивать радиожурналистику на практике.

Бывший руководитель службы новостей и главный редактор Облрадио Геннадий Леонидович Мызин дополняет:

– Василий Кириллович Жутяйкин – из тех, чьё имя вошло в историю журналистики Кузбасса. Мы работали в разных редакциях, но с удовольствием общались и за пределами радио. У нас образовался своего рода костяк по общим интересам, хотя мы с ним были людьми разных поколений. Но нас сближал общий взгляд на жизнь, на интересы выбранной профессии.

Мне особо запомнился непростой цикл передач, которым Жутяйкин занимался одно время. Для нынешнего поколения радиослушателей программа называлась скучновато: «Планы партии – планы народа». Уже из названия понятно, какое значение она имела в радиоэфире. А Василий Кириллович сумел сделать её интересной. Он очень ответственно относился к её подготовке. При его богатом журналистском опыте и таланте его передачи заметно выделялись.

Хочу вспомнить один случай, хоть он и не имеет отношения к журналистике, но запал в память тех, кто работал рядом с Василием Кирилловичем. В советские времена в паспорте была графа о национальности. Василий Кириллович был

мордвин. Однажды получил он новый паспорт, в котором допустили ошибку. В графе национальность написали «мордовка». Василий Кириллович решил эту досадную ошибку работников паспортного стола исправить самостоятельно. Очень аккуратно подчистил в документе слово, чтобы написать «мордвин». Но, видимо, разволновавшись, вновь написал национальность в женском роде. Так ошибка в его паспорте и осталась...

Очень хорошо знал Василия Кирилловича Юрий Михайлович Усольцев, диктор, радиоведущий, лауреат премии Кузбасса:

– Он досконально знал промышленность нашей области. Много ездил по командировкам, постоянно бывал на предприятиях. В то время интернета ещё не было. Это сейчас из «всемирной паутины» можно почерпнуть любые необходимые сведения. А тогда и репортажи-то писали от руки. И, хотя шариковые ручки уже были в ходу, Василий Кириллович предпочитал пользоваться перьевыми.

Он был из того поколения, которое зацепил «хвост» войны. Многие из них ушли из жизни молодыми. Однажды у Василия Кирилловича на глазах коллег случился инфаркт. Он вышел с редакционной летучки и упал... Была у него и личная драма: трагически оборвалась жизнь его единственного сына. Очень тяжело они с супругой Клавдией Васильевной переживали это горе.

Мы время от времени бывали у них дома. Они жили недалеко от здания ОблРадио – в доме на улице 50 лет Октября, где когда-то располагался известный магазин «Ярославна». Семья гостеприимная. Радийцы любили бывать у них. Помнится, была такая черта в характере у Василия Кирилловича: рассказывая какую-нибудь историю, любил, как говорится, присочинить. Но это не во вред другим...

Журналист, руководитель редакции промышленности и транспорта областного радио Василий Жутяйкин не стоял на месте, постигал новые секреты мастерства, вникал в возможности технического развития радио, чтобы умело использовать их при подготовке передач.

В начале 1980-х годов ОблРадио возглавил директор Алексей Николаевич Калинин. Калинин, как отзывались о нём подчинённые, – это олицетворение трудовой дисциплины. Он ввёл чёткое планирование на недели и месяцы вперед, сделал обязательными регулярные встречи с радиослушателями, в которых принимал участие и В. К. Жутяйкин. Нередко после такого диалога творческих работников и, скажем, заводчан, появлялся очередной цикл передач.

Тамара Владимировна Алиева, которая пришла корреспондентом на ОблРадио в 1980 году, затем сменила А. Н. Калинина на посту директора областного радио, а с 2000-го по 2016-й год трудилась председателем ГТРК «Кузбасс», директором филиала ВГТРК ГТРК «Кузбасс», считает, что В. К. Жутяйкин – это легенда ОблРадио:

– Среднего роста, с высоким лбом и большими залысинами, он запоминался мгновенно. Глаза его, тёмные, какие-то необыкновенно влажно-маслянистые, казалось, видят тебя насквозь. Он сходу определял: будет с новичка толк или тот зря время на журналистику тратит.

Наша первая встреча с Василием Кирилловичем просто врезалась в память. «А ну-ка, повернись вокруг себя, девица», – приказал он мне полушутя. И я, как замороженная, прокрутилась на 360 градусов. «Худовата, но не дура», – прозвучало как приговор. Сидевший с Жутяйкиным в одной редакции Валерий Кропотов рассмеялся и попросил не обижаться. Вот так и познакомились.

Василий Кириллович в сложнейших отраслевых вопросах разбирался как настоящий профессионал. А повествовал при этом в своих репортажах про работу заводов, фабрик, производственных бригад, про новаторские всякие идеи легко,

интересно и всем понятно. Письма получал пачками. Его звали посмотреть и рассказать через радио всем, как хорошо или, наоборот, не очень, на каком-то предприятии. Потому постоянные командировки Жутяйкина – явление обычное.

А ещё помню его постоянную суперпрограмму про дороги. Называлась она соответственно – «Магистраль». Выходила в эфир еженедельно. Начиная с дорог, важнейших и значимых, таких, как, например, Транссиб, и заканчивая поселковыми, – везде побывал мой замечательный коллега. Вернётся, бывало, из командировки и напишет прямо-таки роман. Операторы за голову хватаются: много, не войдём в эфир. Процесс сокращения текстов передач у Жутяйкина – особая радиийная легенда. Он почти не глядя вытаскивал из микрофонной папки несколько страниц. И это было прямо какое-то волшебство! Потому что структура повествования не нарушалась. Всё шутили: видит Вася тему насквозь, потому так мастерски сокращает то, что можно.

– С большой благодарностью и теплотой вспоминаю его обзоры на традиционных летучках, – ещё добавляет Тамара Владимировна. – Глубокие и необидные. С шутками и примерами. Он делал их, опираясь на свой богатейший журналистский и житейский опыт. Мастодонт, одним словом. Жаль, что нынче на радио даже похожего ничего нет. Настоящий советский радиожурналист!

Около двух десятков лет отработал Василий Кириллович Жутяйкин на областном государственном радио Кемеровской области. За это время в эфир вышли не сотни – тысячи его передач, репортажей, новостей.

Но его сердце начало давать серьёзные сбои. И, по рекомендации врачей, ему пришлось оставить любимую работу. 24 июля 1982 года он уволился с ОблРадио в связи с уходом на пенсию по инвалидности. Ему тогда не было и 56 лет.

А уже 12 ноября 1982 года журналиста В. К. Жутяйкина не стало...

Иван Андреевич Сокол победил на войне и отдал жизнь областному радио

«Иван Андреевич Сокол внешне очень соответствовал своей фамилии, – вспоминает своего коллегу бывший директор областного Дома радио и экс-председатель (директор) ГТРК «Кузбасс» Тамара Владимировна Алиева. – Широкоплечий, длинноногий, всегда с прямой спиной и умным пронзительным взглядом из-под очков в роговой оправе. Настоящий Сокол!

И в поведении он был таковым – основательным, умеющим рационально распределять время и потому казался неторопливым, всегда был спокойным и внимательным. Особенно в отношениях с молодыми коллегами.

Идешь, бывало, к нему в кабинет сдавать текст передачи (так называемую микрофонную папку) – а по спине холодок. Всё ли правильно сделал? А он, руководитель – главный редактор ОблРадио – усадит тебя напротив и давай для начала спрашивать. Про мужа спросит, про детей и про здоровье, про последнюю командировку... И делает это так заинтересованно и просто, что поход к начальству не выглядит пыткой.

Поговорит и отправит в редакцию ждать результата. Причём, прочитав всё и поправив, не вызывает к себе, а заходит к тебе в кабинет сам. Сначала обязательно похвалит (всегда находил за что), а уж после спокойно и рассудительно, с высоты своего огромного журналистского и житейского опыта объяснит, что, где и как надо дописать или вообще переделать.

Мы, молодёжь областного радио, Ивана Андреевича нисколько не боялись. Наоборот, уважали и любили. Понимали: профессионал, мастер слова...».

А ведь судьба у ветерана Великой Отечественной войны была непростая. Родился Иван Андреевич 19 января 1923 года в уездном городке Славгороде Алтайской губернии (ныне Алтайский край).

Его родители – переселенцы из Центральной России – прибыли на Алтай по реформе, проводимой ещё в 1910-е годы в царской России председателем Совета министров Петром Аркадьевичем Столыпиным. Как и большое количество жителей Центральной части России, а также Малороссии, они устремились в Западную Сибирь, где всем желающим предоставлялись земли для ведения сельского хозяйства.

Только недаром говорят: «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше». На Алтае им не пожилось, и вскоре они обосновались в Щегловске, который в 1932 году переименовали в Кемерово. Ваня учился в средней школе № 16, расположенной в Рудничном районе. Известно, что в школьные годы юноша начал сочинять стихи, даже посылал свои рукописи в газеты. Окончив школу в 1941 году, сначала поработал сплавщиком на Томи, потом разнорабочим.

Но шла война – фронту требовались солдаты. И в переломном 1943 году, 10 апреля, Ивана призвали из Кемеровского райвоенкомата в Красную Армию. Воевал он рядовым 677-го стрелкового полка 409-й стрелковой дивизии в составе 46-й армии Степного фронта. Затем были битвы на Юго-Западном (57-я армия) и 2-м Украинском (7-я Гвардейская армия) фронтах. По военной должности он числился оружейным мастером мастерской боепитания своего полка. Но это не значит, что отсиживался за спинами однополчан. Участвовал в боях за освобождение Украины, Молдавии, сражался с фашистами в Румынии, Венгрии и Чехословакии.

Воину Ивану Соколу повезло – пройдя через бои, он остался жив. За умелые, инициативные и смелые действия, сопряжённые с риском для жизни, содействующие успеху боёв с врагами, его наградили медалями «За боевые заслуги» (приказ подразделения № 4/н от 22.05.1945 г.), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (приказ от 9 мая 1945 г.). А уже в мирное время – орденом Отечественной войны II степени и другими наградами.

После демобилизации Иван Андреевич вернулся в Кузбасс. Здесь-то и проявились его творческие наклонности. Желание писать однажды привело его на областную радиостудию.

С середины 1940-х годов радиовещание в молодой Кемеровской области развивается быстрыми темпами. В крупных городах Кузбасса организуют местное вещание, при котором работали собственные корреспонденты областного радио. Так, в Анжеро-Судженске собкором стал Иван Сокол. При этом он не забывает и про стихи. Его первые стихотворные произведения в это же время впервые печатает областная газета «Кузбасс». А вскоре он становится литературным сотрудником непосредственно в кемеровской редакции областного радио.

В 1952 году Иван Андреевич успешно окончил отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета Томского педагогического института. А его стихи уже печатались в литературном альманахе «Огни Кузбасса».

При этом он не оставляет работу на областном радио. Хотя жизнь кемеровских радийцев в тот период простой не назовёшь. Старейший журналист областного радио и телевидения Фёдор Мефодиевич Ягунов в своих мемуарах писал, что основным содержанием передач тогда были последние известия о производственных и спортивных успехах, об итогах выполнения пятилеток, сводки погоды, концерты, выступления писателей, поэтов, производственников, политические и информационные беседы. Иван Сокол выбирал для себя и своих

слушателей подготовку передач на темы экономики и промышленности – они ему особенно удавались.

«При этом, – пишет Ф. М. Ягунов, – процесс производства передач был непростым. В 1950-х радио Кузбасса кочевало по разным зданиям. Одно время часть редакции была в здании, где сейчас Союз писателей Кузбасса – в Кемерове, на Советском проспекте, другая часть – на Красноармейской, 128. А наши крохотные радиостудии, центральная аппаратная, мастерские техников по ремонту оборудования располагались во Дворце труда, который стоял на пересечении кольцевого бульвара и Вокзальной улицы. (Сейчас здесь находится областной колледж культуры и искусств).

Запись передач производилась и во Дворце труда, и на Красноармейской, и на Советском. Дикторов и начальника отдела доставляли туда на машине».

Впрочем, эти трудности не останавливали творческого роста Ивана Андреевича и многих его коллег. Радиослушатели узнавали их не только по звучащим в эфире голосам, но и по присущему каждому из них особому стилю работы, умению интересно рассказать о важных событиях региона.

Когда в Кемерове впервые появилось телевидение, было решено объединить в общую организацию Областной отдел радиoinформации (ОблРадио) и вновь образованную Кемеровскую студию телевидения (КСТ). Так получился Кемеровский областной Комитет по РВ и ТВ. Его создали 14 января 1958 года по распоряжению Кемеровского облисполкома Совета депутатов трудящихся. Первая телепередача в Кузбассе вышла в эфир 22 апреля 1958-го.

Областное телевидение стремительно росло, а готовых кадров для его развития не хватало. Решили позаимствовать для КСТ специалистов из радиовещания. В результате в 1959 году 36-летний Иван Сокол оказался на должности ответственного редактора Кемеровской студии телевидения. Но трудился он здесь недолго.

Как подчёркивает Ф. М. Ягунов, важно было на ТВ отладить процесс, создать коллектив и организовать его работу, заложить телевизионные традиции. А когда эти задачи были решены, Иван Андреевич снова попросил вернуть его на любимое радио. Его просьба было услышана. И в 1962 году председатель областного Комитета по радиовещанию и телевидению Пётр Михайлович Попов издал приказ: «Назначить И. А. Сокола главным редактором областного радио...».

А вскоре подоспело и долгожданное решение Кемеровского обкома КПСС и облисполкома о строительстве (наконец-то!) в областном центре Дома радио. Напомним, что пробивала этот проект Мария Михайловна Лапшина – на тот момент заместитель по радио председателя областного Комитета по РВ и ТВ.

Возведение объекта началось в 1965 году на улице Красноармейской. Строительство шло долго, с остановками, задержками, срывами графиков. Коллектив ОблРадио участвовал в субботниках, помогал строителям, чем мог. И вот в 1972 году начали понемногу заселяться в новое здание. Окончательный переезд в новый Дом радио состоялся в марте 1973-го.

В новом специализированном здании, оснащённом для профессиональной работы студиями записи программ и прямого эфира, большой концертной студией, где записывали или в прямом эфире шли концерты, где было сконцентрировано самое современное оборудование: пульта, компактные магнитофоны, звукопоглощающие ковры и прочее, имелись кабинеты для персонала, большая фонотека, – главному редактору И. А. Соколу выделили светлый кабинет.

Как и все в коллективе, Иван Андреевич радовался этим замечательным переменам. Условия труда радийцев улучшились на несколько порядков. Выросло

и качество передач. А по оперативности и степени воздействия на аудиторию ОблРадио опережало КСТ.

В должности главного редактора ОблРадио И. А. Сокол проработал до 1984 года. Наверное, дольше него здесь никто больше не «главредствовал». Десятки молодых журналистов получили от него первые профессиональные наставления, многие его ученики работали в городских, областных и даже республиканских СМИ. Об одном из уроков от И. А. Сокола, полученном в свои первые дни работы на ОблРадио, рассказала Тамара Алиева в очерке «Всё в наших руках» (<https://proza.ru/2021/03/14/1098>):

«После переезда из Томска в Кемерово кое-как устроилась воспитателем дошкольного комбината № 56 при кемеровском заводе «Химмаш». Однажды случайно зашла в Дом радио. Директором областного радиовещания тогда работал Юрий Софронович Тотыш. Он не обрадовал молодого специалиста: мест на радио нет. Но он же предложил «не исчезать, трудиться у них внештатно и ждать». Так я и сделала. Несколько месяцев исправно внештатно сотрудничала с Домом радио, пока у них не появилась вакансия. И вот с 1980 года, наконец, началась моя журналистская доля.

...До сих пор помню свой старательно написанный репортаж про комсомольско-молодёжную бригаду на «Химпроме» с вожаком по фамилии – очень неблагозвучной – Воняйкина. Главный редактор кузбасского радио, ветеран войны, мастодонт в журналистике Иван Андреевич Сокол к эфиру репортаж сначала не подписал. Мол, соображаешь, как это звучать в эфире будет – бригадир Воняйкина?! Я рыдала, как ненормальная. Зато потом училась, как можно и нужно исправлять ситуацию. Иван Андреевич так всё мастерски выправил, столько слов-заменителей нашёл, что мой репортаж на редакционной летучке потом назвали в числе лучших».

Был он и хорошим семьянином. Другой ветеран радио Кузбасса Татьяна Павловна Микельсон припомнила, что ещё до знакомства с Иваном Андреевичем подружилась в летних пионерских лагерях с его дочерью Любой: «Мельком видела и её родителей, когда они приезжали в выходной день навестить своих детей, Любу и её брата Сергея. С Любой мы любили обсуждать прочитанные книги, вместе ходили на просмотры кинофильмов, которые регулярно привозили в лагерь. А позже в нашем родительском доме появились книги Ивана Андреевича с его автографами моему отцу Павлу Ивановичу Антипову.

С самим же Иваном Андреевичем я познакомилась в 1985 году, когда влилась в коллектив Областного радио. Незадолго до этого он сдал пост главного редактора радио пришедшему к нам телевизионщику Валентину Ивановичу Масленникову. Однако и после выхода на пенсию Иван Андреевич часто приходил к коллегам в областной Дом радио».

Татьяна Микельсон рассказывает, что сотрудники любили встречаться со своим недавним руководителем. Немало таких встреч осталось в памяти:

«На втором этаже Дома радио – рядом с кабинетами нашей редакции последних известий – была свободная комната. Она становилась многолюдной с приходом Ивана Андреевича. Он заваривал чай по своему рецепту («щепотками», как он выражался). И все дружно спешили сюда не только попить чаю. Иван Андреевич и на пенсии продолжал слушать наши передачи. И иногда здесь проходили своего рода вторые летучки. Неофициальные. С ним делились и своими творческими планами. С его советами мы считались.

Нам были интересны и его воспоминания о войне. Фронтовик, как говорится, прошёл пол-Европы, освобождая её от фашизма. Он рассказывал про тяжёлые бои, героизм солдат. Слушали увлекательные повествования Ивана Андреевича о

встречах с известными людьми, с которыми его сводила творческая судьба во время подготовки передач.

Вместе с ветераном нашего радио, тоже фронтовиком Василием Фёдоровичем Холодком, который в 1970-х возглавил редакцию последних известий, Иван Андреевич любил играть в шашки. При этом оба нещадно курили. Бывало, дым валил до потолка!

Однажды я удостоилась его похвалы после просьбы... заварить чай. Иногда он просил, чтобы и мы принимали в этом участие. Помнится, приготовила чай из трёх сортов. Отведав, Иван Андреевич произнес: «А ты заварила его даже лучше меня»...

Гастрономические «изыски» Сокола порой удивляли подчинённых своей оригинальностью. Та же Т. В. Алиева описала одно его любимое блюдо:

«Он нам запомнился своими, как мы их называли, «главноредаторскими бутербродами». Выглядело это так: прибежишь на работу утром, а он заходит в редакцию и приказно-весело зовёт в свой кабинет. А там на большой тарелке аккуратно разложены малюсенькие кусочки чёрного хлеба с резко пахнущими чесноком и перцем малюсенькими кусочками сала с прожилками... А рядом его любимый свежесваренный крепкий чай. Непередаваемая по красоте картина! И незабываемый на всю жизнь вкус!»

Ветеран радиожурналистики всегда приходил в родной коллектив в День Победы. Кстати, 9 мая, когда чествовали победителей, Иван Андреевич нарушал дань предпочтения сигаретам – курил исключительно махорку, как во фронтовые времена...

Но возраст, прошедшая война брали своё – здоровье фронтовика начало сдавать.

«Через несколько лет выяснилось, что Иван Андреевич неизлечимо болен, – продолжает Т. П. Микельсон. – Наш тогдашний директор облрадио Алексей Николаевич Калинин подошёл как-то ко мне: «Давай, я, ты и Нина Леонидовна Букарева (работала выпускающей на ОблРадио) навестим Ивана Андреевича. Он дома».

Поехали по адресу Телецентр, 1, в этом доме проживало немало работников телевидения и радио. Дверь открыла жена Ивана Андреевича Анна Михайловна. Мы её знали не только по телеэкрану: она вела на ТВ передачи о кино, – но и по работе в одном Комитете по телевидению и радиовещанию. Она пригласила в квартиру: «Ваня лежит в своей комнате. Выйти уже не может. Проходите к нему».

Алексей Николаевич вошёл к нему первым, потом и мы. Поприветствовали Ивана Андреевича. Но разговора уже не получилось. Пожелали Ивану Андреевичу сил, терпения и надежды на выздоровление, которому, к сожалению, не суждено было сбыться...».

20 апреля 1990 года ветерана не стало...

Но очерк о нём стал бы неполным без рассказа о его литературном творчестве. Всю жизнь, сколько себя помнил, Иван Сокол писал стихи, прозу. Многие из его произведений были адресованы детям. Так, в 1966 году Кемеровское книжное издательство выпустило книгу его сказок «Волшебная бусинка», в 1971-м – книжку «Про девочку, которая ничего не хотела уметь», а в 1974-м вышел его небольшой сборник стихов для детей «Лесной стадион».

Бывший руководитель редакции последних известий ОблРадио Геннадий Леонидович Мызин сообщил также, что Иван Андреевич писал ещё и пьесы для Театра кукол Кузбасса имени Аркадия Гайдара.

Писал он и для взрослых.

«Мы все знали про то, что он пишет прекрасные стихи, но стесняется их публиковать, – «порывшись» в памяти, говорит Тамара Алиева. – Когда были коллективные праздники, просили его почитать. Всегда читал про войну, которую знал не по книгам. И делал это мастерски! Но потом обязательно заводил разговор про то, как «важно беречь жизнь».

Его стихи о войне – просты, но очень искренни. Одно из таких стихотворений называется «Фронтovому другу»:

Нас сроднили военные тропы,
Мы с тобой, как родные братья,
Рядом рыли свои окопы:
Насмерть было с тобой стоять нам.

Заметалась свинцовая вьюга.
Сибиряк дал южанину руку...
Кто теплей фронтovого друга
Мог в траншеях согреть разлуку?

Мы последний сухарь делили,
Котелок на двоих имели,
И о доме вместе грустили
В час ночной под сукном шинели.

Незнакомые матери наши
Нас домой одинаково ждали.
Каждой не было сына краше –
Мы пред ними в письме оживали.

Все окопные тяготы, нужды
Мы сносили в жару и морозы,
И великую эту дружбу
Не сломали военные грозы.

Мы вернулись к родному дому:
Ты – распахивать пашен просторы,
Я – в излучины улиц знакомых,
В молодой мой сибирский город.

Хлебопашцы и рудокопы,
Мы – строители новой жизни.
И в бою за расцвет Отчизны
Снова рядом наши окопы.

(Газета «Кузбасс», 9 мая 1948. С. 1).

Ещё один интересный факт из творческой биографии нашего героя – песенный. Его песню «Гуси-лебеди» на музыку кузбасского композитора Владимира Пипекина до сих пор распевают хоровые коллективы во многих регионах России. А в 1992 году в фирме «Мелодия» вышла большая пластинка под общим названием «Сибирячка-речка» с песнями композитора Пипекина на стихи кузбасских поэтов, в том числе на стихи Ивана Андреевича Сокола.

В книге «С песней по жизни» о творчестве композитора В. Пипекина читаем:

«...Сидел он тогда на стуле в студии Гостелерадио, играл на баяне и пел свою песню «Горки круты». Зашёл Вячеслав Шувалов, солист академического хора Гостелерадио, прекрасный исполнитель народных песен. Остановился, прислушался, потом как закричит:

– Слушай, так это моя песня!

Стали слушать и другие вещи: «Гуси-лебеди», «Калина алая», «Ах ты, баня», «Золотой гребешок». Их тоже признали «своими». Оставили Володю ещё на несколько дней в Москве. И записали все эти песни в фонд радио. С солистом В. Шуваловым, женскими и мужскими вокальными ансамблями, аранжировками О. Морозова. Потом передали их по первой программе радио.

...Какие яркие мелодии, какие красивые голоса, какая сочная, колоритная оркестровка! Прекрасные песни! Там, в Москве, на радио, и возникла идея пластинки. Сами музыканты изъявили желание помочь В. Пипекину найти исполнителей и записать на радио, специально для пластинки, все 16 отобранных самим композитором и одобренных, кажется, аж двумя художественными советами песен.

Авторами большинства других песен, записанных для пластинки, были кузбассовцы Валентин Махалов, Владимир Коньков, Илья Ляхов, Иван Сокол...». (Книга «С песней по жизни», Кемерово, 2019. С 17-18).

А сколько души, сколько лиризма вложил Иван Андреевич в эти, казалось бы, бесхитростные, но очень напевные строки музыкального произведения «Гуси-Лебеди»:

Был он ласковым и добрым мой Иванушка,
Да умчался с вражьей силой воевать
И осталась я Аленушкой на камушке
Друга милого с войны жестокой ждать.

Гуси-лебеди – птицы белые,
Где летаете, в каком краю?
Гуси-лебеди – птицы добрые,
Сохранили вы любовь мою.

Говорят: «Пропал мой милый друг без весточки».
Нет войны, а горе вдовье не унять.
Вот и снова на берёзках в листьях веточки,
Перелётных птиц мне снова окликать.

Гуси-лебеди, птицы верные,
Где летаете, в каком краю?
Гуси-лебеди, птицы добрые,
Может, встретили любовь мою?

На висках моих уж иней поздней осенью,
Только в сердце не утихла боль моя,
И летят, летят, летят в небесной просини
Гуси-лебеди в далёкие края.

Гуси-лебеди, птицы белые,
Где летаете, в каком краю?
Гуси-лебеди, птицы добрые
Возвратите мне любовь мою.

«Приехал я как-то в Оренбург, – рассказывает композитор Владимир Пипекин, – знакомлюсь там с руководителем оркестра народных инструментов, тот уточняет фамилию. А потом говорит, что они его песню во Францию возили в этом году.

– Какую песню?

– «Гуси-лебеди» на слова кемеровчанина Ивана Сокола.

Эта песня помогает находить контакт с любой аудиторией в любом месте России. Она часто звучит. Всюду, где есть женский ансамбль, её поют. И на радио исполняется. Эта песня помогает мне жить», – говорит композитор.

А ведь В. М. Пипекин сочинил не одну песню на стихи Ивана Андреевича. Есть в совместном репертуаре и такие песни на стихи Сокола, как «Ой ты, вьюга, вьюга», «Судьба моя простая», «Провожая зимушку».

Что ж, недаром говорят: песни, так же, как и дети, рождаются от любви. Любви к красоте. К женщине. К Родине. Своей земле, которая питает и помогает стать светлее и сильнее. Любовь эта позволяет увидеть заколдованную будто до поры до времени красоту.

Поэт Иван Сокол однажды написал:

«А надо мной берёзок косы
Весенний ветер шевелит.
Бежит тропинка в чистых росах,
Судьба моя по ней бежит...».

Разве выразишь лучше?!

**Редактор мариинской газеты «Вперёд»
Григорий Михайлович Шинкаренко
не давал застояться репортёрской мысли
до шаблона и стереотипа**

«Листая как-то журнал «Советская печать» (предшественник «Журналиста»), – пишет в своих воспоминаниях ветеран-журналист, сотрудник мариинской городской газеты «Вперёд» Иван Ефремов, – я наткнулся на объявление: «Газета «Вперёд», г. Мариинск, Кемеровской области приглашает к себе на работу литературного сотрудника».

Не попытаться ли? Сделал запрос. Редактор газеты Григорий Михайлович Шинкаренко откликнулся быстро: «Мариинск – город старинный, славен многими своими традициями, которые поддерживает и развивает газета. Стоит наш город на живописной реке Кии. Приезжайте, не пожалеете», – говорилось в письме...

Я ехал в Мариинск по приглашению. Да не один, а с женой и крошкой сыном. Сейчас даже через годы трудно однозначно сказать, что подвигло меня отважиться поехать в неведомый, понаслышке суровый край...». («Это было, было...», Очерки об истории мариинской газеты «Вперёд», <http://inkhazadum.ucoz.ru/blog/2012-11-09-106>).

...А поутру Иван Иванович Ефремов пошёл представляться редактору. Григорий Михайлович искренне приветствовал его прибытие, если надо, он умел обаять любого сотрудника редакции. Не теряя времени, пригласил новичка на редакционную летучку, «своим, мол, будь среди будущих коллег». И то сказать: раскачиваться в районной газете просто некогда.

В то утро обсуждался только что вышедший номер газеты. Обозреватель выпуска отмечал нюансы каждой публикации, все находки и просчёты. Остальные корреспонденты дополняли его своим видением того или иного материала. Редактор же молчаливо выслушивал, сняв очки или вновь надевая их, чтобы сделать какую-то отметку в записной книжке. И это было стилем его работы – дать свободно высказаться всем, прежде чем представить своё «начальственное» мнение. Такой уж была редакционная демократия при Григории Михайловиче...

А ещё – он никогда не отмахивался от решения житейских, бытовых проблем своих подчинённых. Кому же, как не ему, приехавшему работать в Мариинск со стороны, было не знать, что неустроенный работник не сможет выкладываться на все «сто», подспудно размышляя о неорганизованном житье-бытье.

И. И. Ефремов рассказывает, как всё на той же летучке Шинкаренко сходу разрешил его жилищную проблему:

«А теперь внерабочий вопрос, – проговорил Григорий Михайлович, оглядев поочередно всех собравшихся. – Прибывшему товарищу жильё надо временно снять. Кто этим займётся?

– У стариков, родственников моей жены поживут, – сказал, подумав, Пётр Тихонович Герасимов, заведующий сельхозотделом газеты.

А ещё через несколько дней редакция мне выплатила подъёмные и выхлопотала коммунальную комнату в одном из домов по улице Челюскинцев. И потекли рабочие будни...».

Сам Григорий Михайлович Шинкаренко был родом из деревни. Он родился 27 ноября 1919 года в большом селе Ирбизино Карасукского района Западно-Сибирского края (ныне Новосибирская область). Здесь учился в сельской школе. В середине 1930-х годов судьба забросила его на Украину. В 1938-м, когда ему исполнилось 19 лет, его призвали на срочную службу в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. В РККА он уходил из Хорольского райвоенкомата Полтавской области УССР.

Прошёл курсы политработников и в звании младшего лейтенанта был направлен в 187-й стрелковый полк 72-й стрелковой дивизии, где получил должность политрука одного из батальонов. Великую Отечественную войну Григорий Шинкаренко встретил в составе этой воинской части.

В боевых действиях стрелковый полк, в котором он служил, был задействован с декабря 1941 года в составе 55-й армии на Ленинградском фронте. (Впоследствии дивизию переподчиняли 42-й армии, 2-й ударной армии, 23-й армии, 8-й армии, различным стрелковым корпусам). Шли тяжёлые, затяжные бои с фашистами. Но бойцы морской пехоты, составлявшие костяк 72-й дивизии, дрались отчаянно, показывая чудеса мужества и героизма. Потом были Прибалтийский, Украинский фронты. Шинкаренко участвовал в освобождении Прибалтики, Польши.

И нигде батальонный политрук не отсиживался в тылу, своим личным примером воодушевлял бойцов на битву с врагом. Вот что пишет о героизме Григория Шинкаренко другой мариинский журналист Николай Терентьев:

«Он трижды был ранен. Самое тяжёлое ранение получил при форсировании реки... После этого ранения хромота осталась на всю жизнь Григория Михайловича». ([https://ok.ru/profile/606209083434/...](https://ok.ru/profile/606209083434/)).

В 1944 году боевого политрука Г. М. Шинкаренко наградили орденом Отечественной войны II степени. Вот как этот факт отражён в наградном листе:

«Товарищ лейтенант Шинкаренко, участвуя в боях за освобождение Советской Эстонии на должности парторга батальона, показал себя смелым, решительным и инициативным руководителем партийной организации. Коммунисты партийной

организации, которой руководит тов. Шинкаренко, в боях показали смелость и отвагу, и являлись вожаками масс при выполнении боевого задания. При освобождении города Тайа товарищ Шинкаренко личным примером увлек всех на выполнение поставленной задачи. Рота, с которой действовал товарищ Шинкаренко, взяла в плен 230 немецких солдат. Достоин награды – ордена Отечественной войны 2-й степени». (Приказ по подразделению №: 28/н от: 30.09.1944; Издан: 117 ск Ленинградского фронта. Архив ЦАМО, Фонд ист. информации: Картотека награждений, Дело ист. информации: шкаф 98, ящик 15).

А в мае 1945 года «за личную храбрость и преданность своей Родине» Указом Президиум Верховного Совета СССР лейтенант Григорий Михайлович Шинкаренко был награждён высшей наградой Советского Союза – орденом Ленина. (Дата документа: 10.04.1945. Архив: ЦАМО, хранится там же).

После окончания войны и демобилизации боевой капитан Григорий Шинкаренко решил поселиться в Кемеровской области. Его опыт партийной работы, умение руководить людьми оказались очень востребованными на «гражданке». Трудился на разных должностях в партийных органах. И однажды судьба свела нашего героя с профессией журналиста. А в начале 1960-х его назначили редактором старейшего периодического издания Кузбасса – газеты «Вперёд» города Мариинска и Мариинского района. На этом посту он сменил коллегу-фронтовика Ивана Николаевича Васильева.

Казалось бы, Шинкаренко строгий, волевой, привыкший командовать подчинёнными, отдавать приказы, но в редакции установил демократические порядки и правила. Нельзя сказать, чтобы в коллективе его боялись, однако в его присутствии как-то все сразу подтягивались. Хотя на редакционных летучках Григорий Михайлович не ругался, никогда не повышал голоса. Любил с каждым сотрудником и поговорить по душам: чем живёт, чем дышит, какие проблемы донимают.

И. И. Ефремов пишет: «Он предоставлял нам широкое поле деятельности с пером и блокнотом, не давал застояться мысли до шаблона и стереотипа. Любая журналистская находка незамедлительно поощрялась на редакционной летучке...».

В Мариинск и Мариинский район Григорий Михайлович был прямо-таки влюблён. Всегда особо поощрял материалы на темы краеведения.

«Бывало, вызовет к себе в кабинет редактор, спрашивает о настроении, о делах личных, а затем прямо, без обиняков, покусывая оглоблю очков, спросит: «А с чего начинается Родина?», – не без доброй иронии припоминал И. И. Ефремов. – И ты задумаешься и о налившемся колосе на совхозных нивах, и о могучей стройной сосне где-то в глубине тайги, которой скоро суждено стать исходным материалом для изготовления мебели, и ещё мало ли о чём. И вдруг вспомнишь о том, как давно ты не бывал среди простого народа, подзабыл его нужды насущные. И сразу же запросишься в командировку...».

При Шинкаренко действовало правило: один день в неделю кабинеты редакции совершенно пустовали. Сотрудники разъезжались по командировкам. Это был десант на село. Сначала корреспонденты все вместе ехали на редакционной машине. По дороге кто-то высаживался в Первомайке, следующий ехал до Сулова, другой – до Николаевки и так далее. Редакционный водитель Михаил Гриценко каждого репортёра доставлял до места, а затем в назначенный час собирал всех на обратном пути.

Григорий Михайлович всеми возможными тогда способами поддерживал высокий авторитет городской периодической печати. На газетных страницах воздавалось должное передовикам производства, однако, не оставались незамеченными

руководством города и те или иные недостатки, просчёты, о которых написала газета. И, попробуй, не откликнись на критическую заметку руководитель любого ранга, мигом оказывался вызванным «на ковёр» пред грозные очи кого-либо из руководителей горкома партии или горисполкома.

Шинкаренко не терял связи с бывшими своими сотрудниками, на всякий случай держал их в поле зрения. Например, И. И. Ефремов, поработав пару лет в Мариинске, уехал в другие края в поисках журналистского счастья:

«Но где бы ни носила меня судьба, я постоянно помнил о тихом славном городке на речке Кия, о друзьях-товарищах, оставшихся в нём. Вернулся я сюда через шесть лет. И опять по приглашению Шинкаренко. Прознал Григорий Михайлович каким-то путём, что тружусь я почти по соседству, в Тюхтетской «районке», что в сорока верстах в сторону от Боготола (Красноярского края). Что побудило его так поступить, не знаю. Только получил я вскоре от ответсекретаря газеты «Вперёд» Ивана Ефимовича Винникова письмо-приглашение на собеседование, написанное, по просьбе редактора. А что тут долго-то было рассусоливать? Встретились мы с Григорием Михайловичем. Поговорили. И... я был уже снова в Мариинске».

Члена Союза журналистов СССР, редактора Г. М. Шинкаренко знали и за пределами Мариинска, он был известным человеком не только в Мариинском районе, но и в Кузбассе. Ветеран войны и труда, орденоседец, удостоенный высшей награды Родины – ордена Ленина, он многие годы был не просто бессменным редактором газеты, но и вёл большую общественную работу. Его избирали членом бюро городского комитета партии.

Даже уйдя в 1979 году с редакторской должности на пенсию, он продолжал трудиться на различных ответственных постах, писал статьи в родную газету – его имя постоянно присутствовало на газетной полосе. Григорий Михайлович оставался верен журналистскому призванию.

За большие заслуги перед городом, неоценимый вклад в его развитие Г. М. Шинкаренко присвоили в 1989 году звание «Почётный гражданин города Мариинска».

На склоне лет он перебрался поближе к своим детям – переехал в город Топки. Там в местной газете работал его сын Семён Шинкаренко, который пошёл по стопам отца. Там же, в Топках, 4 сентября 1998 года – на 79-м году жизни – Григорий Михайлович ушёл от нас...

Необыкновенно мобильный радиожурналист Михаил Васильевич Ялин

Журналист Михаил Васильевич Ялин почти два десятилетия трудился в редакции областного радиовещания (ныне «Радио России – Кузбасс»). Участник Великой Отечественной войны, сражался в войсках ПВО с воздушными силами противника. Его яркая жизнь и судьба заслуживают того, чтобы помнить об этом удивительно интересном человеке.

Михаил родился 1 мая 1925 года в селе Алгасово Тамбовской губернии (ныне Тамбовская область). Окончил сельскую школу-восьмилетку, работал в селе счетоводом. Рано вступил в члены ВКП(б). Когда в 1941-м началась война, рвался на фронт, но пыл 16-летнего парня остудили, сказав, что надо повзреть.

Михаил трудился в тылу на сельскохозяйственной ниве. Лишь в 1943 году Алгасовский райвоенкомат прислал ему повестку. Вначале он оказался на военно-пересыльном пункте 267-го запасного стрелкового полка, где прошёл курс молодого бойца. А вскоре оказался в действующей армии – в 272-м отдельном зенитном артиллерийском дивизионе 77-й дивизии войск противовоздушной обороны, которая стояла на охране Череповецко-Вологодского района ПВО Архангельского военного округа.

Затем были Западный и Ленинградский фронты, потом и Северный фронт, где зенитные дивизионы ПВО, а вместе с ним и наводчик орудия – ефрейтор Михаил Ялин, выполняли боевые задачи по охране неба от вражеской авиации, прикрывали от воздушных нападений врага стратегические объекты.

Его демобилизовали из рядов Красной Армии 4 января 1945 года. Среди наград фронтовика одна находилась на его особом счету – медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

После войны Михаил решил осесть в Сибири. Выбрал Яшкинский район. Поскольку у него проявилась склонность писать заметки, он увлёкся этим делом. Так оказался в редакции местной районной газеты «Знамя труда» (ныне «Яшкинский вестник»). Работал в сельхозотделе, мотался по полям и фермам, писал репортажи, статьи, зарисовки о сельских тружениках.

Однажды коллеги из Кемерова, из ОблРадио, попросили его надиктовать по телефону один из своих материалов, чтобы он прозвучал по областному радио на весь регион. Опыт удался. Ялин услышал свой голос, который доносился из динамика местного радиовещания, и ему это понравилось. Михаил начал активно сотрудничать с областным радиокomiteетом. А через некоторое время он уже стал совмещать работу в газете с обязанностями собственного корреспондента радио Кемеровской области по Яшкинскому району.

В 1957 году Михаила пригласили в Кемерово – в штат ОблРадио, на что он согласился без раздумий. Фёдор Мефодьевич Ягунов (отработал на ОблРадио с 1952-го по 1959-й год, был здесь диктором, корреспондентом, редактором общественно-политических программ, затем трудился на Кемеровской студии телевидения – режиссёром, главным режиссёром КСТ) пишет:

«Согласно Приказу председателя Комитета от 7 декабря 1951 года, на областном радио, которое тогда размещалось во Дворце труда, действовали две главные редакции: «Последних известий» и общественно-политическая, в которую входили редакция передач по народному хозяйству, детская, музыкальная, позднее к ним добавилась литературная редакция. Почти все они размещались в самой большой комнате, бывшей студии. Получалось, что ни стол, то редакция. В «Последних известиях» работали Костя Миронов и Лидия Токарева... Передачами по промышленности занимались Михаил Ялин и Василий Дубский.

...Среди других «китов» облрадио тех лет нельзя было не заметить редактора, занимавшегося передачами о промышленности, Михаила Ялина. Невысокого роста, подвижный, экспрессивный, он был энергичен в работе и решителен в суждениях. Пришёл Ялин на радио из Яшкинской районной газеты и ко времени моего появления там был уже ведущим радиожурналистом. Его творческий почерк особой оригинальностью не отличался, однако был он плодovit, еженедельно в эфире звучало несколько его материалов...». (Ф. М. Ягунов, «В начале было слово». Альманах «Красная Горка», вып. № 7, 2006. – С. 73-82).

В те годы делать репортажи с мест было не так-то просто: во-первых, была громоздкая звукозаписывающая аппаратура, во-вторых, тогда не было, как сегодня, набора нужных фоновых звуков; сейчас на компьютере задал программу – и звучит мотор трактора или мычание бурёнок. Тогда же радиорепортёру приходилось придумывать что-нибудь, чтобы слушатель поверил в излагаемые в репортаже события.

К примеру, коллеги вспоминают эпизод, когда приехавшие в пятидесятые годы в деревню радиожурналисты записывают репортаж. Один из них, позвякивая перед микрофоном двумя гаечными ключами, вещает: «Мы находимся в поле... Тракторист такой-то прямо в борозде устраняет поломку...». И так далее.

Вот и Михаил Ялин в разгар сева, когда по крестьянскому присловью день год кормит, приехал в один из колхозов делать позитивный репортаж. (Иных тогда почти не делали!). У него был магнитофон – единственный на ОблРадио большущий «МЭЗ-8», который называли передвижным. К магнитофону был приставлен звукооператор.

Работала эта техника, как известно, только от электросети. В поле с ней делать было нечего. Тогда Михаил со звукооператором решили подключить аппарат к колхозной конторе. Шнур с микрофоном протянули через окно.

Ялин потребовал, чтобы лучшего колхозного тракториста вместе с трактором пригнали к конторе. Журналисты из области пользовались тогда непререкаемым авторитетом: послушаться нельзя! Пришлось председателю хозяйства скрепя сердце снимать с посевной трактор и гнать в деревню.

Михаил велел трактористу газовать перед конторой, как будто он тянет в поле сцепку сеялок. Этот шум был наложен потом на короткий разговор с трактористом, с председателем и на комментарии самого репортёра.

Сюжет «с поля битвы за урожай» вышел в эфир, и все остались довольны. «В том числе, думаю, и председатель колхоза, – подчёркивает Ф. М. Ягунов. – Слава – она ведь штука заманчивая. Я и не думаю в чём-то упрекать Ялина. Он хотел сделать впечатляющий репортаж, а техника этого не позволяла.

И в общем-то, инсценировки были обычным явлением и в радиожурналистике, и в документальном кино».

Как говорится: голь на выдумки хитра!

Конечно, фронтовику не хватало знаний. И Михаилу Васильевичу предложили получить образование на двухгодичном лектории по журналистике. (Всесоюзный заочный лекторий по журналистике и фоторепортажу был тогда предшественником появившихся позже факультетов журналистики в Высших партийных школах).

Там он изучал историю советской журналистики, особенности разных жанров, основы редактирования текстов, осваивал обзоры СМИ... Окончил лекторий в 1961 году с хорошими оценками. После чего пошёл на повышение: его из корреспондентов назначили старшим редактором редакции информации на ОблРадио.

Ещё один ветеран областного радио Кузбасса Тамара Алексеевна Зиндович в разговоре со мной вспоминает:

– Наш радиокolleктив наполовину был молодёжным. Помню, у нас работали выпускники МГУ – москвичка Нина Пчёлкина, Володя Степанов, Света Рыжкова. А руководил отделом новостей на ОблРадио Михаил Васильевич Ялин. Необыкновенно мобильный человек, не вылезал из командировок.

Оперативно готовя в командировке репортаж, он вечером ещё успевал и порыбачить. Михаил Васильевич был очень популярным среди радиослушателей. Мне кажется, все егеря были его друзьями...

А это слова Т. А. Зиндович из статьи «Я не хочу судьбы иной»: «В фонотеке областного радио ещё, кажется, хранятся записи передач, посвящённых 50-летию Советской власти. Их готовили выездные бригады: М. Ялин, И. Сокол и я...

Мы жили работой и были единой семьёй. Ведь работа – это действительно второй дом для очень многих. Особенно в молодости, когда ещё не обременён семьёй. Наш рабочий день никогда не заканчивался в шесть вечера, а лишь тогда, когда сделана, смонтирована передача.

После особенно успешной коллективной работы мы могли компанией отправиться к Валентину и Галочке Малининым (она пекла вкуснейшие пирожки) и до утра читать стихи, петь окуджавские песни. Или к Лёве Бероеву, который чудно готовил хинкали. Или пойти в горсад на танцы с Т. Кутайсовой и М. Ялиным...». (Книга «Журналистика Кузбасса: строки истории», Кемерово, 2008. С. 239, 241).

Михаил Васильевич возглавлял редакцию информационного вещания на ОблРадио до 1975 года, потом вышел на заслуженный отдых. Но и после этого не

прерывал связи с коллективом, ставшим ему родным. Здесь ему всегда были рады и в будни, и в праздничные дни. А советы ветерана молодым всегда были особенно важны. Правда, встречи эти продолжались недолго.

После кончины 16 марта 1976 года Михаила Васильевича Ялина похоронили на старом Кемеровском кладбище...

Часть 3.
Творчество
требует
смелости

Остап Юрьевич Григорьянц – от Кемерово до Сахалина и... обратно

Однажды Остапа Григорьянца задержали на российско-казахстанской границе. Его «взяли» вместе со всей его съёмочной группой. Когда журналист перестал выходить на связь, в редакции забили тревогу... Однако, обо всём по порядку.

Остап родился 9 февраля 1981 года в Кемерово. В 1998 году окончил 42-ю кемеровскую среднюю школу и уже знал, куда и по какой дороге пойдёт дальше.

Поэтому ещё через пять лет окончил факультет филологии и журналистики Кемеровского государственного университета. В его дипломе записали специальность «журналист».

«В КемГУ я отучился не сказать, чтобы хорошо, но университет дал мне мощный пинок – работать по специальности, не упуская ни одного дня, – напишет он однажды в своих заметках о жизни. – Но фактически получать деньги за журналистику я начал с 1 сентября 1998 года, то есть с первого дня в университете...».

Ещё учась в вузе, он начал сотрудничать с популярным областным радиоканалом «Кузбасс ФМ», с 2000-го года став внештатным ведущим выпусков новостей. Уже несколько первых выходов в эфир придали Остапу уверенности в правильности выбранного профессионального пути и веры в собственные силы.

Примерно через два года он начал работать на радио уже как штатный сотрудник. Но, когда в 2003-м завершил обучение в вузе, устроился на... телевидение. Так

началась его работа на кемеровском городском телеканале «ТВ-Мост», где ему доверили руководить редакцией.

А поскольку в разные годы сетевыми партнёрами «ТВ-Моста» были популярнейшие российские телевизионные каналы: НТВ, ТВ-Центр и РЕН-ТВ, – то со временем Григорьянц стал и собственным корреспондентом РЕН-ТВ по Кемеровской области. Его репортажи из Кузбасса смотрела вся страна. Не раз участвовал он в подготовке и выпуске в эфир документальных фильмов и социальных телепроектов.

«ТВ-Мосту» я благодарен за мой фактический старт в телевизионной журналистике, – подчёркивает Остап. – А ровно через пять лет потребовалась перезагрузка... В 2008-м меня позвали работать PR-менеджером в кемеровском филиале ОАО «МегаФон». Интересное, конечно, и любопытное направление, но без «телека» я уже не мог».

Тем не менее, связями с общественностью «конторы», в которой ему выпало потрудиться, или попросту говоря, «пиаром», он занимался ни много ни мало почти пятилетку. Сначала был начальником отдела по связям с общественностью, а потом стал директором по этим самым связям. Выстраивал взаимоотношения между Кемерово и Москвой, между местными работодателями и «внешней средой», создавал положительный имидж организации, делал всё, что положено настоящему пиарщику. Это время не пропало даром, ведь для настоящего журналиста важен любой новый опыт.

«Прошло ещё пять лет, и мне посчастливилось вернуться в любимую профессию», – рассказывает Остап, о том, что он снова приступил к руководству редакцией Кемеровской телерадиокомпании. – А в 2017 году меня пригласили в ГТРК «Новосибирск», – продолжает он, – в редакцию информации».

Работа здесь была не менее интересная, а, может, и более насыщенная необычными приключениями, а порой и опасностями. Однажды, например, съёмочную группу «Вестей-Новосибирск» задержали у границы с Казахстаном. Это случилось в начале октября 2017 года.

«Съёмочная группа ГТРК «Новосибирск» была задержана работниками пограничной службы в Чистоозёрном районе Новосибирской области, – говорится в информационном сообщении, появившемся на одном из интернет-порталов 6 октября 2017 года. – Связи с корреспондентами не было в течение часа...».

Группа «Вестей» во главе с Остапом Григорьянцем пропала утром в пятницу в указанном районе. Журналисты перестали выходить на связь во время съёмок сюжета. Как заявили потом в ГТРК «Новосибирск», тележурналисты работали с лесниками на территории местного лесничества, неподалёку от которого проходит государственная граница между Россией и Казахстаном.

«Они ехали вместе с лесниками, не могли контролировать, близко ли граница. Выехали на место, о котором готовили репортаж, полностью полагались на проводников. Лесники их привезли, оставили, а спустя несколько минут появились пограничники», – рассказал заместитель директора ГТРК «Новосибирск» Александр Задорожный.

Остап Григорьянц уточнил потом, что пограничники подошли к журналистам, когда те остались одни и записывали последние кадры. Группа работала над сюжетом о смерти инженера лесхоза, который, по словам его родных и близких, был убит из-за противодействия вырубке леса.

Сотрудники пограничного управления ФСБ по Новосибирской области задержали съёмочную группу и доставили на заставу для выяснения обстоятельств появления телевизионщиков возле государственной границы. Слава Богу, всё закончилось

хорошо. После разбирательства журналистам вынесли предупреждение и отпустили.

«Пограничники сработали суперпрофессионально», – подчеркнул Остап.

Но в столице Западной Сибири он пробыл недолго – уехал на остров Сахалин. И там работал в структуре Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (благо, у ВГТРК есть свои подразделения во всех регионах страны).

ГТРК «Сахалин», куда приняли нашего героя, расположена на далёком, но очень красивом одноимённом острове, который считается стратегическим краем нашей необъятной Родины. Столицей этого дальневосточного региона является город Южно-Сахалинск с населением чуть более 180 тысяч человек. И это почти половина всех жителей Сахалинской области.

Вскоре журналист Григорьянц объездил практически весь регион, узнал работу его ведущих отраслей промышленности – нефтегазового, топливно-энергетического, рыбопромышленного и пищевого комплексов. А его телесюжеты регулярно выходили на местном ТВ.

Время работы в Новосибирске и на Сахалине отмечено в его трудовой книжке такими записями, как «шеф-редактор» и «заместитель директора филиала ВГТРК».

Был, правда, ещё период, когда Остап снова пытался искать счастья на стороне. И поработал в Санкт-Петербурге.

«В 2020 многое поменялось (уверен, не только у меня), поэтому решил вернуться домой, – откровенничает он. – Как бы я ни любил Новосибирск, как бы мне ни нравился Санкт-Петербург (да-да, там я тоже был), но дома и родные стены помогают. Вести в эфире выпуски новостей и делать сюжеты мне нравится. Особенно если это по-настоящему помогает людям!»

Сейчас он на ГТРК «Кузбасс» работает в программе «Вести-Кузбасс» редактором и ведущим программ. И без его репортажей не обходится ни одна новостная программа.

Надо добавить, что Остап Юрьевич – человек солидный, а потому – семейный. Его вторая половинка – жена Анастасия – тоже тележурналистка. Окончила факультет журналистики Томского государственного университета по специальности «Теле- и радиожурналистика».

Он шутит:

– Я даже не помню, как звали мою первую любовь. Но знаю точно, что это была студентка моей мамы – преподавателя Кемеровского государственного института культуры. Студентке было 24 года, а мне на тот момент всего четыре. Она играла в каком-то спектакле Василису Прекрасную. Тёмно-русые волосы, длинная коса, симпатичное лицо и приятный голос. На этот спектакль я ходил раз пять и каждый раз влюблялся. А потом она уехала в другой город. И через некоторое время я влюбился в одноклассницу...».

Но всё это было несерьёзно. А вот когда он встретил Анастасию...

С 2010 года Настя работала в системе ВГТРК. Сначала это была ГТРК «Томск», затем – ГТРК «Новосибирск», потом – ГТРК «Сахалин».

Она с юмором вспоминает о том, что впервые на телеэкран попала в возрасте одного года. В маленький военный городок Мирный, что в Архангельской области, приезжала съёмочная группа делать рекламный материал про службу по контракту на космодроме Плесецк. Попавшая в объектив прогуливающаяся в коляске в

сопровождении мамы Настя ещё год улыбалась в рекламном ролике телезрителям области.

Выбор будущей профессии был случайным: одно из её сочинений по литературе решили напечатать в школьной газете. Так и началось увлечение журналистикой. В одиннадцатом классе стала одним из призёров областного конкурса «Летающий жираф». После школы выдержала конкурс на кафедру теле- и радиожурналистики ТГУ. А после третьего курса пришла в ГТРК «Томск».

В 2015 году переехала в Новосибирск, где начала работать в местном филиале ВГТРК. Там и познакомилась с будущим мужем. Вскоре молодая семья журналистов уехала на Сахалин, потом в Санкт-Петербург. И уже с пополнением Настя оказалась в Кемерово. В 2022 году стала членом коллектива ГТРК «Кузбасс». Сегодня Анастасия Григорьянц – корреспондент и ведущая информационных передач «Вести-Кузбасс».

О профессионализме любого журналиста лучше всего говорят его победы и награды в корпоративных творческих конкурсах. У Остапа они есть. Назовём некоторые.

Так, в 2015 году шеф-редактор программы «Новости. Кузбасс» телеканала «РЕН-ТВ. Кузбасс» О. Григорьянц стал победителем смотра-конкурса «На страже порядка» – на лучшую журналистскую работу о деятельности уголовно-исправительной системы. Его сюжет выиграл в номинации «Трудовые достижения».

В 2017 году корреспондент из Кемерово Остап Григорьянц стал лауреатом III Всероссийского конкурса журналистских работ Фонда Общероссийского народного фронта поддержки независимых региональных и местных СМИ «Правда и справедливость».

В 2019 году командующий войсками Центрального военного округа в рамках фестиваля прессы «Медиа-Ас – Центр 2019» вручил корреспонденту ГТРК «Новосибирск» Остапу Григорьянцу приз победителя в номинации «Проект специального назначения» – за лучший комплексный информационно-развлекательный проект (шоу, серию программ).

В рамках Международного форума «Российская энергетическая неделя» (РЭН 2022), который проходил в октябре 2022 года в Москве, заместитель председателя Правительства России Александр Новак и пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков вручили награду победителю международного медийного конкурса «Энергия пера» Остапу Григорьянцу из ГТРК «Кузбасс» в номинации «Лучший сюжет об энергетике на телевидении».

В октябре 2023 года в городе Таруса Калужской области под патронатом ВГТРК проходил ежегодный телефестиваль «Берега». И там Гран-при фестиваля завоевал корреспондент и ведущий программы «Вести-Кузбасс» Остап Григорьянц. Его видеофильм рассказывал о «гусельных дел мастерах».

Остап Юрьевич подчёркивает:

– Эту работу снимали два оператора. Мы старались. Это видеофильм про гусли. Там два кемеровчанина: один – заслуженный работник культуры, второй – автослесарь. И того, и другого объединяет то, что они делают гусли...

Наконец, в октябре 2023 года корреспондент ГТРК «Кузбасс» Остап Григорьянц получил премию конкурса «Сибирь.ПРО» (Новосибирск) за специальный репортаж «10 лет после пересадки сердца».

Можно быть уверенным, что это не последнее, а лишь очередное достижение...

Иван Коновалов: от многотиражки до программы «Время»

Об Иване Павловиче Коновалове земляки-кузбассовцы знают немного. А между тем, он – известный российский журналист, военный эксперт, кандидат исторических наук, более десяти лет был теле- и радиоведущим на российских каналах. Нет сомнения в том, что о нём надо обязательно рассказать читателям сайта слово-сочетание.рф.

Он родился 25 декабря 1967 года в городе Осинники Кемеровской области. Среднюю школу окончил в Новокузнецке. После этого работал корреспондентом в многотиражной газете «На стройке» треста «Новокузнецкстрой», осваивая здесь премудрости журналистской профессии.

В 1986 его призвали на срочную службу в Советскую армию. Два года служил в одной из частей, расположенных в Республике Монголия. После демобилизации вернулся в Новокузнецк, где ещё год отработал в многотиражке «Металлург» Кузнецкого металлургического комбината.

После этого решил поступать на дневное отделение факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Освоившего азы практической журналистики и воинского дела парня зачислили в МГУ. Здесь он изучал теорию, проходил учебную практику в столичных СМИ. Университет успешно окончил в 1994-м.

Ещё учась в вузе, точнее, с 1992 года, начал работать на Первом канале Останкино, где был редактором и ведущим международных новостей в программе «Утро», также стал автором и ведущим кинорубрики «От Мосфильма до Голливуда» – обзирал и анализировал кинорынок России и Запада.

А в 1994 году для него началась жизнь военного корреспондента, наполненная опасностями, тревогой и многочисленными интересными событиями.

Почти десять лет работал в таких горячих точках как Афганистан, Ирак, Сомали, Сербия и Косово, Таджикистан. Не обошёл и обе военные кампании в Чечне. Особую известность Иван приобрёл благодаря репортажам из Багдада во время войны 2003 года в Ираке, операция там носила название «Шок и трепет».

«Жизнь репортёра на войне – огромный риск, смешанный с приключениями, – рассуждал он в одном из своих военных репортажей. – А кто не рискует, тот... не передаст «картинку». Но конкуренция и особый драйв не оставляют времени думать о страшном. На войне трагическое и смешное рядом...».

Он снимал сюжеты о военных событиях в разных концах земного шара для информационных программ ИТА (Информационное телевизионное агентство – отдел в РГТРК «Останкино», занимавшийся производством разнообразных информационных программ для телевизионных каналов компании) с 1994-го по 1996 год; затем для ОРТ (1996-2000), РТР (2000-2001), ТВ-6 и ТВС (2001-2003). Иными словами, работал почти для всех федеральных телеканалов: Первого канала – «Новости», «Время», «Авторская программа Сергея Доренко»; РТР «Вести»; для «Сейчас», «Итоги», «Грани», выходявших на других каналах.

«Гостиницу «Аль-Мансур», где мы жили раньше, разбомбили окончательно, – передавал Иван Коновалов из Багдада – столицы воюющего Ирака. – Теперь мы в «Палестине», но и тут долбят постоянно. Взрывы ложатся в радиусе 800 метров от нас. На днях разнесли здание министерства безопасности, мы сразу поехали туда снимать, но местные секьюрити работать не дают и съёмку запрещают. Приходится идти на все возможные и невозможные ухищрения, чтобы выйти в эфир.

Денег у нашей съёмочной группы осталось на неделю. Что будет дальше – непонятно. Придётся выбирать самостоятельно. Но ничего, не в первый раз...».
(«Репортёры любят погорячее», [web.archive.org/web](http://web.archive.org/web/2003), 2003).

Думаю, кое-кто из телезрителей помнит и то, как Иван вместо известного Сергея Доренко даже провёл несколько выпусков информационно-аналитической программы «Время» в феврале-марте далёкого теперь уже 1999 года.

В 2003-2006 годах Коновалов работал заместителем директора Центра анализа стратегии и технологий. Отметим, что это более чем серьёзная организация – независимый коммерческий российский аналитический центр, который проводит исследования и анализ торговли обычными вооружениями, оборонной промышленности России, военных конфликтов, военной реформы в России и международных тенденций в области обороны. Основное внимание здесь уделяется и бывшим советским республикам. Сотрудники Центра также пишут отчёты и книги об «оборонке» Китая, Индии, Турции и многих европейских стран.

В 2006 году Иван Павлович вёл радиопрограмму «Военный совет» на всероссийском радио «Маяк», на которую приглашал экспертов. Они обсуждали, какие приоритеты есть у службы в армии, на что способны современные вооружённые силы России и другие темы.

После этого его пригласили на должность первого заместителя главного редактора – начальника военного отдела журнала «Смысл». А с февраля 2007 года Коновалов – уже главный редактор издательства «Социально-политическая МЫСЛЬ», также – военный обозреватель Издательского дома «Коммерсантъ». Здесь ему очень пригождается глубокое знание военно-политических проблем страны и мира, опыт военкора.

Так, в начале 2011 года, критически оценивая военный экспорт России, он пишет: «В посткризисном 2010-м был поставлен своеобразный рекорд: объём поставок

российского оружия составил более \$10 млрд, превысив объём предыдущего года сразу на \$1,5 млрд. Однако постоянно растущие цены на продукцию отечественного ОПК угрожают потерей главных преимуществ России на рынке вооружений – относительно невысоких цен и неплохого качества...». («Улетая от Китая», журнал «Коммерсантъ Власть», 14 марта 2011 г.).

В 2010 году в жизни Коновалова произошло очень важное событие: он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Распад государства и гражданская война в Сомали». Ему присвоили учёную степень кандидата исторических наук. К этому времени Ивану Николаевичу исполнилось 43 года.

Далее в карьере кандидата наук была работа военным обозревателем агентства Российского информационного агентства «Новости». После этого он трудился директором Центра стратегической конъюнктуры. Под его руководством эта исследовательская организация продолжала заниматься вопросами международной безопасности, строительства вооружённых сил, оборонной промышленности и военно-технического сотрудничества.

Когда на Украине в 2014 году началась гражданская война, Иван Коновалов почти на целый год вновь стал военным корреспондентом ТАСС на Донбассе.

Ещё в его творческой биографии была должность начальника сектора военной политики и экономики Российского института стратегических исследований, потрудился он и военным обозревателем-экспертом на канале «Царьград ТВ», креативным продюсером Телерадиокомпании Вооружённых сил Российской Федерации «Звезда». Наконец, с 2018 года он – директор по развитию Фонда содействия технологиям XXI века.

К этому надо добавить, что Иван Николаевич вполне состоявшийся писатель.

Ему принадлежат роман «Журфаковский дворик» (2016), детектив «Сержant и капитан» (2019). Он автор двух десятков монографий, среди которых «Военные операции Франции в Африке» (2014), «Солдаты удачи и воины корпораций. История современного наёмничества» (2015), «Войны Чёрного континента. Военные конфликты в Африке» (2017), «Локальные войны» (2017), «Авиация США в войне с Ираком в 2003 году // Грозное небо. Авиация в современных конфликтах» (2018), «Кавказская шахматная доска» (2020), «Под флагом Явного предназначения. История американских флибустьеров XIX века» (2020) и других.

Дмитрий Булейко, режиссёр родом из Кузбасса, снял для ТНТ сериал «Ткачёвы на связи»

Как и главная героиня сериала «Ткачёвы на связи», подчёркивает Дмитрий, он уехал из родного города за карьерой. Говорит, что из-за занятости на работе не часто удаётся увидеться с мамой и сестрой с племянниками вживую, ведь они находятся в Кемерове. Так что большую часть времени семья созванивается по видео, как и персонажи сериала.

Летом 2024 года на телеканале ТНТ (в рамках Года семьи) состоялась премьера сериала «Ткачёвы на связи» (16+). Это история о семье, члены которой живут в разных уголках нашей страны, но сохраняют тёплые отношения друг с другом. Режиссёром картины стал уроженец Кемерова Дмитрий Булейко.

Дмитрий родился 8 августа 1987 году в столице Кузбасса. Он тепло отзывается о детстве: летом проводил время у бабушки на окраине Кемерова, иногда с бабушкой они ездили гулять в центр города. Это называлось «поехать в город». В детстве он занимался музыкой и спортом.

– Если говорить о городе детства, первое, что вспоминаю, – бабушку, потому что вырос у неё на районе. Как город, так и людей, с которыми я провёл своё детство и юность, очень люблю. Когда у меня получается приезжать туда, это всегда праздник, потому что скучаю по родным краям и по людям, которые там остались. Приезжать всегда приятно, – вспоминает Дмитрий в интервью, которое дал журналистке Анастасии Ильиной из портала NGS42.RU (<https://ngs42.ru/text/entertainment/2024/06/22/73723814/NGS42.RU>).

В школьные годы Дмитрий занимался музыкой. Ещё в школе он увлёкся видеомонтажом, освоил все необходимые элементы и приёмы этого дела. Сам снимал и сам монтировал свои первые видеоролики.

– В школе у нас была рок-группа, – рассказывает Дмитрий, – один наш знакомый позвал выступить в вузе на факультетской Студвесне. Сам опыт был хорош тем, что мы побывали на большой сцене с полным залом. А самое интересное, что тогда я попал в творческую компанию ребят, которые вечерами после учёбы придумывали номера, СТЭМы (то есть, аудиофайлы, в которых содержится сведённая группа песен) и даже целые концертные программы. В тот момент я впервые увидел, что видео может быть тоже частью концертной программы и участвовать в творческом соревновании. С того момента я загорелся им. Так как с музыкой не получилось продолжить после поступления в вуз, то сконцентрировался на своём втором любимом хобби – снимать видео и монтировать...

После окончания школы Булейко поступил на шахтостроительный факультет Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачёва. Во время учёбы в КузГТУ уже серьёзно увлёкся видеопроизводством, занимался созданием видеоконтента для студенческих творческих движений: «И уже ни один факультетский концерт не проходил без моей видеоработы, а позже так было и на уровне вуза, области и даже Российской студенческой весны»

Тогда-то он и попал в экспериментальный театр «Карман», где познакомился с руководителем Юлией Лунёвой. Так как раньше на Российской студенческой весне не было направления «Видео», Дмитрий поучаствовал в ней всего один раз в Волгограде в 2008 году:

– В оригинальном жанре мы с театром «Карман» делали номер, где использовалась видеопроекция. Это была «лазейка» для меня, как поучаствовать в фестивале с видеоработой. Этот номер получил Гран-при, а наша делегация получила общекомандный Гран-при Студвесны. Сильные впечатления – на всю жизнь, когда мы выходили на сцену перед тысячами студентов других регионов получать награду. Такие события дают тебе стимул развиваться в творчестве, чтобы рано или поздно выйти на профессиональный уровень...

В театре «Карман» образовался пул эстрадно-театральных номеров с использованием видеопроекции, и Дмитрий с коллегами гастролировал по разным городам. Помимо театра, снимал и монтировал другие работы для молодёжных фестивалей:

– Меня это всё завораживало, и я искал любые возможности, чтобы перейти на следующий уровень в своём ремесле. К сожалению, в маленьких городах очень слабо развита видеоиндустрия, а у меня была потребность попасть в профессиональную струю. Однажды я поехал на очередной фестиваль в Казань, там познакомился с Мишей Маризовым, с которым в итоге в 2010 году организовали в Казани студию видеопродакшн.

Это и была основная причина моего отъезда из Кемерово. На тот момент у Миши были заказчики, которым требовался видеоконтент, мы приезжали на съёмки в разные города, получали позитивную обратную связь, и у нас стали появляться проекты.

Вместо пяти лет Дмитрий учился в вузе семь: дважды из-за неуспеваемости брал академический отпуск, потому что много времени уделял творчеству. Некоторые преподаватели его не любили, – отмечает Булейко, – так как считали, что он неуважительно относится к предметам.

В 2011 году он, как и обещал маме, всё-таки окончил вуз, получил диплом КузГТУ, став инженером – экспертом по недвижимости. И после этого окончательно переехал жить и работать в Казань. После Кузбасса адаптироваться там было непросто:

– Когда переезжаешь в другой город, обнуляется полностью вся инфраструктура, которую успел наработать в родном городе. Друзья, знакомые, места, даже любимая еда – всё обнуляется, и приходится заново всё обустраивать. Трудности были с выстраиванием бизнеса, потому что на старте ничего не понимаешь. В начале пути было очень много разных ошибок, но в итоге всё получилось...

Компания, которую они создали, проработала на видеорынке семь лет. Потом Дмитрий Булейко поехал в Москву, потому что понял – хочет подняться выше ещё на одну ступень.

Здесь он начал соприкасаться с настоящим производством художественного кино. В Москве он поработал, правда, и моушен-дизайнером (это специалист, который занимается дизайном анимации, превращает обычные картинки в двигающиеся фигурки), и арт-директором, и продюсером графических проектов, и режиссёром монтажа, и так далее.

– Но кинорежиссура – это самое сложное из всех позиций, на которых я успел потрудиться, – подчёркивает Дмитрий. – В большом кино режиссёр, помимо творческого видения и понимания того, как его транслировать зрителям, должен ещё иметь большое количество компетенций: понимать сценарий и его слабые и сильные стороны, как дорого будет снят этот сценарий и сделать его дешевле, но чтобы не просело качество, разбираться в композиции, свете, художественных решениях, в актёрской игре – всё до самых мельчайших деталей.

Режиссёр на проекте – это тот, кто несёт ответственность за решения, которые ему нужно принимать каждый день сотни раз. Он должен постоянно коммуницировать с актёрами, настраивать их на продуктивную работу, а также всю съёмочную группу, число которой может составлять от 50 до 100 человек и больше. Работа очень сложная, но интересная. Монтаж в этом плане полегче, хотя также очень интересен...

Кстати, надо отметить, что в качестве режиссёра-монтажёра Д. Булейко смонтировал уже несколько кинофильмов. Например, в содружестве с Иваном Кожуховым смонтировал фильм «Тополиный пух» (режиссёры Артём Лемперт и Кирилл Клепалов).

В этой комедийной ленте одинокий и несчастный охранник Саша уверен, что личная жизнь пошла наперекосяк. Однако в самый неожиданный момент влюбляется в девушку и начинает видеть мир иначе. Герой сталкивается с множеством трудностей и опасных приключений, которые заставляют его не только спасти себя, но и помочь другим.

За время проката фильм посмотрело около 200 тысяч зрителей, а кассовый доход составил около 70 миллионов рублей. Немного, конечно, но для начала неплохо.

Ещё один смонтированный Дмитрием фильм (телесериал) «Вика-ураган» (режиссёры Илья Петрухин и Олег Гольдфайн). Героиня оказывается в женской колонии за нанесение тяжких телесных повреждений. Её жизнь разделяется на «до» и «после», причём не только в стенах исправительного учреждения. Выйдя на свободу досрочно за примерное поведение, она обнаруживает, что её никто не ждал.

Вике помогают новая подруга, освобождённая в один день вместе с ней из тюрьмы, и новый поклонник, ухаживания которого Вика пока не готова принимать... Видимо, продолжение будет в новом сезоне сериала.

И вот – «Ткачёвы на связи» – сериал, где Дмитрий уже выступает в роли режиссёра-постановщика.

Сюжет таков: главная героиня решает уехать в мегаполис, чтобы выстроить там свою жизнь, а её сестра, наоборот, направилась в глухую провинцию. То есть, одна выбирает работу и карьеру, другая – семью в деревне. Они сталкиваются с жизненными препятствиями и помогают друг другу их преодолевать. Всё это посредством видеосозвонов:

– Да, это моя дебютная работа, если не считать пилот этого же сериала, снятый в 2021 году. До этого я работал около 7 лет режиссёром монтажа (к названным выше фильмам, которые он смонтировал, надо прибавить ещё сериал «Конная полиция»). Съёмки – это очень интересный и одновременно стрессовый процесс, который таит в себе множество форс-мажорных ситуаций. Даже если всё заранее распланировано, иногда ситуация кардинально меняется и нужно придумывать решение задачи на ходу. В общем, держит в тонусе!

Фильм – история о семье, разделённой расстоянием, – на его взгляд, эта тема сегодня очень злободневная и актуальная:

– Она и лично мне близка, потому что я из своего родного Кемерова уехал достаточно давно, в возрасте двадцати лет. И в целом моя коммуникация с семьёй примерно так и происходила, как в нашей киноистории – и до сих пор так происходит. Вроде бы этот сюжет лежит на поверхности. Мы понимали, что заходим в эту же «калитку», но постарались рассказать историю по-своему, понимая, что менее актуальной эта проблема точно не станет: люди так же путешествуют по России, кто-то уезжает и в другие страны.

Мы не оцениваем, правильно это или нет, это просто данность – многие семьи живут на расстоянии. Но даже если это так, вы можете продолжать общаться, любить друг друга, обижаться друг на друга, решать проблемы, помогать. Да, даже через камеру телефона. Да и технологии не стоят на месте, смартфоны есть уже в каждой деревне...

На первый взгляд – это фильм-комедия.

– Но, – подчёркивает Дмитрий, – драматизм тоненько, потихонечку приходит к концу сезона, однако мы в этом плане достаточно стабильно остаёмся в жанре, не «сваливаемся» в драму». Тем не менее, меня, как режиссёра, устраивает, когда комедия вызывает не хохот, а улыбку...

Ещё одна линия, которую старается «вести» в своём сериале наш режиссёр-постановщик, заключается в том, что семья остаётся семьёй, неважно, на расстоянии она или нет. Рано или поздно она всё равно собирается вместе:

– Когда мы становимся старше, мы понимаем, что семья – это самое важное, многие, если не общались по какой-то причине с родными, стараются это общение наладить.

Сериал – это послание всем: позвоните родителям: «Часто мы не хотим: вроде бы нечего сказать, не хочется говорить, что-то не так, некогда, заняты. Но когда мы позвоним, нам чаще всего становится легче и лучше. Нужно быть терпимыми, слушать и оказываться рядом, даже если не просят. Тогда вы – семья, независимо от того, на расстоянии или нет. И мы напоминаем об этих простых вещах...

С этого проекта, считает Дмитрий Булейко, он уже становится настоящим режиссёром (кстати, свой сериал он смонтировал тоже сам), который профессионально управляет всем составом немалой съёмочной команды. Для него это большой опыт и подспорье для дальнейшего роста и съёмок новых проектов.

Кроме работы режиссёром, он ещё преподаёт, пытается передать своим ученикам то, чему уже научился сам:

– Я прошу на всех своих лекциях и выступлениях перед студентами обратить особое внимание на сценарии. Читайте книги о том, как писать, читайте сценарии, практически все они есть в доступе. Читайте просто книги: классику, пьесы. Найдите что-то общее у них: кто такой герой и чем он занимается в историях. Всё это поможет вам перейти на новый уровень в ваших видеоработах.

И обязательно любите то, чем вы занимаетесь, бескомпромиссно любите! Это даст вам силы на бессонные ночи и на то, чтобы становиться чуть лучше каждый раз. Никто не сможет вас сбить с пути, если вы будете любить то, чем вы занимаетесь, и то, что у вас получается. Любите свои идеи, любите их воплощение, любите победы и неудачи, они делают вас сильнее лучше любого триумфа. Любите творчество и любите себя и своих близких – тогда всё получится.

Конечно, он скучает по Кемерову. Прежде всего, потому что здесь живут его родные:

– Естественно, я постоянно на созвоне с мамой по видео и не только. Сейчас столкнулся с забавным парадоксом: из-за подготовки сериала я стал реже звонить маме, за что мне очень стыдно. Ведь ирония в том, что посыл моего сериала: «Звоните родителям».

Дмитрий Булейко становится старше. Начинается переоценка, по-другому расставляются приоритеты, появляются новые ценности. Это происходит тогда, когда в карьере определился, встал в колею и начал смотреть по сторонам и понимать, «что же вообще такое жизнь», «кто я в этой жизни», «кто те люди, которые меня окружают». В такие моменты происходит понимание, что семья гораздо важнее карьеры.

Вместе с тем, отмечает режиссёр, киноиндустрии в Кузбассе нет. Но это проблема не только нашего региона, и других тоже. По словам Д. Булейко, в сфере кино всё очень централизовано – все специалисты находятся в Москве, часть в Питере и других больших городах:

– Было бы круто, если бы в разных регионах были свои киноцентры. Ничего не могу сказать о киноиндустрии в Кузбассе, но я был бы рад, если бы она там развивалась. Это не первоочередный вопрос, не то, что нужно людям. Но если будет необходимость развития киноиндустрии в своем регионе, я с удовольствием в этом поучаствую. Это очень сложная задача, но интересная...

В свободное время Дмитрий любит кататься на роликах и отдыхать с сыновьями. Вообще-то у него много разных увлечений:

– У меня двое сыновей. Когда есть свободный вечер и можно детей с кем-то оставить, то мы с женой стараемся выбраться куда-то на концерт, на какое-то музыкальное мероприятие. Люблю немного поиграть в компьютерные игры, изучаю английский язык, играю на гитаре, фотографирую, что-то снимаю для себя, занимаюсь дизайном. По возможности стараюсь встречаться с друзьями, поиграть в баскетбол, сходить в бар пообщаться.

У него есть и мечта – снять фильм, который станет «фильмом всей моей жизни». Дмитрий хочет снять полнометражную историю, которая выйдет в прокат, «чтобы она была написана и рассказана именно мной. Это давняя мечта, к которой я постепенно иду».

Фотохудожник-волонтёр Юрий Лобачёв

На вопрос: кем хотел стать в детстве? – Юрий отвечает: «Интересов было много, хотел стать то художником, то музыкантом, то архитектором, то спортсменом, то космонавтом... Когда мне было 16 лет, отец разобрал старые коробки, нашёл старый плёночный фотоаппарат и отдал мне. С этого началось моё увлечение фотографией».

Так что фотографией он увлёкся с юных лет, и это стало делом его жизни.

Сегодня фотохудожника Юрия Лобачёва хорошо знают не только коллеги по творчеству, но многие жители Новокузнецка и других городов юга Кузбасса. Он и фотожурналист, и предприниматель, и общественный деятель. Он – и в Союзе предпринимателей Новокузнецка, и – в Союзе журналистов России, член новокузнецкого волонтерского корпуса и Совета молодёжи Новокузнецка, а также входит в состав Кузбасской торгово-промышленной палаты... Сейчас активно трудится на горнолыжном курорте в Шерегеше.

Его любят за профессионализм, энергичность, весёлый нрав, доброе сердце и открытую улыбку.

Юрий родился 20 апреля 1986 года в Новокузнецке. Учился в Metallурговской средней школе, что в посёлке Metallургов Новокузнецкого муниципального округа. Затем окончил Новокузнецкий строительный техникум, а в 2000 году – Сибирский государственный индустриальный университет по специальности «промышленное и гражданское строительство». Так что по образованию он – строитель, а по призванию – фотограф.

«Став старше, – вспоминает он в интервью «Хотя бы раз в день я делаю доброе дело» (О. Михайлова // Vashgorod.ru, 2 ноября 2016) – купил себе фотоаппарат «Зенит». Потом была уйма других: плёночные, цифровые, зеркальные, цифровые. Постепенно стал внештатным фотографом в разных СМИ. Так незаметно моё хобби стало приносить мне доход...».

Несколько лет как внештатный фотограф он активно сотрудничал с различными СМИ Новокузнецка и Кемеровской области. Наконец, в 2012 году выиграл два небольших гранта, но их хватило, чтобы купить оборудование и стать фотографом – индивидуальным предпринимателем. Его фирма так и называлась: «ИП Лобачёв Ю. С. «Фотостудия «Первый кадр»». При этом он продолжал снимать для новостных изданий и сайтов.

На сегодняшний день заказчики довольны качеством фоторабот, сделанных под брендом «Фотостудия Юрия Лобачёва».

В 2015 году Юрия приняли в Союз журналистов России, о чём сообщила городская газета «Кузнецкий рабочий» в заметке «Нашего полку прибыло» (3 октября 2015, № 114), пожелав новоиспечённому члену творческой организации «увлекательных тем и удачных фотографий! И помни, в нашем деле нет «лучших» навсегда, потому что каждый раз ты должен подтверждать свой уровень и профессионализм заново».

Впрочем, он это и подтверждает, не стесняясь...

Кроме того, Юрий на протяжении многих лет принимает активное участие в оказании адресной помощи ветеранам и вдовам ветеранов войны, в благоустройстве памятных мест и мест захоронений участников войны, в организации отдыха и занятий спортивным и экологическим туризмом детей и взрослых с ограниченными физическими возможностями. Охотно участвует и в других социальных, экологических, благотворительных акциях, проводимых в Новокузнецке и Кемеровской области.

«Когда в нашем городском комитете по делам молодёжи появился волонтерский корпус, мне эта идея сильно понравилась, – рассказывает он. – Люди, чаще пожилые, одинокие, подают заявки – кому какая нужна помощь. А волонтеры приезжают, делают. Я тоже стал ездить, помогать: дрова колоть, огород копать, снег убирать, небольшим ремонтом заниматься. А сейчас те, кому уже помогал, сами звонят: «Юра, кран почини!», «Юра, дрова кончаются!». Что такое для молодого здорового мужчины один час дрова поколоть? Просто небольшая физическая разминка, даже приятно. А одинокому ветерану этих дров хватит на месяц».

Юрий Лобачёв был автором и координатором проекта «Первый кадр», направленного на формирование у новокузнецчан интереса к творчеству, саморазвитию и самореализации, на укрепление патриотизма к родному городу через фотоискусство, к истории, славному трудовому и боевому прошлому Новокузнецка, его культуре, архитектуре.

«Суть проекта «Первый кадр» заключается в том, что я обучаю фотоискусству детей из детских домов, инвалидов, родителей инвалидов, – уточняет Юрий. – То есть, тех людей, которые хотели бы заниматься творчеством, но у них нет возможности материальной или физической. Я даю им эту возможность. Участие в проекте помогает им определиться с хобби или даже выбрать профессию. Среди моих учеников уже есть серьезные фотографы, которые побеждают в фотоконкурсах. Есть те, кто работает фотографом, так как, например, на другую работу они не смогли устроиться».

Работу молодого предпринимателя заметили и отметили. В 2014 году студия «Первый кадр» стала победителем муниципального конкурса «Лучший

предприниматель года» и победителем конкурса «Помогать просто!» в номинации «Помогай-бренд». А в 2015 году проект «Первый кадр» признали лауреатом конкурса «Лучшие товары и услуги Кузбасса».

«Первый кадр» был признан не только на городском и региональном уровнях. В сентябре 2016 года Ю. Лобачёв одержал победу в областном конкурсе «Лучший Доброволец Кузбасса». Также стал одним из самых перспективных предпринимателей Сибири, представив этот проект на форуме «Территория бизнеса – территория жизни». Он победил в номинации «Лучший созидательный проект» по Сибирскому Федеральному округу (финал форума проходил в Москве).

«Я был очень рад, что о моём проекте узнали не только в Сибири, – отметил Юрий Лобачёв, – что люди в разных уголках России тоже могут делать что-то подобное. В любом городе это возможно. Я всегда с радостью помогу советом, поделюсь своими авторскими методиками. Мне не жалко. В планах у меня – всем помогать, делать жизнь других людей лучше, легче и счастливее».

Список конкурсных побед Юрия продолжился. Так, в 2015-2016 годах он стал финалистом конкурса «Молодой предприниматель России» в номинациях «Социально ответственный бизнес» и «Социальный бизнес года»; в 2016-2017 годах – победителем в конкурсе «Бренд Кузбасса». Победил в национальной премии «Золотой Меркурий-2019», учреждённой Торгово-промышленной палатой РФ. Стал финалистом межрегионального конкурса в области добровольчества «Хрустальное сердце Сибири».

«Волонтёром может стать каждый, – считает Юрий. – Ведь существует серебряное волонтерство – это когда волонтеру за 50 лет. Даже инвалиды могут быть волонтерами – это называется инклюзивное волонтерство. Какие же в добром деле могут быть ограничения? Быть волонтером не сложно, но очень важно и полезно...».

Он отмечает, что волонтерское направление активно развивается. Уверен, что все должны что-то хорошее делать, должны кому-то помогать: «Иначе получится, что зря живём».

Новокузнецкие чиновники ценят в деятельности фотожурналиста Ю. Лобачёва то, что он оказывает поддержку городской администрации в освещении значимых событий: Дней города, юбилеев Победы в Великой Отечественной войне и других памятных дат. Его фотографии используются для городских баннеров, открыток, презентаций, видеороликов.

Фотографии Юрия украшают множество издательских проектов – книг и фотоальбомов о городе и новокузнецанах: «Шахтёрская слава Новокузнецка», «Мой город Новокузнецк», «90 лет Новокузнецкому району», «Памятники Великой Победы в Новокузнецке», «Прогулки по старому Кузнецку», «Почётные граждане города Новокузнецка», «100 знаменитых новокузнецчан», «100 рекордов Новокузнецка» и другие издания.

Городская библиотека имени Н. В. Гоголя и Новокузнецкий краеведческий музей тоже считают его «своим». С 2016 года он помогает делать известный городской сайт «400 знаменитых новокузнецчан» и официальный сайт Гоголевки, предоставляет сюда фотографии для иллюстрирования, пополняет цифровой архив фотографий библиотеки и музея.

«Профессионально пишет историю города в фотографиях», – так говорят о нём те, кто умеет по достоинству ценить фотоволонтерство Юрия.

Высокий профессионализм Юрия Лобачёва отмечен и Новокузнецким городским отделением Союза журналистов. Работы Лобачёва победили в конкурсе фотографий «Шерегеш спортивный» – в номинации «Лыжник Шерегеша» (2012), а

сам он был признан победителем и лауреатом городского конкурса журналистских работ имени Анатолия Сосимовича (2015, 2020 и 2021).

С его участием прошло несколько региональных и федеральных фотовыставок. Первая персональная выставка фотографа «Поэзия вокруг» состоялась в 2010 году в книжном магазине «Плиний Младший» (Новокузнецк). Следующая была в Санкт-Петербурге. В 2012 году в книжном магазине «Планета» (Новокузнецк) прошла персональная выставка Юрия, приуроченная к 70-летию Кемеровской области.

В 2016 году Юрий представил выставку «Природа родного края» (в рамках фестиваля «На зелёной волне» в новокузнецком сквере имени Н. С. Ермакова) и фотовыставку о городе (в администрации Новокузнецка).

В мае 2018 года в выставочном зале Дома Творческих Союзов Новокузнецка прошла большая персональная фотовыставка Юрия Лобачёва «Новокузнецк – мой город», посвящённая 400-летию города, которая чуть позже экспонировалась и в библиотеке имени Н. В. Гоголя.

Одна из фотографий Ю. Лобачёва была представлена в Швейцарии на фотовыставке «Когда крылья важнее. Преодолевая стереотипы» (When the wings are more important. Overcoming stereotypes. Женева, февраль 2018).

За волонёрскую деятельность Юрий Сергеевич Лобачёв удостоен знака «Доброволец Кузбасса» (2018). Награждён почётными грамотами главы Новокузнецка и Новокузнецкого городского Совета народных депутатов, Золотым знаком «Новокузнецк» (2020).

А ещё он имеет немало благодарственных писем: от Кемеровской региональной общественной организации инвалидов «Физкультурно-спортивный клуб инвалидов «Факел» и Кемеровской региональной общественной организации родителей и детей инвалидов «Особое детство»; от АНО «ДОБРО плюс»; от муниципального казённого учреждения Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Берег надежды»; от главы Новокузнецкого района...

Всех его наград не перечислить. Только трудится Юрий Лобачёв не ради наград, а ради людей.

Оглавление

Часть 1. Да не сотрётся память

Мы не один пуд соли вместе съели. (Заметки о жизни и совместной работе с Николаем Самошонковым).....	5
Евгений Ксензенко: «Я очень жадный до жизни...»	43
Виктор Кунгурцев: «Дружба – это дело круглосуточное и круглогодичное...».....	47
Рассказ о том, как Юрий Иванович Командиров стал первым телеоператором в истории телевидения Кузбасса.....	51
Александр Пинаев: «Несвязный говор собственной души оставь себе. Об этом не пиши...».....	64
«Не могу представить, чтобы кто-то, встретясь с ним, его не полюбил» (Памяти педагога, редактора и издателя Анатолия Ивановича Кыкова).....	68
Василий Афанасьев: «Не зря приехал он на Кузнецкстрой».....	73
Максим Васильевич Мальцев: «Считаю, мне повезло в жизни».....	79

Часть 2. Служили Отчизне в бою

Иван Андреевич Бабанакоев был редактором гурьевской газеты «Знамя Ильича» в начале 1940-х годов.....	83
Любе Богадюк выпало воевать всего четыре дня.....	88
Иван Николаевич Васильев: «Мы будем выпускать самую лучшую газету в области!».....	93
История о том, как электромонтёр ОблРадио Михаил Иванович Вдовиченко был военным моряком.....	103
Собкор Всесоюзного радио Виталий Фёдорович Галдаев.....	109
Михаил Васильевич Гвоздикиев стал первым директором РТЦ в составе Кемеровской областной студии телевидения.....	113
Владимир Алексеевич Гончаров более 45 лет трудился в районных газетах Кузбасса.....	117
Многие передачи Кемеровской студии ТВ своим успехом не в последнюю очередь были обязаны талантливому художнику-постановщику Рудольфу Желеховскому.....	120
Легенда ОблРадио Василий Кириллович Жутяйкин.....	125
Иван Андреевич Сокол победил на войне и отдал жизнь областному радио.....	130
Редактор мариинской газеты «Вперёд» Григорий Михайлович Шинкаренко не давал застояться репортёрской мысли до шаблона и стереотипа.....	138

Необыкновенно мобильный радиожурналист Михаил Васильевич
Ялин.....142

Часть 3. Творчество требует смелости

Остап Юрьевич Григорьянц – от Кемерова до Сахалина и...
обратно.....147

Иван Коновалов: от многотиражки до программы «Время».....151

Дмитрий Булейко, режиссёр родом из Кузбасса, снял для ТНТ
сериал «Ткачёвы на связи».....154

Фотохудожник-волонтёр Юрий Лобачёв.....159

Об авторе

Сергей Черемнов – коренной кузбассовец, родился 12 января 1956 года в Прокопьевске.

Окончил филологический факультет Кемеровского госуниверситета, отделение журналистики Сибирского института социального управления и политологии.

Работал корреспондентом, заведомом промышленности, главным редактором городской газеты «Шахтёрская правда» в Прокопьевске. В 1982-1985 годах был собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс».

В 1987 году переехал в Кемерово, заведовал сектором печати, телевидения и радиовещания Кемеровского обкома партии.

В 1991 году с коллегами организовал первую областную негосударственную телерадиокомпанию «Агентство информации Кузбасса – АИК», где работал главным редактором.

В 1994-1995 годах руководил пресс-службой Законодательного Собрания Кемеровской области первого созыва.

В 1996-1997 годах в Москве возглавлял пресс-службу российского Министерства по делам СНГ. Затем около пятнадцати лет был начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области – пресс-секретарём губернатора Кузбасса.

В 2015-2020 годах трудился заместителем председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области.

Член Союза журналистов России.

Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат премии Кузбасса.

Автор серии очерковых сборников «Творческие люди» – о журналистах, литераторах и деятелях других сфер культуры Кемеровской области; книг по истории журналистики Кузбасса.

Также автор литературных сборников рассказов «На картошку» (2015), «Ёршик с ангиной» (2018), «Партийный хит сезона» (2019), «Сибиряки на Варварке» (2021); «Капчагайские рассказы» (2024), «Городские деревенские» (2025); повестей «Галкинус» (2020), «Бонины радости» (2020) «Спасти шахтёров» (2023).

Сергей Иванович Черемнов

Творческие люди
(очерки, зарисовки, статьи, эссе)

Книга шестая

Массово-публицистическое издание

Электронная книга)

Компьютерная вёрстка, оформление и создание pdf автора

Редактор Нина Михайловна Инякина

Консультанты:

Галина Николаевна Черемнова

Наталья Георгиевна Круглякова

В книге использованы фотоиллюстрации
из личного архива автора и Internet.

Подготовлено к публикации 13.04.2025 г.

© Черемнов С. И., текст
© Оформление автора
г. Кемерово, 2025 г.